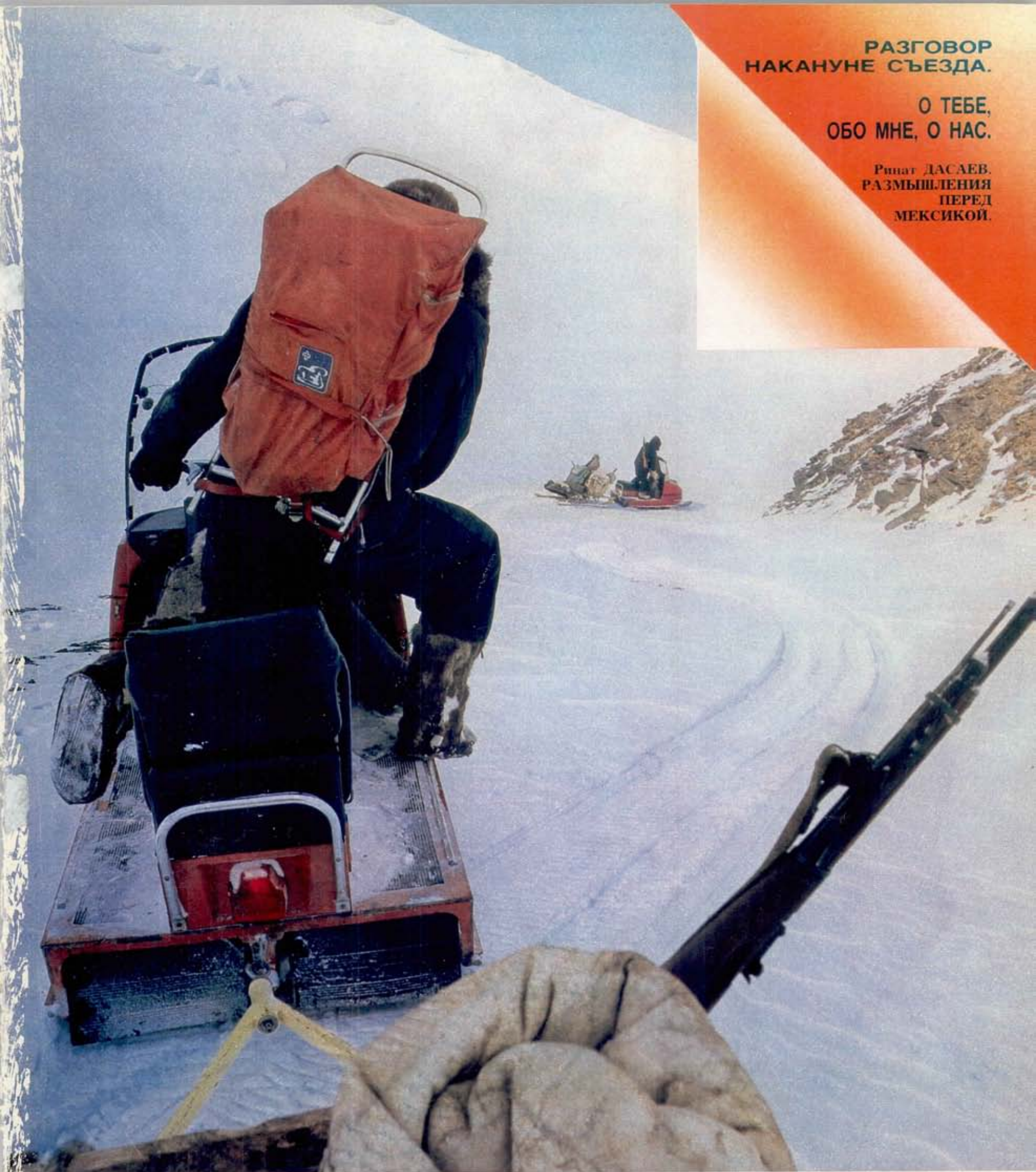


РАЗГОВОР
НАКАНУНЕ СЪЕЗДА.

О ТЕБЕ,
ОБО МНЕ, О НАС.

Ришат ДАСАЕВ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ
ПЕРЕД
МЕКСИКОЙ.



СМЕНА

ISSN 0131—6656

№ 1 (1407) январь 1986

В канун партийного съезда каждый честный человек должен прямо спросить себя: так ли живу? Отвечают ли мои поступки велению времени? Могу ли прямо в публикациях, которые мы предлагаем вниманию наших молодые коммунисты, вчерашние комсомольцы, ведут принципиальный разговор о том, что волнует сегодня

Юрий КОРТУНОВ,
бригадир аппаратчиков
Охтинского НПО
«Пластполимер»,
член бюро Ленинградского
горкома ВЛКСМ,
лауреат премии
Ленинградского комсомола

ды со «смешанным» возрастным составом: так сказать, опыт и знания старших плюс энтузиазм младших... И когда в 1978 году решили-таки в нашем полимерном цехе организовать первую чисто молодежную бригаду, многие кадровые рабочие откровенно сомневались: мол, без «опекунов» все равно не обойдется.

Обошлись. Конечно, наставничества при этом никто не отменял. Был и буду всегда благодарен за рабочую науку, за помощь и поддержку своей наставнице Римме Яковлевне Смирновой — бригадиру, кавалеру ордена Ленина. Не только профессии учила меня она, но и подходу к людям, бригадной «тактике» и «стратегии». Особенно важно все это было, когда мы, полтора десятка ребят и девчат, делали свои первые шаги как самостоятельный коллектив.

Сегодня у нас никому и в голову не придет думать, что без опеки старших молодым не под силу решать сложные задачи опытного производства. Опровергли такой взгляд комсомольско-молодежные бригады. Их уже несколько, и все они со значительным опережением сроков выполнили пятилетние задания.

Бригада аппаратчиков молодого коммуниста Сергея Сергеева, например, справилась со своей пятилеткой еще в июле. Бригады комсомольца Валерия Шешина и коммуниста Сократа Сулейманова — в сентябре. И это, повторяю, в условиях отнюдь не поточного, а, как у нас его называют, опытно-наработочного производства.

Теперь нам бы радоваться, что наверстали некогда упущенное, что уже и из министерства звонят: даешь, говорят, молодежные бригады на «Пластполимере»! Такой от них эффект — вся отрасль чувствует! А у нас вместо радости тревога.

Вышло так, что, пока вытаскивали голову, хвост увяз...

Да, молодежная бригада воспитывает и творческое отношение к делу, и инициативность, и ответственность. Но, чтобы бригада состоялась, в ней должно быть ядро активистов, уже обладающих этими качествами. А чтобы бригада трудилась в стабильном составе не год, не два (тогда она по-настоящему и эффективна!), формировать ее надо главным образом из выпускников ПТУ, сверстников.

Так у нас на заводе и делается. Но в последние годы стали возникать неожиданные трудности.

Забегал ко мне в перерыве один энергичный такой паренек. Сказал, что нужен я ему «как член бюро горкома комсомола». Выяснилось: окончил, как и я когда-то, наше базовое СПТУ-32, недавно вышел на работу. На участке,

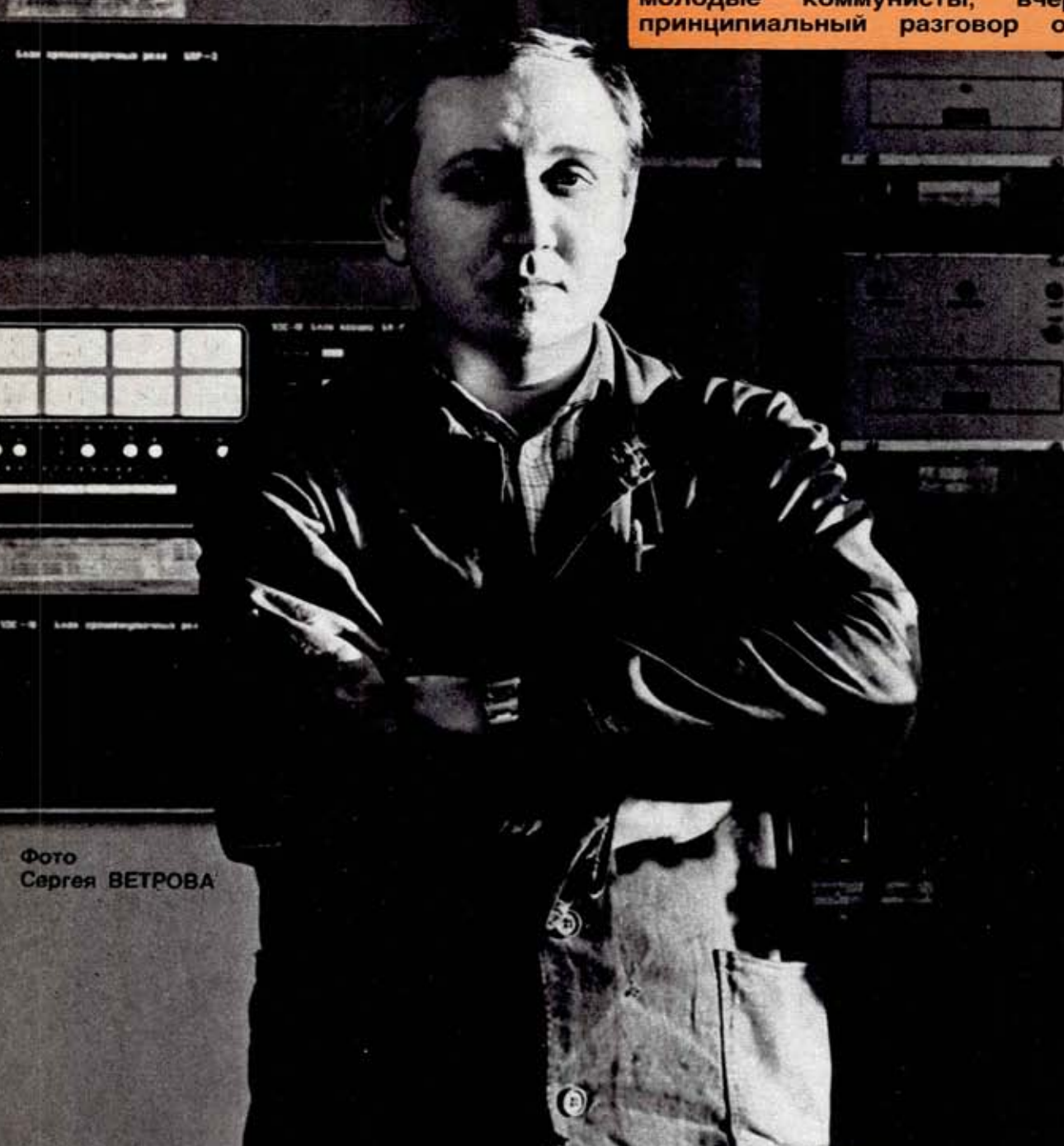


Фото
Сергея ВЕТРОВА

Нтык пятилеток, преддверие партийного съезда. Время, когда надо оглянуться, задуматься, спросить себя: что сделано лично мной за истекшие годы? Чем могу гордиться, а что упустил? В чем причины ошибок и как их исправить?

Наверстывать, исправлять надо срочно. Немедленно. **Несделанное сегодня — тормоз завтрашних дел.**

Часто, к сожалению, понимаем мы это слишком поздно. Удивляемся: сколько еще всякой всячины, мешающей быстро шагнуть вперед! А приглядимся — да это же не сделанное нами вчера, позавчера. Скопилось, вот и вязнут в нем ноги.

Не о «железках», не о станках говорю — о нас самих. Об отношении каждо-

го к делу, о личном чувстве ответственности, об организации нашей работы. В этом вижу неисчерпаемый кладезь резервов. В отношении к этому же — наши промахи.

Возьмем бригадную организацию труда. Точнее, организацию труда комсомольско-молодежных коллективов. Давно всем известно об их громких успехах на крупнейших стройках, на заводах-гигантах. Но как-то незаметно сложилось негласное мнение: там, где масштабы поменьше, где с романтикой туго, там от молодых энтузиазма ждать нечего, а значит, и создавать там комсомольско-молодежные бригады смысла нет. В корне ошибочное, консервативное мнение, но сколько лет ушло на то, чтобы его опровергнуть!

На Охтинском химическом заводе

НПО «Пластполимер» я работаю уже больше десяти лет. Когда пришел сюда после ПТУ, бросилось в глаза, как много вокруг молодежи. Трудился увлеченно, с интересом. А вот настоящего комсомольско-молодежного коллектива, о каких читали на первых страницах газет, ни одного не было.

Производство, надо сказать, у нас специфическое, опытное. Крупносерийной продукции мы практически не выпускаем. На первый взгляд и «развернуться» как следует, эффектно перекрыть в два-три раза напряженную норму вроде бы возможностей нет. Только-только наладил дело, набрал темп — переходил на новую продукцию, осваивая новое оборудование, отработывая новую технологию. В общем, непростая работа.

Традиционно здесь трудились брига-

И КОММУНИСТ

ЧТО СДЕЛАНО

смотреть людям в глаза?
читателей,
открытый,
каждого из нас.

куда попал, дали ему для начала несложное комсомольское поручение. И правильно. Мы тоже в своем цехе сразу даем новичкам возможность проявить себя в общественной работе. Через нее ведь о человеке многое можно узнать.

— Так в чем же проблема? — спрашиваю. — Помощь нужна?

— Да нет, — отвечает. — Я еще и не делал ничего. Я прежде спросить хочу: а что мне за это будет?

— В каком смысле? — не понял я.

— Ну, в смысле... что я с этого буду иметь?

— А что ж с этого можно иметь?!

— Ну, — отвечает, — путевочку там... Билеты куда-нибудь бесплатные, еще какие льготы...

Вот так! От него инициативы, активности ждут, а он приценивается! Ждали единомышленника пусть с еще не сложившимся до конца, но все же рабочим характером, а пришел самый заурядный механик, хоть и из рабочей семьи.

И вот о чем в связи с этим подумалось. Не стоит винить во всем школу, семью, ПТУ. Дескать, не доглядели, упустили, воспитали нам юного обывателя. Не верю, что подросток сегодняшней хуже вчерашнего. Убежден: не хуже — умнее, способнее! Просто требования наши, нравственные требования времени к тем, кто приходит сегодня в рабочий класс, стали значительно выше.

Что же сделали мы, молодые заводские коммунисты, комсомольцы, сами уже наставники, для того, чтобы приходящее к нам из училища пополнение отвечало нашим же возросшим требованиям?

Пока мало. Да, шефствуем, бываем, беседуем. А нужно другое. Те формы шефства, какие еще вчера считались достаточными, сегодня, прямо скажем, никуда не годятся.

Группы в училище — по специальностям. Уже с первого курса известно в основном, кто конкретно придет позднее в наш цех, на участок, в наши комсомольско-молодежные бригады. Вот сразу и завязывать бы с этими ребятами деловой контакт, поддерживая его до того дня, когда они вольются в наш трудовой коллектив. Вольются уже не совсем новичками, скорее старыми знакомыми, товарищами. Тогда, как мне кажется, и не будет у нас ни курьезных диалогов о «льготах» за комсомольское поручение, ни проблемы с ядром молодежных бригад.

Но все это — рассуждения задним числом. Это то, что не сделано вовремя и теперь тормозит перспективное дело.

Как я уже говорил, производство у нас опытно-наработочное. Что это означает? Мы первыми «наработываем» новую продукцию, какую еще никто и нигде не выпускал. Отрабатываем новые технологические процессы, которые позднее будут внедряться на химических предприятиях разных городов страны. Дело в равной мере интересное, почетное и ответственное.

Подчас недостатки технологии или нового материала вскрываются лишь в процессе освоения производства. Так что одна из наших задач: дать свою, рабочую оценку разработкам ученых НИИ полимеризационных пластмасс — головной организации объеди-

нения. Оценкой, разумеется, дело не ограничивается. Нередко вместе ломаем головы в поисках оптимального технологического режима.

Короче говоря, в этом отношении связь науки с производством у нас самая непосредственная. А вот сказать подобное о связях с разработчиками оборудования, на котором трудимся, можем далеко не всегда. Более того, порой бывает очень жаль, что находятся они далеко и нет у нас, аппаратчиков, возможности заглянуть им в глаза — посмотреть, как там у них насчет добросовестности и ответственности.

Конкретный пример. В 1984 году получили мы, наш цех, наша бригада, новую линию по производству липких пленок, спроектированную в УкрНИИпластмаше. Современная технология, современный материал. Соответствующим представляли мы себе и новое оборудование. Когда же линию смонтировали и мы всей бригадой пришли на нее посмотреть, сцена эта очень напоминала знаменитый финал голливудской комедии «Ревизор».

— Ой, девочки!.. — нарушила в конце концов тишину одна из аппаратчиц. — Кто ж на этом «слоне» работать-то сможет?..

По проекту УкрНИИпластмаша клей на фторопластовую пленку должен подаваться из баков, расположенных на высоте чуть выше среднего человеческого роста. Баки эти и пустые-то тянут килограммов на десять да клея вмещают литров шесть. Вот вам и луд с лишним! Причем ручек у бака две, по бокам. Хочешь не хочешь, а чтобы на себя не плеснуть, будь добр, поднимай чуть ли не на вытянутых руках.

В бригаде у нас в основном девушки после ПТУ. Одна, другая попробовали — не могут бак поднять и на место установить. Регулировать подачу клея тоже, оказалось, не каждая может. Если рост ниже среднего, то просто не дотянуться. А случись на линии обрыв пленки — открывать массивную дверцу, просовывая руки в узкий просвет между раскаленными трубами и связывая там концы.

Конечно, в таком состоянии мы линию не оставили. Для подачи клея приспособили насосы, кое-что другое довели, доработали. Но неприятный осадок в душе все же сохранился.

Как же там, в украинском НИИ, могли такую продукцию за ворота выпустить? Не иначе как и премии получили «за новую технику», и в актив себе записали: мол, внесли вклад в выполнение программы интенсификации... Да только **какая же это интенсификация, если в основе мышечная сила? Если человеку на новой машине работать труднее, чем на старой?**

Есть на нашем же участке аналогичная, но старая линия — так называемая «поливичная машина Поклонского». Больше десяти лет ей, а обслуживать ее просто, удобно. Жаль только, производительность маловата.

И снова ставлю вопрос: что мы сами сделали для того, чтобы поступающая к нам техника была действительно новой, действительно современной и прогрессивной? **Исправление чужого брака — заслуга знаменитая.** Могли ли мы его не допустить?

Да, могли. Знали же, где и кто будет делать для нас эту новую линию (все-таки не каждый день их получаем), но не побеспокоились заранее, какой она будет, насколько удобной для рабочего, насколько совершенной.

А ведь вокруг немало примеров прочных связей между молодежными рабочими коллективами предприятий-смежников, рабочего контроля за поставками. Будь у нас такой контроль, такие связи с молодыми коммунистами, с комсомольцами того же УкрНИИпластмаша, пожалуй, удалось бы многое решить заблаговременно, свести на нет те недостатки, которые пришлось нам устранять уже у себя на заводе, в известном смысле кустарным образом. Причем устранить-то мы их в основном устранили, но линия в результате обошлась государству дороже.

Плохо учимся мы на ошибках. Читали в газетах об успехах «чужих» молодежных бригад и вздыхали: у нас-де специфика, у нас не получится. Получилось! А время упущено.

Теперь вот читаем о рабочем контроле, о межотраслевых договорах бригад. Что ж, опять ждать у моря погоды? Ждать, когда жизнь заставит наверстывать, догонять? Так уже заставляет: не только наверстывать — **делать все вовремя. И решительно, смело.**

Есть у нас под Ленинградом совхоз «Любань» — адрес областной ударной комсомольской стройки. Здесь возводится крупный молочно-товарный комплекс. Генеральный подрядчик на стройке — комсомольско-молодежный отряд «Звездный».

Сразу сделаю оговорку: отряд не совсем обычный. Сформирован он был по призыву горкома комсомола из лучших молодых строителей Главленинградстройа специально для работы на этом объекте. Не стану скрывать и того, что и главк, и горком помогают отряду, чем могут: материалами, техникой и, т. д. Однако и более высокие инстанции не смогли бы обеспечить ребят решительностью, смелостью инициативы, умением брать ответственность на себя, не обладая они сами всеми этими качествами.

По нормам на объекте должно было работать 140 человек. Столько поначалу и работало. Но в отряде придумали своего рода «полевую» школу профессионального мастерства, где сами и учились, и преподавали. Уже через несколько месяцев 80 процентов бойцов освоили от 5 до 7 смежных специальностей, и численность отряда сократилась до 50 человек. Поработав таким составом некоторое время, ребята объявили, что берутся построить комплекс не за три, как планировалось, а менее чем за два года.

Это был единственный случай, когда

инициативу отряда не поддержали. Основание? Досрочная сдача... невыгодна. Комплекс еще целый год стоял бы пустым из-за отсутствия кадров. Жилье для них — два 40-квартирных дома — и котельную планировалось построить лишь через три года.

В «Звездном» посовещались, все взвесили и решили: собственными силами, параллельно с работой на комплексе построить и котельную, и дома. А обязательство опять взяли повышенное: сдать все объекты «под ключ» на год раньше срока — к дню открытия XXVII съезда КПСС.

Кстати сказать, когда строительство уже шло полным ходом, стало известно, что заложенная в проект технология содержания скота устарела. Есть новая, более прогрессивная, и сразу после сдачи объекта планируется его реконструкция. «Звездный» (а в его составе, кроме рабочих, и инженеры, и техники) запросил данные о новой технологии, проект реконструкции и... провел ее одновременно со строительством. Причем решение, предложенное ребятами, при котором сохранялись некоторые элементы прежнего проекта, было признано более эффективным.

Никто не требовал от молодых строителей ударного отряда проявлять инициативу буквально на каждом шагу. Никто не заставлял их брать на себя вдвое, втрое, вчетверо больше, чем положено. Но они брали. И всякий раз новая ноша оказывалась им по плечу.

Вот ведь как получилось: ставил цель поразмыслить о сделанном, а речь все вела о проблемах, о трудностях. Однако противоречия в этом нет. Напротив, именно в решении острых проблем, в преодолении трудностей и проявляется главное, на мой взгляд, что нами сделано, что достигнуто.

Мы научились остро чувствовать новое, прогрессивное и смело брать за его проведение в жизнь. Научились быть нетвердыми ко всему, что мешает нам ускоренно двигаться вперед. Мы стали честнее и бескомпромисснее в отношении к лодырям, пьяницам, прогульщикам, бражникам. Стали активнее и научились утверждать себя в добросовестном, инициативном, ответственном отношении к делу. И что особенно важно — мы научились самый строгий счет предъявлять прежде всего себе.

На проходящих в эти дни собраниях, где обсуждаются предсъездовские документы партии, молодые смело берут слово, высказывают свои суждения и предложения. Мне довелось уже побывать на нескольких таких собраниях, и я могу сказать: это убедительные суждения и зрелые предложения. Потому что исходят они от людей с активной позицией в жизни.

Давайте сообщая продолжим начатый разговор о месте каждого в большом совместном деле, партийном, гражданском и человеческом долге каждого из нас, учитывая, что в следующем номере журнала будет опубликовано выступление молодого коммуниста из Павлодара Алексея Пешкова «Что не сделано».

ПРОВОЖКА В АРМИЮ

Каждую весну и каждую осень стриженные наголо, еще не солдаты, но уже не мальчишки, ребята, сбитые в воинские команды, заполняют вокзалы и аэропорты. Во главе лихих сержантов и капитанов они едут и летят через всю необъятную нашу страну, оставив за спиной свой дом, беззаботное детство и юношество.

Там, теперь уже позади, — ребяческие забавы, школа, первая заводская практика, первая получка, первая купленная на свои «кровные» вещь, первое свидание.

Там, позади, проблемы выбора места в жизни, родительские внушения, юношеский максимализм, приобретения и потери, легкомысленность поступков. Много еще всего там, за их спиной. Но впереди неизмеримо больше. И эта большая часть взрослой жизни начинается Армией. Они шагают в не очень пока стройных колоннах по трое в новую, строгую мужскую жизнь, именуемую военной срочной службой. Так велит время, так предписывает им Закон о всеобщей воинской обязанности.

Это не просто — оставить на годы то, что дорого, к чему привык, без чего, казалось, невозможно обойтись: двор, книги, коллекцию марок, мопед, стереосистему, собранную собственноручно, бесчисленное множество необходимейших мелочей... А самое трудное — оставить близких людей, оставить любимых. Но что делать, час пробил, ты вырос, настала пора отдать стране, в которой ты живешь, гражданский

**«Смена» начинает
долгосрочную акцию.
Мы будем рядом
с девятью ребятами
из города Витебска,
призванными
осенью 1985 года
в воздушно-десантные
войска,
весь срок службы.
Журнал расскажет о том,
как шаг за шагом
складывается
их армейская судьба.**

**Первый материал
о десантниках читайте
в следующем номере.**

долг, долг мужчины. Ты должен сменить на военном посту тех, кто родился двумя-тремя годами раньше.

Верно сказано: солдатами не рождаются — солдатами становятся. Становятся, приобретая военные знания, закаляя волю, преодолевая себя. Ничего не происходит вдруг, каждый навык дается трудом, каждый точный выстрел, каждая отвоеванная у нормативов секунда, каждая безукоризненная в инженерном отношении позиция — результат порой тяжелой и долгой работы, работы коллективной и индивидуальной. Но чем труднее путь к этому результату, тем он значимее для тех, кто его достиг.

Армия, военная среда, строй, воинская дисциплина выковывают из вчерашних мальчишек бойцов, учат товариществу, взаимовыручке, прибавляют мужества, настойчивости, силы. Армия дает, но армия и отнимает: робость, безответственность, безволие, мальчишество, бездуховность. Нет человека, прошедшего армию, который бы не вспоминал ее как жизненную школу, трудную, но необходимую.

Из тех, кто с осенним призывом 1985 года пришел на военную службу, мы выбрали девять человек. Впрочем, мы даже не выбирали, мы взяли наугад первых девять, призванных из города Витебска в воздушно-десантные войска. Вот их имена: Федор Филинов, Александр Живодров, Олег Сметанников, Леонид Архиповский, Михаил Апанасенок, Андрей Наумов, Иван Михайлов, Сергей Калешко, Сергей Ковалев.

Они призваны в одну воинскую часть и станут воинами-десантниками. Об их доармейской судьбе мы расскажем в следующем номере журнала. Но еще раз напомним — мы не отбирали этих ребят специально, они такие, как есть, и в прежней жизни кое у кого из них не все складывалось гладко и благополучно.

«Смена» будет рядом с этими девятью ребятами все два года их службы. Мы постараемся регулярно рассказывать о том, как складывается их армейская судьба от первых до последних шагов. Итак, в тот день, когда этот номер журнала уходил в набор, для нашей девятки и их товарищей начался курс молодого бойца, именуемый на военном языке попросту карантин.

**Владислав ЯНЕЛИС,
заведующий
военно-спортивным отделом**



I. УЧЕБА

- Если Вы учитесь, то где:
 - в общеобразовательной школе (дневной, вечерней, в каком классе) _____
 - в ПТУ, ТУ, год обучения, специальность _____
 - в среднем специальном учебном заведении, курс, специальность, форма обучения (очная, вечерняя, заочная) _____
 - в вузе, курс, специальность, форма обучения (очная, вечерняя, заочная) _____
- Если Вы учитесь в общеобразовательной школе, то что Вы собираетесь делать после ее окончания:
 - только учиться, только работать, совмещать работу с учебой _____
- Если Вы собираетесь после школы учиться, то где? _____
- Если Вы собираетесь продолжать учиться:
 - выбрали ли Вы уже свою будущую профессию? (Да, нет.) _____
 - кто, по Вашему мнению, оказал на Вас наибольшее влияние в выборе учебного заведения и специальности: школа, семья, товарищи, газеты, телевидение, радио, кино _____
- Если Вы после окончания общеобразовательной школы собираетесь только работать, то где и кем _____
- Выбрали ли Вы уже Вашу первую профессию? (Да, нет.) Если да, то кто оказал на Вас наибольшее влияние? _____
- Если Вы собираетесь совмещать работу с учебой, то что будет для Вас главным — учение или работа? _____
- Выполняли ли Вы в школе общественную работу? (Да, нет.) Если да, то какую (староста класса, комсорг _____)
- Если Вы учитесь в ПТУ:
 - собирались ли Вы поступить в ПТУ, когда учились в восьмом классе общеобразовательной школы (да, нет) _____
 - кто оказал на Вас наибольшее влияние при выборе конкретного ПТУ и будущей Вашей специальности (школа, семья, товарищи, газеты, телевидение, радио, кино) _____
 - довольны ли Вы сейчас своим выбором (да, нет, не знаю) _____

- Если Вы учитесь в вузе, то:
 - какое образование было у Вас перед поступлением в вуз: среднее общее, среднее специальное, ПТУ со средним образованием _____
 - поступили в вуз с первой попытки или поступали повторно, сколько раз _____
 - кто, по Вашему мнению, оказал на Вас наибольшее влияние в выборе вуза и специальности (школа, семья, товарищи, газеты, телевидение, радио, кино) _____
 - довольны ли Вы сейчас своим выбором (да, нет, не знаю) _____
- Выполняли ли Вы общественную работу во время обучения в вузе? (Да, нет.) Если да, то какую _____
- Какое конечное образование для себя Вы хотели бы получить: ограничиться средним, получить среднее специальное, получить высшее, окончить аспирантуру, получить степень кандидата наук _____

II. РАБОТА

- Если Вы работаете, то где: завод, фабрика, шахта, стройка, совхоз, научный институт и т. д. _____
- Занимаемая Вами должность (рабочий, техник, диспетчер, инженер, секретарь и т. д.) _____
- Ваше образование _____
- Ваша квалификация (разряд для рабочего, класс для шофера, диплом техника или инженера и т. д.) _____
- Соответствует ли нынешняя работа Вашей профессии и квалификации (соответствует полностью, соответствует частично, не соответствует; если нет, почему) _____
- Какова продолжительность Вашего общего трудового стажа, лет и месяцев _____
- Сколько времени (лет и месяцев) Вы работаете на данном предприятии, стройке, в данном учреждении _____
- Какое это по счету предприятие (учреждение) в Вашей трудовой биографии? _____

Дорогие читатели!
 Юность — важнейший период человеческой жизни, время выборов и решений, время завершения образования, выбора и освоения профессии, любви и создания семьи. Вся жизнь человека в решающей степени определяется этими годами. Не только вы сами, ваши родные и близкие, но и общество в целом заинтересовано в ваших успехах.
 Естественно, о них, о ваших успехах, так же как и о ваших трудностях и проблемах, лучше всего знаете вы сами. Чтобы лучше понимать проблемы, интересы, стремления молодежи, просим вас ответить на вопросы предлагаемой анкеты.
 Результаты анкетирования будут обработаны социологами, на их основе наши авторы постараются проанализировать те проблемы, которые больше всего волнуют наших читателей.
 Ваши имена и фамилии сообщать в анкете необязательно. При статистической обработке их нельзя использовать.
 Тем, кто уже не учится, не нужно заполнять первый раздел анкеты (учеба). Тех читателей, кто пока еще не работает, просим ответить на вопросы второго раздела анкеты (работа) — вопросы 8—12 и 14. Остальные разделы анкеты предназначены для всех.
 Благодарим всех за участие в нашей работе и ждем ответы (подчеркните их или допишите) на вопросы анкеты!

НОВАЯ РУБРИКА

ТВОЙ АВТОПОРТРЕТ

От пятнадцати до тридцати

- Выполняли ли Вы в ПТУ общественную работу? (Да, нет.) Если да, то какую (комсорг _____)
- Что Вы собираетесь делать после окончания ПТУ:
 - только учиться, только работать, совмещать работу с обучением _____
- Если Вы собираетесь только учиться, то где? _____
- Выбрали ли Вы уже конкретное учебное заведение, в котором хотели бы продолжать образование? (Да, нет.) _____
- Если Вы собираетесь после окончания ПТУ только работать, то:
 - собираетесь ли Вы постоянно работать по получаемой в ПТУ специальности (да, нет, не знаю) _____
 - если собираетесь переменить профессию, то почему _____
- Если Вы собираетесь совмещать работу с продолжением образования, то:
 - где думаете учиться? _____
- Если Вы учитесь в среднем специальном учебном заведении — техникум, педучилище и т. д., то:
 - поступили в него после окончания неполной средней школы, средней школы, ПТУ _____
 - кто, по Вашему мнению, оказал на Вас наибольшее влияние в выборе учебного заведения и специальности _____
 - довольны ли Вы сейчас своим выбором (да, нет, не знаю) _____
- Выполняли ли Вы общественную работу во время обучения в среднем специальном учебном заведении? (Да, нет.) Если да, то какую (комсорг _____)
- Каковы Ваши планы на первые годы после завершения среднего специального образования? Будете ли Вы:
 - только работать, только учиться, совмещать работу с продолжением обучения? _____
- Если Вы будете продолжать учиться (с отрывом или без отрыва от производства), то будете ли Вы учиться по уже полученной Вами профессии или по другой? Почему _____

- Что, по Вашему мнению, является самым важным, чего может достичь человек в своей профессии (отметьте не более трех пунктов):
 - радость от выполняемой работы,
 - материальная обеспеченность,
 - возможность руководить людьми, быть начальником,
 - общественное признание, престиж,
 - возможность приносить максимальную пользу людям, обществу,
 - возможность создавать что-то новое, творчество,
 - добросовестное выполнение своих обязанностей,
 - возможность постоянно расширять свой кругозор,
 - многообразие впечатлений.
- Какую роль сыграли в выборе нынешней Вашей профессии следующие мотивы (обведите кружком соответствующую отметку в каждой строке)

	Очень важно	Скорее важно	Скорее неважно	Совсем неважно	
Личный интерес к профессии	5	4	3	2	1
Уверенность в том, что она больше всего соответствует вашим способностям и склонностям	5	4	3	2	1
Творческий характер профессии	5	4	3	2	1
Хорошо оплачиваемая работа	5	4	3	2	1
Большая потребность в специалистах такого рода	5	4	3	2	1
Работа оставляет много свободного времени	5	4	3	2	1
Позволяет иметь дополнительные доходы	5	4	3	2	1
Высокий престиж профессии	5	4	3	2	1
Другого выбора не было	5	4	3	2	1

- Если бы у Вас сейчас была возможность выбирать профессию, какую бы Вы выбрали:
 - свою нынешнюю или другую,
 - если другую, то какую; почему именно ее.

11. Какова Ваша среднемесячная зарплата (без вычетов, рублей)? _____ Довольны ли Вы ее размерами? (Да, нет, не очень.) _____

Каков доход на одного совместно проживающего, руб. в мес.? _____

12. Как Вы относитесь к перечисленным ниже профессиям? (Оцените привлекательность каждой из них по десятибалльной системе: самые привлекательные получают 10 баллов, средней привлекательности — 5, самые непривлекательные — 1 балл. Остальные профессии — соответственно промежуточные оценки. Если ничего не знаете о профессии, поставьте 0.)

Профессии	Оценки	Профессии	Оценки
Агроном		Официант	
Артист		Портной	
Бухгалтер		Повар	
Врач		Почтальон	
Доярка		Преподаватель высшей школы	
Журналист		Писатель	
Историк — научный работник		Продавец	
Инженер		Радиотехник	
Каменщик		Столяр	
Лесоруб		Слесарь	
Летчик		Токарь	
Металлург		Ткач	
Машинист электровоза		Тракторист	
Моряк		Учитель средней школы	
Милиционер		Физик	
Медсестра		Химик	
Математик		Штукатур, маляр	
Медик		Шахтер	
Офицер		Шофер	
		Электромонтер	

13. Если работа не соответствует Вашей профессиональной подготовке, то по какой причине _____

14. Каковы Ваши основные требования к работе?

Оцените в пятибалльной системе следующие требования в зависимости от их важности для Вас (5—очень важно, 1—никакой роли не играет)

Работа должна быть: _____ Оценка _____

- интересной для меня
- оставлять много времени для других занятий
- способствовать всестороннему развитию способностей
- характеризоваться гигиеничными условиями труда
- обеспечивать возможность творческой деятельности
- быть престижной, авторитетной
- хорошо оплачиваться
- обеспечивать возможность повышения профессиональных знаний и умений
- давать возможность общаться со многими людьми

15. Укажите, что Вам более всего нравится на вашем нынешнем месте работы (отношения в коллективе, условия труда, зарплата и т. д.) _____

Что Вам более всего не нравится? _____

16. Выполняете ли Вы общественную работу? (Да, нет.) Если да, то какую? (Комсорг, профорг) _____

17. Удовлетворены ли Вы своим положением на работе? (Да, нет, не очень.) _____

18. Какое образование имеете Вы сейчас? (Окончили классов, среднее общее, ПТУ и т. д.) _____

19. Если Вы работаете и одновременно учитесь, то где? (Вечерняя школа и т. д.) _____

20. Если Вы не учитесь сейчас, то собираетесь ли учиться в будущем? (Да, нет, если да, то где?) _____

21. Какое конечное образование Вы хотели бы иметь? _____

III. ЛЮБОВЬ, БРАК, СЕМЬЯ

1. Состоите ли Вы в браке? (Да, нет.) Если да, то в каком возрасте (лет и месяцев) в него вступили? _____

2. Если не состоите в браке, то:

— не вступал в него, развелся, овдовел.

3. Если Вы состоите или состояли в браке:

— где Вы познакомились с будущим супругом, супругой?

— Сколько времени продолжалось знакомство до заключения брака? _____

4. Как Вы оцениваете свой брак? (Вполне удачный, более или менее удачный, скорее неудачный, совсем неудачный.) _____

Назовите основные причины высокой удовлетворенности или, наоборот, неудовлетворенности браком _____

5. Какие основные трудности встретились в семейной жизни? _____

6. Если брак оказался неудачным:

— развелись ли Вы?

— Собираетесь ли разводиться?

7. Если Ваша семья распалась: сколько времени прошло с момента фактического распада семьи до подачи заявления о разводе? До получения справки о разводе в загсе? (Лет и месяцев) _____

— Собираетесь ли Вы вступить в повторный брак? (Да, нет, не знаю.) Если нет, то почему? _____

8. Есть ли у вас дети? (Да, нет.) Если есть, то сколько?

9. Независимо от Вашего возраста и состояния в браке сколько детей всего Вы хотели бы иметь? _____

IV. БЫТ И ДОСУГ

1. Живете Вы в родительской семье (с родителями, другими родственниками), собственной семьей или в одиночку? _____

2. Сколько человек проживает вместе с Вами (включая Вас)? _____

3. В каком жилье Вы проживаете? (Собственный или родственников дом, отдельная квартира в государственном или ведомственном жилом фонде, комната в коммунальной квартире, общежитие, снимаете жилье.) _____

4. Сколько жилой площади приходится на одного совместно проживающего человека — квадратных метров _____

Какими видами удобств оборудовано Ваше жилище? (Водопровод, газ, телефон и т. д.) _____

5. Сколько времени уходит у Вас на домашний труд (все бытовые дела: покупки, кухню, стирку, уборку квартиры и т. д.) в будни — часов и минут, в воскресенье — часов и минут _____

(Просим сложить все траты времени в ближайшую среду и в ближайшее воскресенье.)

6. Если Вы проживаете совместно с другими, как распределяется домашний труд между членами семьи? Кто ведет хозяйство и в какой мере помогают ему другие (домашний труд делится между взрослыми поровну; почти поровну; мужчины помогают женщинам много; помогают мало; совсем не помогают) _____

7. Хватает ли Вам свободного времени? (Да, нет.) _____

8. Если бы его стало больше, на что Вы его в первую очередь хотели бы потратить (телевидение, чтение, прогулки и т. д.) _____

9. Сколько времени (часов и минут) Вы провели у телевизора в среду _____, в воскресенье _____

10. Были ли Вы в кино за неделю, предшествовавшую заполнению анкеты? (Да, нет.) Если да, какой фильм видели? _____

11. Посещали ли Вы театр за месяц, предшествовавший заполнению анкеты? (Да, нет.) Если да, какой спектакль видели? _____

12. Читали ли Вы в последний месяц художественную литературу? (Да, нет.) Если да, то сколько книг прочли за месяц? Назовите последнюю прочитанную Вами книгу (автора, название) _____

13. Выписываете ли Вы или Ваша семья газеты и журналы? (Да, нет.) Если да, то назовите выписываемые:

— газеты _____

— журналы _____

14. Как часто Вы собираетесь вместе с друзьями и знакомыми? (Ежедневно, еженедельно, от случая к случаю.) _____

15. Сопровождаются ли такие встречи застольем? (Да, нет.) Если да, то с выпивкой или без нее? _____

Если с выпивкой, то назовите примерную дозу алкогольных напитков на человека _____

16. В каком возрасте Вы впервые познакомились практически с алкоголем? (лет) _____

17. Кто впервые предложил Вам выпить? (Родители, товарищи по школе, по работе) _____

18. В какой обстановке Вы впервые выпили? (Домашний праздник, встреча друзей) _____

19. Если Вы принимаете гостей, то считаете ли алкогольные напитки: необходимыми, желательными, излишними _____

20. Когда Вы в гостях, алкоголь бывает: всегда, обычно, иногда, редко, не бывает _____

21. Приходилось ли Вам быть в состоянии опьянения? (Да, нет.) Если да, то как часто? _____

22. Приходилось ли Вам попадать в вытрезвитель? (Да, нет.) Если да, то однажды или несколько раз _____

Если приходилось, то в каком возрасте это было впервые (лет) _____

V. НЕМНОГО О СЕБЕ И РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

1. Ваш возраст (исполнилось лет к началу 1986 года) _____

2. Пол (муж., жен.) _____

3. Место проживания в настоящее время (республика, область, город, поселок, село) _____

4. Место Вашего рождения (республика, область, город, поселок, село) _____

5. Ваши родители:

отец _____ мать _____

социальное положение _____

образование _____

место работы и должность _____

6. Место проживания Ваших родителей в настоящее время (республика, область, город, поселок, село) _____

7. Помогают ли родители Вам материально? (Да, нет.) Если да, то в каких примерно размерах — рублей в месяц _____

8. Помогаете ли Вы родителям? (Да, нет.) Если да, то в каких размерах — рублей в месяц _____

Просим дать общую оценку Вашей удовлетворенности жизнью в баллах: 5 — очень доволен, 4 — доволен, 3 — трудно сказать, 2 — недоволен, 1 — очень недоволен.

ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ

Дорогие друзья! Под таким девизом в новом году будет проходить наш традиционный конкурс одного стихотворения. Напоминаем условия конкурса: в нем могут принять участие все, кто пишет стихи (кроме членов Союза писателей СССР). Необходимо указывать профессию, имя, отчество, фамилию, возраст, домашний адрес. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Итоги конкурса подводятся в конце года, победители награждаются дипломами «Смены». Но самой приятной, мы надеемся, наградой победителям станет публикация подборки их стихов. Желаем успехов! Ждем ваших писем!

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ,
журналист, Ленинград

Василий ЛУКИЧЕВ,
шофер, Череповец

Мне все дорого

...Я люблю тебя, жизнь,
и надеюсь, что это взаимно...

К. Ваншенкин

Мне все дорого
в мире этом,
жизнь люблю
с каждым днем
все сильней...
Как хотелось бы стать поэтом,
чтобы песню сложить о ней.

Рассказать, как она прекрасна,
как, дыханьем ее опьянен,
в пятьдесят,
по-мальчишески страстно,
словно в женщину,
в жизнь влюблен.

Пусть виски седина припорошила
белым инеем,
не беда!
С песней этой,
как с другом хорошим,
буду молод душою всегда.

**Владимир
СТРЕЛЬНИКОВ,**
летчик, Алма-Ата

Родина

Сторонка,
родная сторонка,
Табун белоногих берез,
У края деревни избенка,
В которой родился и рос.

Избушка,
в которой все мило
От пола до крыши с коньком,
В которой когда-то поила
Нас мама парным молоком.

Задумчиво-тихая речка,
Край неба в закатном огне,
Черемухой пахнущий вечер —
Все с детства здесь дорого мне.

Заречные синие дали,
Дорога вдогон большаку
Нас в детстве куда-то все звали,
В душе пробуждая тоску.

Озера, луга, перелески
И вечно нас ждущая мать —
Все это привыкли мы с детства
Отчизною,
Родиной звать.

Вдовы

Зима для вдов была
тревожной

В послевоенной тишине.
Казалось им, приход возможен
Супругов милых по весне.

Не день, не два после
Победы,
В душе с надеждой каждый
день

Стол накрывали для обеда,
Где с каждой каждый был
как тень.

И в смерть не веря, вдовы
ждали,

И ждали без конца они,
Ночами горестно рыдали
Средь деревенской тишины.
Потом в течение полугода
Пропавших без вести солдат,
Не раз израненных, подводил
Везли в село век доживать...
И в деревнях, по сельсоветам
Из списка выбывших бойцов
Немногие, конечно, дети
Нашли себе своих отцов.
К их матерям мужья

вернулись...
Других же павших не вернешь.
Хотя они и вострепнулись,
В душе тая надежды дрожь.
Ждут почтальона днем

и ночью,
К цыганкам бегают гадать,
А те им суженых пророчат
Живыми скоро увидеть.
И вдруг, не вытерпев, дурехи
Ветрам и выюгам всем назло
Полсотни верст несутся пехом
Встречать военный эшелон.
А возвращались неохотно —
Казался долгим-долгим век.
Тяжелой стала их походка,
Легли морщины возле век.

Вячеслав ВАСИН,
инженер, Москва



Верить ли: нечаянная встреча,
Быстрый оклик,
любопытный взгляд...
И пришла, и защититься нечем,
И уже не хочется назад.

С каждым днем заметнее тревога:
Все понять, признать и совершить.
Но боится сердце-недотрога
Вновь болеть,
и мучиться, и... жить.



Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 1 (1407) ЯНВАРЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Наша обложка:
на острове
Врангеля.

Фото
Льва ВЕЙСМАНА.

- 1 НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС.
МОЛОДОЙ КОММУНИСТ.
Юрий КОРТУНОВ, бригадир аппаратчиков НПО
«Пластполимер». «ЧТО СДЕЛАНО».
- 2 «ПРОВОЖАЯ В АРМИЮ».
- 3 Новая рубрика «ОТ ПЯТНАДЦАТИ ДО ТРИДЦАТИ».
«ТВОЙ АВТОПОРТРЕТ».
- 5 Конкурс одного стихотворения
«ЗЕМЛЯ, МЫ ДЕТИ ТВОИ».
- 6 Федор БУРЛАЦКИЙ. «ПОКУШЕНИЕ НА ПЛАНЕТУ ЛЮДЕЙ».
- 9 Рассказ Геннадия МАШКИНА «ПОЛОВОДЬЕ».
- 12 ОТЕЧЕСТВО. «ОСТРОВ МЕТЕЛЕЙ».
Фотоочерк Михаила ИЛЬВЕСА и Льва ВЕЙСМАНА.
- 14 БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ.
Александр БОЙКО. «НЕРАЗУМНЫЕ РОДИТЕЛИ».
- 18 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Георгий БАЖЕНОВ. «ПОЕДИНОК».
- 22 «РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ».
- 24 Футбольный клуб «НАДЕЖДА».
Ринат ДАСАЕВ, капитан сборной команды СССР по
футболу.
«САМЫЕ СТРОГИЕ СУДЬИ».
- 26 Андрей КАРАУЛОВ. «КОМУ ИГРАТЬ ВРОНСКОГО?..»
- 29 Повесть Николая ЛЕОНОВА «ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986.

ПОКУШЕНИЕ

Встреча в Женеве М. С. Горбачева и Р. Рейгана стала крупнейшим событием в международной жизни. Она явилась отправным пунктом на пути к повороту от конфронтации к конструктивному диалогу между СССР и США, в целом между Востоком и Западом.

Мне довелось присутствовать на этой встрече в качестве одного из участников советской группы экспертов. Мы приехали в Швейцарию за 10 дней до встречи, и первое, что поразило меня,— это удивительно насыщенная атмосфера ожиданий и надежд, связанных с встречей. У каждого из экспертов не было отбоя от представителей крупнейших теле- и радиоконкомпаний, газет и журналов США, стран Западной Европы с просьбой дать интервью, выступить с разъяснением советской позиции, ответить на острые вопросы, волнующие общественность Запада. Это объяснялось, конечно же, в первую очередь не персональным интересом к экспертам, а теми важными инициативами и практическими шагами, которые были сделаны советским руководством в преддверии встречи. Именно они создали хорошие предпосылки для ее успешного проведения.

Огромное впечатление на политических деятелей, представителей прессы Запада произвела конструктивная, динамичная позиция советского руководства, то, что было названо в кулуарах встречи «политическим стилем М. С. Горбачева». Как подчеркивал на своей пресс-конференции в Женеве советский руководитель, сама сложность международной обстановки убеждала нас в том, что прямой разговор с президентом США необходим. «Наш вывод был таков: пришло время, когда под угрозой всеобщей ядерной опасности надо научиться великому искусству жить вместе».

Вот почему такое место на женевских переговорах заняли беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом с глазу на глаз. Пять-шесть часов лидеры двух великих держав, глядя в лицо друг другу, обсуждали, в чем сходятся или сближаются интересы и позиции двух стран и в чем они расходятся или противостоят друг другу. Именно такой подход, такая новая дипломатия, такой политической язык обеспечили продуктивные переговоры.

В старину говорили, что первый принцип политической мудрости состоит в том, чтобы освободиться от безрассудства. Ядерная война безрассудна, с какой бы стороны на нее ни взглянуть — с Запада или с Востока. И отказ от нее — необходимая предпосылка совместных политических действий.

Крупным завоеванием политического разума является исходный пункт, зафиксированный в совместном советско-американском Заявлении: ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. Признавая, что любой конфликт между СССР и США мог бы иметь катастрофические последствия, стороны также подчеркнули важность предотвращения любой войны между ними — ядерной или обычной. Они приняли обязательство не стремиться к достижению военного превосходства.

Центральное место на встрече заняли вопросы безопасности, прекращения гонки вооружений на земле и недопущения ее в космос. К сожалению, на данной встрече не удалось найти решения этих вопросов, и главной причиной, главным препятствием явилось нежелание американской администрации отказаться от своих планов «стратегической оборонной инициативы», которые во всем мире получили название «звездных войн».

За этой программой стоят конкретные люди в США — генералы, политики, ученые. Мы осуждаем генералов и политиков, которые продолжают тешить себя иллюзиями добиться военного превосходства над СССР и видят в гонке вооружений единственный путь к укреплению безопасности США. Но что касается моего личного отношения, то мне особенно отвратительна позиция тех американских ученых, которые выступают в роли энтузиастов и «толкачей» создания космического оружия. Они мне отвратительны вдвойне — как люди, которые предали и растоптали гуманистические традиции науки, и как специалисты, которые ведают, что творят (в отличие от многих политиков, которые могут и не отдавать себе отчета в действительных последствиях милитаризации космоса). Я вспоминаю благородный образ Леонардо да Винчи, который скрыл свое изобретение — возможность создания подводной лодки, — поскольку боялся, что оно будет использовано в целях войны. Я вспоминаю великого гуманиста Нильса Бора, который всеми средствами убеждал Ф. Рузвельта и У. Черчилля сделать все для недопущения гонки ядерного оружия.

В предлагаемом диалоге я попытался рассмотреть образ ученого, работающего над созданием космического оружия, попытался проникнуть в его психологию, рассмотреть доводы, которыми он обманывает других и самого себя. Как увидит читатель, этот образ имеет вполне реальный прототип...

Авель. Никакого, сэр. Я просто объяснил вам, почему я не могу обращаться к вам иначе. (Пауза.) Кроме того, я черный.

Отец. Черный? Какой же вы черный?
Мария. Его прабабушка по матери была черной.

Отец (закипая). Я не могу понять, что здесь происходит. При чем здесь прабабушка, при чем здесь черный? Я пришел сюда, чтобы поговорить со своей дочерью, и прошу вас, мистер Авель, предоставить мне эту возможность. Разве я не имею права на этот маленький знак внимания в конце концов?

Авель. Имеете, сэр. Но вот как Мария? Выдержит ли она разговор с вами наедине, сэр? Она еще не окрепла после дубинок, сэр.

Мария. У меня нет секретов от Авеля, папа. Кроме того, ты, наверное, будешь говорить о политике. О нашей демонстрации. Но об этом тебе лучше поспорить с Авелем.

Отец. Что за игру ты затеяла со мной, девочка моя? Или, вернее, в какую игру тебя увлек этот странный парень...

Мария. Никто меня не увлек, отец. До всего я дошла сама, своим умом. А уж если кто-то меня довел, то, говоря начистоту, это был ты, именно ты.

Отец. Я?! Я люблю тебя, тебя одну всю мою жизнь. Еще задолго до твоего рождения я знал, что ты придешь. Я ждал тебя. После смерти Берты я не любил никого, кроме тебя...

Мария. Я не застала Берту. Мне говорили, что она была хорошей женщиной. Быть может, если бы она была моей матерью, все было бы иначе. Но мою мать ты не любил никогда.

Федор БУРЛАЦКИЙ,
доктор философских наук,
вице-президент Советской ассоциации политических наук

НА ЛЮДЕЙ

Больничная палата. На койке лежит девушка лет двадцати. В углу сидит парень лет двадцати пяти. Стремительно распахивается дверь, и входит respectable мужчина лет семидесяти. Это отец Марии.

Отец. Моя девочка, моя бедная девочка! (Бросается к ней, прижимает к груди ее голову, пытается поцеловать.)

Мария. Отец! Осторожно, отец, мне больно...

Отец (сейчас только видит повязку на ее голове). О! Они избili тебя...

Мария. Избили? Да нет! Немного поцарапали.

Отец. Я был в участке. Я заявил протест, решительный протест!

Мария. Какой протест? О чем ты говоришь?

Отец. Я говорю о полицейских. Как они смеют избивать детей... наших детей?

Мария. Смеют? А почему же им не смеет? Кто может запретить им делать это? Это входит в правила игры. Да и мы вовсе не дети. И уж, во всяком случае, не ваши дети.

Отец. Как так? Это еще что такое?

Мария. Просто давно пора оставить

этот патерналистский тон. (Мягче.) Я говорю не о тебе лично, папа. Обо всем вашем поколении. Вы присвоили себе право решать все за нас. Смотреть на нас как на несмышленишек. В полицейском управлении, когда узнали, чья я дочь, тоже говорили: «Ай, ай, ай! Что ж ты, баби? Бросаешь тень на своего отца. На такого человека! Ведь это наша национальная гордость. А ты связалась с какими-то длинноволосыми подонками, скандалишь возле Белого дома, царапаешься, дерешься...»

Отец (растерянно). Они так говорили?

Мария. Да. Я поразились, до чего это похоже на то, что ты сам мне говорил не раз. Ты можешь гордиться, папа, у тебя превосходные единомышленники...

Отец (пауза). Кто это у тебя, Мария? Ты не представила меня.

Мария. Авель, это мой знаменитый папа — ты о нем слышал.

Авель. Сэр...

Мария. А это мой друг Авель.

Отец. Твой друг? И давно?

Мария. Достаточно давно. Уже три месяца.

Отец. Мистер Авель, нельзя ли попросить вас погулять с полчаса? А потом,

если позволите, мне хотелось бы поговорить и с вами.

Авель. О чем нам говорить, сэр?

Отец. Я отец Марии. Я думаю, что мне есть о чем поговорить с ее другом.

Авель. Что ж, я готов, сэр, если этого хочет Мария.

Отец. Я этого хочу! Разве этого недостаточно? (Примирительно.) Потом, почему вы так обращаетесь ко мне все время — сэр, сэр? Зовите меня просто Эдвардом.

Авель (раздумчиво). Эдвардом? Разве я стал бы называть своего генерала Эдвардом? Быть может, вы не знаете, что я был всего-навсего сержантом в армии, сэр?

Отец. Но я не генерал.

Авель. Вы больше чем генерал, сэр. Ведь это вы создали эту штуку.

Отец. Какую штуку? Что вы там бормочете?

Авель (спокойно). Бомбу. Разве не вас называют отцом водородной бомбы, сэр?

Отец. Бомбу? (С некоторой гордостью.) Ну, да, я изобрел водородную бомбу, ну и что? Какое это имеет отношение к нашему разговору?



АМЕРИКАНСКИЙ ФИЗИК ЭДВАРД ТЕЛЛЕР, КОТОРОГО НАЗЫВАЮТ «ОТЦОМ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ», СТОЯЛ И У КОЛЫБЕЛИ ПРОЕКТА «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН».

Рисунок Юрия СУСЛОВА

Отец (пауза). Да, это правда. Я не любил твою мать. Я женился на ней только для того, чтобы была ты. Я так был поглощен своим делом, что у меня не хватало ни сил, ни времени ни на что другое. И ты, одна ты всегда была моим прибежищем, нитью, которая связывала меня с жизнью. И вот теперь ты бросаешь меня, ты уходишь...

Мария (насмешливо). У тебя остается твое дело, твоя бомба. Она всегда была моей соперницей. И вот она победила. Я освобождаю тебя—для нее. Иди! Что же ты медлишь?!

Отец (потрясенно). Когда-то ты гордилась своим отцом...

Мария (печально). Да, я гордилась тобой всю мою жизнь.

Отец. И что же? Что произошло? Что переменялось?

Мария. Все рухнуло. Рухнуло в один день. Рухнуло, когда я поняла, чем ты занимаешься...

Отец. Чем я занимаюсь? Я работаю на безопасность Америки.

Авель. Безопасность... оборона... Этими словами полковник Оуррен держал всех нас в подземелье три года. Ровно три года я просидел в бункере у пульта, вернее, у замка, простого замка наподобие зажигания в автомашине. Просидел в ожидании приказа повернуть ключ направо до конца. Спину ко мне сидел мой дружок Джо, он должен был сделать вместе со мной то же самое. И тогда разверзлась бы земля и ракета, начиненная атомной смертью, взмыла бы в воздух...

Мария. А до этого он плавал на атомной подводной лодке. Там была какая-то неисправность... И теперь мы не сможем родить тебе внука, отец.

Отец (примирительно, Авелю). Я понимаю ваши чувства. Это тяжелая работа. Но кто-то должен ее делать, не так ли? Она по плечу только мужественным людям. Я рад познать вашу руку. (Протягивает руку, но она повисает в воздухе.)

Авель (вежливо). Сэр?

Отец. Мы с вами делали одно дело, только разными средствами.

Авель. Сейчас, пожалуй, вы правы,

сэр. Но я вышел из игры. А вы, вы, кажется, продолжаете ее с еще большей страстью. Вы и сейчас считаете, что работаете на безопасность?

Отец. Да, черт побери! А во имя чего тогда мы работали? Не спали ночей. Искали, мучились сомнениями. Рисковали своей шкурой во время испытаний.

Авель. Для чего, сэр? Это вас надо спросить. Сколько ядерных бомб сейчас имеется в мире?

Отец. Ну, скажем, около пятидесяти тысяч.

Авель. И что же—мир стал безопаснее, Америка да и другие страны живут спокойнее? Вы можете как ученый констатировать это с чистой совестью?

Отец. Но войны нет уже сорок лет. И этим мир обязан нам. Разве это не так? Сдерживание с помощью атомной бомбы оказалось эффективным, что вы на это скажете, мой юный друг?

Авель (холодно). Скорее я друг вашей дочери, сэр. Будем держаться такой линии. Только вот бомба имеется у обеих сторон. Какой же бомбе прикажете молиться за то, что все еще нет войны? Нашей или русской?

Отец. Дурацкие вопросы. Разве наша сдерживает нас? Она сдерживает русских.

Авель. А русская бомба? Разве она сдерживает их самих? Она сдерживает нас.

Отец. Ну и что?

Авель. Это я вас спрашиваю: ну и что? Чего вы добились?

Отец. Вы хотели дать свое объяснение, почему нет войны.

Авель. Да это же очевидно. Войны нет, потому что нет нового Гитлера. Как вы думаете, если бы во главе какой-либо державы, располагающей этими игрушками, стоял такой Гитлер, остановил бы его страх перед возмездием? Или он решился бы на авантюру? Ответьте по совести.

Отец (с колебанием). Не знаю, откровенно говоря, не знаю. Самого Гитлера это, пожалуй, не остановило бы.

Мария. Вот видишь, отец...

Отец (раздражаясь). Я вижу только

одно—этот парень окончательно заморочил тебе голову.

Мария. Оставьте Авеля в покое, отец. Не он открыл мне глаза. Еще ребенком я услышала об атомном взрыве. Мне после этого сотни раз снился один и тот же сон: как я вместе со всей Землей, со всей вселенной взрываюсь и превращаюсь в пыль...

Отец (нравоучительно). Мы живем в жестокий век, дети мои. Но вы не вправе терять мужество.

Авель. Мужество... Трусость... Престиж... Нам абивали в голову эти слова тысячу раз наши офицеры. Но что все это значит перед фактом взрыва пятидесяти тысяч бомб? Всеобщего уничтожения? Обледенения Земли?

Отец (глаза его загораются). Против этого есть средство, мои дорогие. Оно есть, моя лаборатория первой сделала открытие, потрясающее открытие! (Раздельно.) Ракеты и находящиеся в них атомные бомбы можно уничтожить в полете. Прежде чем они упадут на нашу территорию. Мы можем создать оборонительный щит и спасти нашу цивилизацию. Ты слышишь меня, Мария? Я не только создал водородную бомбу, которая тебя ужасает,—и я понимаю это. Я, именно я изобрел защиту против нее, оружие, которое гарантирует нашу оборону.

Мария. Так это правда, что ты внушил президенту мысль о «звездных войнах»?

Отец. Да, это я, моя девочка. Только «звездные войны» здесь совершенно ни при чем. Речь идет вовсе не о войнах, а об обороне. Причем об обороне, которая обходится значительно дешевле, чем наступление.

Авель. Вы имеете в виду лазерное оружие, сэр? Я читал об этом в газетах. Там говорилось, что такое оружие уже разработано. Это и есть то самое средство, которым вы намерены окончательно защитить нас, сэр?

Отец. Видите ли, газеты могут писать то, что мне ни подтвердить, ни опровергнуть не позволено.

Мария. Но нам ты можешь сказать:

ПЛАНЕТУ

действительно ли лазерное оружие или что-то в этом роде уже существует?

Отец. Если говорить откровенно, существует возможность применения лазера в военных целях. Х-лучи широко используются в мирных целях, в биологии, например. Благодаря этим лучам мы можем видеть самые сложные молекулы в трех измерениях. И эти лучи могут занять особое место в обороне. Но это не единственная идея, которая у нас имеется. Всего их шесть.

Мария (механически). Шесть?..

Отец (увлеченно). Да, не меньше шести. Но все эти идеи, вернее, их осуществление сталкивалось в последние годы с серьезными трудностями. Правительство не верило нам и по-прежнему нажимало на наступательное оружие, на все эти ракеты, которые скоро сделаются просто хламом.

Авель. Что значит скоро, сэр?

Отец. Ну, через 15—20 лет, когда мы сможем осуществить нашу программу уничтожения ракет.

Авель. Вы сможете уничтожить все ракеты? Что-то не верится. Нам говорили, что даже самая активная оборона никогда не в состоянии будет сделать это.

Отец. Наша программа нацелена против самого опасного для Америки оружия—русских межконтинентальных ракет.

Авель. А крылатые ракеты, которые смогут запускать с подводных лодок, с любого корабля, даже с рыбацкой шхуны?

Отец. Это должно быть следующим

шагом. Пока дай нам бог справиться с главной угрозой.

Авель. И чего же вы можете добиться?

Отец. Главная цель—резкое сокращение числа возможных человеческих жертв. Сокращение с цифры просто невообразимой до цифры приемлемой.

Мария. А что это значит конкретно?

Отец. Ну, представь себе, если Америка останется вне этой активной обороны и Советский Союз совершит на нее нападение, чтобы завладеть ею, девяносто пять процентов населения исчезло бы с лица Земли. А при наличии оборонного щита погибло бы лишь десять—двадцать процентов населения.

Мария. И ты называешь эту цифру приемлемой?

Отец. Если говорить об Америке, то 25—50 миллионов человеческих жизней—это, конечно, потеря ужасная. Но все же это не конец света.

Авель. Может быть, следовало бы спросить у тех самых людей, которые попадут в число 25—50 миллионов смертников?

Отец. Разве во время других войн не погибали миллионы людей?

Мария. А ты не думаешь, что надо добиваться совсем другой цели—вообще положить конец войнам?

Отец. Именно это мы и пытаемся сделать, моя девочка. Вторая цель активной обороны—служить сдерживающей силой. Мы покажем всем, что вовсе не собираемся сдаваться. Так что, если русские на нас нападут, мы будем биться не на жизнь, а на смерть.

Авель. На смерть... На чью смерть?

Мария. В самом деле, отец, кого ты включаешь в эти 25 процентов? Меня? Себя? Авеля?

Отец (пытается отшутиться). Так нас же трое—стало быть, это 75 процентов,—те, кто сохранится.

Мария. Тогда давай пригласим четвертого, например, нашего президента. Кого же из четверых можно будет обречь на заклятие?

Авель. Президента надо исключить. Нам говорили, что в момент опасности его мгновенно поднимут на самолете высоко в воздух. Оттуда он будет руководить операцией под названием «Смерть нации». Профессора, наверное, тоже следует исключить. Таких людей правительство будет прятать где-то в самых глубоких бункерах.

Мария (рассудительно). Тогда нас остается только двое, Авель и я. Ты, конечно, оставишь меня в живых, папа? И на заклятие отдашь Авеля?

Отец. На заклятие? Авеля?.. Теперь я понимаю... Решили подурочить старика, молодые люди? Как же на самом деле зовут твоего дружка, Мария? Как вас зовут, молодой человек? Хотя бы это вы можете сказать отцу Марии?

Авель (вскакивает). Сержант в отставке, сэр. Солдат военно-воздушных сил, сэр. Готов на все ради наших высоких идеалов, сэр!

Отец (холодно). Кончайте валять дурака, сержант или кто бы вы там ни были.

Авель (молодцевато). Есть не валять дурака. (Садится.)

Отец. Авель?! А я, по-вашему, кто—Каин? Убийца в голубом халате? Вы хотите изобразить нас, ученых, положивших свой талант, свой гений, свою жизнь на спасение Америки, убийцами? Вы хотите повернуть вспять всю историю нашего века, вернуть его к доатомной эре? Но это невозможно. Это пустые и наивные мечтания. Научный прогресс неумолим. Не создай мы бомбу, ее создали бы другие—немцы, японцы, русские. Кстати, русские создали ее очень скоро после нас.

Авель. После. В этом все дело! А когда мы были одни, был шанс остановить процесс и договориться с русскими. Тогда они бы пошли на это, наверняка бы пошли, раз у них не было бомбы.

Мария. Папа, а разве лично у тебя не было выбора—отойти в сторону, за-

няться другой физикой? Что тебя толкало туда, где нравственность более чем сомнительна?

Отец. Возможности, огромные возможности для исследований. А бомба была нужна, чтобы русские не захватили Западную Европу, а может быть, и весь мир.

Мария. И ты веришь в эти басни, отец?

Авель. Не будем спорить о прошлом, поговорим о настоящем. Я думаю, сэр, вы понимаете, что ваши исследования стали сейчас главным препятствием на пути замораживания вооружений. Пока вы придумываете все новые и новые игрушки, гонка вооружений не может быть остановлена. Скажите откровенно, сэр, что там у вас еще на уме — вооружить лазерами «Шаттлы»? Соорудить военные станции на Луне? Изобрести ядерные пистолеты?

Отец (блестя глазами). Пистолеты? А что, это вполне осуществимая идея. Вот смотрите, молодой человек, вы должны это понять. *(Чертит что-то на бумаге.)*

Авель (обращаясь к Марии). А он у тебя случайно не того, Мария? *(Крутит пальцем вокруг лба.)* Это объяснило бы многое.

Отец. Бросьте этот тон! Сами вы того! Накурились марихуаны и сбиваете с толку неопытных девочек...

Мария. О!..

Отец (закликая). Смею заметить, что мой интеллект удостоверяется пятью академиями, членом которых я являюсь. Я понимаю, что вам на это наплевать в высшей степени, но любой компетентный человек скажет вам, что в мире сейчас нет ученого, который знал бы ядерную проблему лучше меня.

Авель. Тогда это сам мир того... если он до сих пор не разглядел вашего безумия, сэр.

Отец. Безумия? Создавать оборонительную систему — это безумие?

Авель. То же самое вы говорили и о наступательных системах. Я слышал, что именно вы убедили Трумэна в необходимости перехода от первой фазы ко второй — от атомной бомбы к водородной.

Отец. Я лично Трумэна ни в чем не убеждал. Я познакомился с ним, когда он уже покинул Белый дом. Но, действительно, моя позиция оказала на него влияние. Ну, а оборонительную программу, выдвинутую нынешним президентом, я действительно излагал еще за два года до его выступления.

Мария. А что, если подобным оружием будет располагать и Советский Союз? Может случиться так, что СССР опередит нас с его созданием?

Отец. О, это стало бы самым большим несчастьем. Если они будут его иметь раньше, чем мы, или если оно окажется лучше, чем наше, для нас это конец. Если же к намеченной цели первыми придем мы, для них это еще не конец. Вот в чем разница.

Авель. Значит, то же самое оборонительное оружие в руках русских будет использоваться для нападения?

Отец. Конечно. Щит они используют, чтобы задержать наши ракеты и ударить своими МБР.

Авель. Не разумнее ли начать переговоры с Советским Союзом? Зачем так упорно рисковать войной, когда можно хотя бы однажды пойти на риск мира?

Отец. Тут вы заблуждаетесь глубоко и безнадежно. Мир можно завоевать лишь при условии, что Запад сильнее. Если же русские почувствуют себя сильнее нас и будут уверены, что могут нас победить, их нападение станет неизбежным. И потому нужно стараться отнять у них это чувство уверенности в себе. В противном случае они сделают все, чтобы уничтожить нас.

Мария (пораженная). Ты действительно веришь тому, что говоришь? Для этого надо полагать их не только жестокими, но и сумасшедшими людьми, самоубийцами. Ты веришь в существование наций-самоубийц?

Отец. Все это пустые слова. В конце концов никто из нас не может проверить правильность своих взглядов, поскольку

невозможно поставить эксперимент. Пока это невозможно, я буду торговать теми идеями, в которые я верю.

Авель. Новым оружием?

Отец. Оборонительным оружием! Миром на Земле. Миром, который возможен. А что можете предложить вы — замораживание? Для вас это просто, как прост нож для открывания консервов. Я отвечаю на это: да, действительно, это замораживание так же просто, как консервный нож, но в такой же мере оно может быть гарантом мира во всем мире.

Авель. А какая гарантия, сэр, что в ответ на вашу оборонительную систему не будет создана эффективная наступательная система? Или что сама ваша оборонительная система в перспективе не перерастет в наступательную? Разве лазер не может быть использован для создания наступательного оружия? Можете ли вы как ученый гарантировать это?

Отец. Я ничего не могу гарантировать. Никто не может заглядывать так далеко вперед. Мы отвечаем на непосредственные угрозы. Мы участвуем в разработке глобальных стратегий сегодняшнего дня. А какими они будут завтра, в конце нынешнего века, а тем более в середине следующего, этого знать не может никто. Даже я.

Авель. А после, что будет после?

Отец (пауза). Не знаю... Я не знаю, что будет после.

Мария. Отец! Дорогой отец! послушай меня: пойдём с нами! Это придаст могучий импульс нашему движению. Заяви, что ты хочешь встретиться с русскими физиками, как советовал Нильс Бор еще в самом начале ваших игр. Вы встретитесь с русскими коллегами и подружите до основания корень, откуда растут все новые изобретения, ужасающие ваших детей. Назовем это движение ЭХО ЭЛЬБЫ — встреча 40 лет спустя. Единение создателей оружия во имя его уничтожения! Мы будем вместе, мы, наконец, будем вместе!

Отец (пауза). То, что ты предлагаешь, невозможно, моя девочка. Это иррационально. Это недостижимо — ни американцы на это не пойдут, ни русские. Нильс Бор был датчанин. Он был вне игры, вне борьбы двух миров.

Мария. За что ты так ненавидишь русских, отец? Ведь это не они, а фашисты уничтожили в Венгрии твою семью и хотели убить тебя. Ведь это от фашистов ты бежал в Америку. А русские уничтожили фашистов. Разве это не так? Разве наши парни не братались с ними на Эльбе 40 лет назад?

Отец. Это была ошибка. Я ненавижу не русских, а их систему. Человеку с талантом и интеллектом там невозможно дышать.

Авель. Почему же, сэр? Предположим, вас вывезли бы не в Америку, а в Россию; вы и там делали бы бомбу. Разве не так, сэр?

Отец. Идите к черту!

Мария. Значит, наши пути расходятся... Но скажи мне откровенно, сам ты, чувствуя себя, нашу страну в относительной безопасности, смог бы сбросить бомбы на русских?

Отец (пауза). Откровенно? Не знаю. Не пытай меня, я в самом деле не знаю, что ответить... Я создавал бомбы не для нападения, а для защиты Америки. *(Устало.)* В конце концов я ученый, а не политик.

Авель. Ученый? Чему вы учите, позвольте спросить, сэр? Как убивать одной бомбой миллион человек зараз? Вы ввязались в политику — и самого худшего сорта. И знаете почему, сэр?

Отец. Почему же? Ну, откройте мне глаза, господин сержант.

Авель. Вас погубила жажда власти, жажда влияния. Вам хотелось ворочать большими делами и общаться с большими шишками.

Мария. У тебя был выбор, отец. Ты физик и мог заниматься звездами, а не «звездными войнами». Тогда ты действительно мог стать великим ученым и вся твоя жизнь была бы иной...

Отец. Я и есть великий ученый. После

Эйнштейна не было никого значительнее меня в науке. *(Бормочет.)* Ферми? Конечно, он был неплохой физик, но уже тогда он прислушивался к моим советам, хотя был вдвое старше.

Мария. А другой... Другой, имя которого ты боишься произнести.

Отец. Я не боюсь. Оппенгеймер — ты его имеешь в виду?

Мария. Да. Это имя срывает все завесы. Не так ли, отец? Вот тот самый свидетель, которому обвиняемый не может сказать «нет».

Отец. Я должен был сам рассказать тебе об этом, моя девочка. Это моя ошибка. Скажу больше: это моя вина, глубокая вина перед тобой. Ты услышала об этом от других, и они оболгали меня.

Мария. Но это правда... Скажи, ведь все это правда, что пишешь газеты? Это ты погубил Оппенгеймера?

Отец. Клевета! Бесчестная клевета! Я никого не погубил! Ни Оппенгеймера, никого на протяжении всей своей жизни. Я стоял перед трудной дилеммой, и я был единственным, кто занял мужественную позицию. Все другие спасовали, ушли в кусты, трусили. И только я, один я, поверь мне, честно и открыто произнес слова, которые надо было произнести.

Мария. Какая же это была дилемма, отец? И какие это были слова?

Отец. Дилемма была простой: создавать или не создавать водородную бомбу. Это я ее рассчитал. Оппенгеймер был против. Он всегда завидовал мне. Он был неплохим организатором, но слабым ученым. И он тормозил проект, предложенный мною. Это стоило ему карьеры.

Мария. Но он был честнее, нравственнее всех вас.

Отец. Честнее?! Да знаешь ли ты, девочка, что это он возглавлял Манхэттенский проект? Под его руководством были созданы первые атомные бомбы. Знаешь ли ты, что он вместе с другими членами временного комитета при Трумэне участвовал в выборе объектов для атомной бомбардировки? Что он отказался присоединиться к тем ученым, которые выступили против использования атомного оружия?

Авель. Мы знаем все это, сэр. Я читал книгу об Оппенгеймере, которая называлась «Человек, который хотел быть богом». Он был наказан за свое тщеславие, и наказан жестоко. Не только властями, которые возвели глухую стену между ним и секретными исследованиями. Он был наказан своей совестью. А это постыднее... Но уж если мы заговорили... Вы позволите, сэр?

Отец. Валайте. Что там у вас припасено?

Авель. Когда решался вопрос, оставаться ему во главе проекта по созданию новых видов атомного оружия или нет, комиссия допросила 24 ведущих ученых. Только пять человек осудили его позицию. Это верно, сэр?

Отец. Да, кажется, их было пять.

Авель. Точнее было бы сказать — «нас», а не «их», сэр. Вы были забойщиком среди них. Не так ли, сэр?

Отец. Что значит забойщиком? Я занял твердую позицию, и весь последующий ход истории полностью подтвердил ее правильность.

Мария. Твердую — что это значит, отец?

Отец (после некоторого колебания). Я заявил, что правильно было бы не давать Оппенгеймеру допуска к секретной работе. Я объяснил мотивы его отказа от работы над водородной бомбой. Это было продиктовано только завистью.

Авель. Завистью?

Отец. Да, я убежден, только завистью ко мне. Потому что идея пришла вот в эту голову. *(Стучит себя по лбу.)* И Оппенгеймер не мог вынести этого. Да что мы здесь толкуем о морали? Вы знаете, что сказал Энрико Ферми, вдохновитель всего нашего проекта, когда была взорвана первая атомная бомба на испытательном полигоне? «Это прежде всего интересная физика».

Авель. Это была ужасная фраза. Я надеюсь, что он раскаялся в ней.

Отец. Никогда! Он понимал: война кормит науку. Ученые никогда не могли бы создать, а тем более проверить свои научные идеи, если бы военные и политики не предоставили в их распоряжение гигантские материальные и человеческие ресурсы.

Авель. Я хочу верить, что Энрико Ферми был другим. Он обронил неосторожное слово. Это слово перечеркивало модель, созданную его великими соотечественниками. Джордано Бруно сгорел на костре, отстаивая истину. Леонардо да Винчи скрыл от своих соотечественников идею создания подводной лодки — одно из величайших своих изобретений. Он опасался, что оно попадет в руки жестоких политиков и генералов.

Отец. Что вы там толкуете о Леонардо? Разве он сталкивался с фашизмом, знал, что такое фашизм? Разве в его времена были две самых истребительных за всю историю мировых войны?

Авель. Не было. Это верно, сэр. Хотя и тогда он был современником десятков войн и сотен сражений. Я думаю, что поздний Оппенгеймер, Оппенгеймер после Хиросимы и Нагасаки, вернулся к морали великих ученых прошлого. Вы же не можете не знать, что он на приеме у Трумэна плакал и проклинал свои руки, создавшие атомную бомбу. Тогда он произнес известные слова: «Мы сделали работу за дьявола!»

Отец. Слизняк! Он был просто слизняк! Вы его не видели, вы с ним не работали каждый день, как я, что вы можете знать о нем? Надо иметь мужество принимать непопулярные решения. Даже жестокие.

Мария. Жестокие... Да... Я вспоминаю, что говорила мать в тот последний день, когда она оставила тебя и меня... Она говорила тебе: вспомни Роберта, ты его предал. Он был твоим другом, а ты его предал. Он был твоим покровителем, а ты его предал. Он был единственным, кто ценил твой талант и нисходил к твоим слабостям. А ты его предал. Как предал меня и предашь когда-нибудь свою дочь, предашь все, что тебя окружает...

Отец. И это говоришь мне ты — моя дочь, единственное, что я любил в жизни?! **Авель.** Вы создали бомбу, но для кого? Вероятно, ваше поколение уйдет из жизни не опаленным ее огнем. Это вы оставляете нам, нашему поколению. *(Поднимаясь во весь рост.)* Но запомните: если все же это случится, мы, прежде чем превратиться в космическую пыль, успеем послать вам вдогонку наши проклятия! Вот так-то, сэр!

Отец (вскакивает). Ты уйдешь со мной, наконец, Мария?!

Мария. Нет. Я останусь с Авелем. Я разделю судьбу своего поколения до конца, какой бы она ни была.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Неважно, есть ли дочь у Эдварда Теллера — «отца» американской водородной бомбы и вдохновителя программы «звездных войн». В предлагаемом читателю диалоге я не называю его по имени, но с максимальной скрупулезностью старался воспроизвести его концепцию, его доводы, его мотивы. Мне показалось интересным поставить этого человека в парадоксальную ситуацию, когда ему приходится отстаивать свои взгляды в полемике с собственной дочерью и ее другом — участником антивоенного движения. Такой подход позволяет, как мне думается, яснее представить себе столкновение честных и бесчестных ученых, столкновение поколений в Америке — того, которое создавало атомную бомбу, и того, которое не хочет стать ее жертвой.

В последнее время Эдвард Теллер то и дело навещает Западную Европу, где вербует ученых для участия в американской программе милитаризации космоса...



Рисунок Натальи СЕДУЛИНОЙ

ШОЛОВОДЫЕ

Геннадий МАШКИН

РАССКАЗ

Интересно вспомнить, как мы познакомились с Кирой. Циферовы жили через стенку от Серых в многоквартирном деревянном доме. Добрососедского контакта между интеллигентной семьей Циферовых и работягами Серых не было. А восьмиклассник Федя уже заглядывался на ровесницу Киру Циферову, которая училась в женской школе. Феде приходилось часами просиживать у окна своей комнатки, чтобы уловить момент выхода юной соседки во двор. Кира прошмыгивала виноватой мышкой. Тогда Федя выходил во двор и по-солдатски прохаживался взад-вперед, ожидая ее возвращения. А когда она появлялась вновь, Федя натужно здоровался с ней и пытался заговорить. Но соседка, зардевшись, вихрем уносилась на свое крыльцо. А Федя возвращался восвояси несолоно хлебавши. И мы с Каликом часто были свидетелями этих сцен.

— Ну что, кабальеро, опять невезуха?—спрашивал я.
 — Что-то не в духе сегодня она,—почесывал в затылке Федя.
 — Ты лучше сразу в кино ее пригласи,—советовал Калик, считавшийся уже специалистом по дамскому вопросу.—На «Индийскую гробницу» сразу клонет.
 — На какие шиши?—пригорюнился Федя.

Мы все опускали головы, косясь на голые стены Фединой комнатки. Впрочем, над солдатской койкой Феде висел ковер, на котором был изображен пруд с лебедями, в пруду отражался прямо-таки мармеладный замок, а на цветущем берегу возлежала дива с томным взглядом васильковых очей. Мы знали, что это произведение с барахолки подарил Феде его дядя Бурик за целый сезон покрасочных работ, когда племяш помогал зарабатывать Серых-старшему. Но на билеты в кино просить у Федино дяди, который и так содержал племянника-сироту, было бесполезно: семья еле сводила концы с концами, а Серых-старший на свою зарплату проводника вагона лишь благодаря материнской жесткой экономии, огороду под окнами нашего барака и нашему посильному труду на грядках мог прокормить семью в пять ртов—сам шестой.

Но как раз я и нашел выход из положения. Как-то под осень в Фединой боковушке запахло краской—начался ремонт квартиры. Несмотря на окрики дяди, Федя не торопился помогать. А тут как назло под окном промелькнула Кира. И Федя, причесав челку, ринулся на свой дворовый пост... Вскоре он возвратился с постной физиономией. Светлые бровки его были трагически взметнуты над переносицей, в стоячих глазах бликами поколыхивалась растерянность, а рот не закрывался, точно наш друг держал свое горячее слово на самом кончике языка до следующего выхода Киры.

— Говорил же, с-разу приглашай на «Индийскую гробницу»,—еще и-идет!—встретил Калик друга, заикаясь, как всегда в ответственные моменты.

— На какие шиши...—затянул свое Федя, оглядывая в который раз полку с недавно приобретенными учебниками для девятого класса.

Я же автоматически повернул голову на ковер с красавицей, и тут меня осенило.
 — А ведь я могу нарисовать лучше, братцы,—вырвалось у меня.—Продадим на той же барахолке—вот и деньги!

— Лучше-то можешь,—согласился Калик,—да на чем?
 — И чем?—печальным эхом отозвался Федя.
 — Да вы что, братцы,—заиронизировал я,—в Сен-Жермене родились или в Глазковском предместье! Не знаете, как ши из топора сварить?
 Друзья потупились, а я сдернул старенькую клеенку со стола, бросил ее на пол и начал командовать:

— Несите кисть поменьше, какие есть краски у Бурика вплоть до половых и растворитель.

Мои дружки полпелелись кланчить у мастерового Бурика материал для моей работы, а я поудобнее устроился над клеенкой. Мне приходилось видеть работу самодельных мастеров-халтурщиков из пригородных поселков, как наша Заливановка. Не от хорошей жизни рисовали они свои немудреные сюжеты на полотне, жести, фанере, клеенке, картоне, копируя иногда картины и великих мастеров. После войны, как видно, у людей была повышенная тяга к прекрасному, и спрос на художественные поделки рождал предложение многочисленных доморощенных живописцев. Теперь и я втягивался в их цех, имея основания вполне весомые—по рисованию у меня всегда была пятерка. Главное теперь заключалось в том, выдаст ли Серых-старший необходимый набор. Федю после того, как убило на фронте отца, а мать вышла замуж по новой и укатила куда-то в Крым, дядя воспитывал, как сына. Но к нашей идее он мог отнестись как к очередной блажи.

Однако Бурик встретил наше начинание с пониманием, и через полчаса пол в Фединой штаб-квартире был заставлен банками с разными красками. Сам Серых-старший, оставив племяша в покое со своим ремонтом, наблюдал за работой и давал советы.

— Ты бедра, бока то есть, ей подзакрути—с ног сшибете любого мужика с деньгой!

Я благодарно кивал, подмигивал друзьям и не жалел краски на бедра красавицы.
 — Талан. Женяша, форменный ты талант!—оценил мою работу Серых-старший, когда я белилом лихо вмазал в пруд последнего лебедя со змеиной головой.—Считай, в руках кусок хлеба.

— Сама Кирка не отказалась бы от такой картиночки,—прицокнул языком Федя.—Любит она художества, прямо страсть как любит.

И будто накликал соседку на нашу голову ее воздыхатель.
 Когда картина высохла, мы свернули ее в трубку и понесли воскресным днем на барахолку, что бурлила вокруг остова церковного храма на большом пустыре высоко над Ангарой.

В лучшем углу барахолки, огороженном обзолными плахами, торговали гипсовыми кошками и свинками с прорезями для монет, старухи цветочницы предлагали «кветки» из стружек и бумаги, с патефонных дисков доносились голоса Утесова, Шульженко...

На самом же заборе висели разномастные полотна—ковры художников из народа. Сочными, щедрыми, однотонными красками переливались под осенним солнцем эти ковры. На них были изображены уединенные домики на берегу реки с лодкой и парочкой в ней, русалки возле заград под луной, иваны-царевичи, летящие на скакунах к царевнам в высоких теремах, олени с рогами, немудреные копии с известных картин Васнецова, Шишкина, Айвазовского, Левитана и, конечно же, больше всего—наша «Красавица с лебедями», как назвал я этот сюжет.

«Надо придумать свою оригинальную тему»,—решил я и махнул друзьям на свободное пространство забора:

— Теперь ваша часть работы, братцы. Развешивайте и торгуйтесь, а мне надо ознакомиться с другими работами.

Федя с Каликом кивнули с почтенным видом подмастерьев и стали протискиваться к свободному пятачку на заборе. А я подался вдоль галереи ковров, пахнущих свежей сераской, источающих изумрудную зелень лугов со звездочками цветов, природы, привольем зверья и благоденствием человека. Рисунок, светотень на этих изображениях были на самом примитивном уровне, но колорит заявлял о себе буйным цветением, главное, подкупало настроение. И этому еще способствовала патефонная музыка.

**Дымок от папиросы
Взвивается и тает,
Дымок голубоватый,
Как призрак счастья и любви...**

«И все же надо найти свои сюжеты»,—еще раз заключил я, возвращаясь к своему полотну.—Непохожие на другие...»

Но и возле подражательной нашей «Красавицы с лебедями» уже останавливались покупатели, приценились и пока уходили вдоль забора, оглядываясь на мое творение. А когда я протиснулся к своей клеенке через музыкальный куток, перед моими друзьями стояли две покупательницы. И видок у моих продавцов почему-то был растерянный.

— Это он, Мария Сергеевна,—залепетал Федя, указывая на меня.

— Его художество,—заикасто подтвердил Калик.

Тут покупательницы повернули в мою сторону головы, и я узнал мать Киры Циферовой и саму Киру.

При виде худого, взъерошенного, с подозрительным блеском в глазах художника Мария Сергеевна чуть отступила, дернув за собою дочь. Но, признав во мне ученика параллельной мужской школы, дородная, гладко причесанная математичка пронзила меня учительским взглядом, словно сдвоенной указкой.

— Так вот вы чем занимаетесь, молодые люди?—произнесла она таким голосом, будто преподавала не в женской школе, а у нас, в мужской.

— А что, каникулы...—промямлил я.—Кто запретил?

Кира стрельнула в меня темными глазками, укрылась за рукой матери и хмыкнула.

— Посмотрим, как отнесется к такому художеству ваша классная руководительница, когда кончатся каникулы,—произнесла Мария Сергеевна.

— А что, мам,—подала свой мелодичный голос Кира, и бант, не по годам повязанный на ее голове, порхнул синей бабочкой,—мне ковер нравится. Давай купим.

Мария Сергеевна отстранилась от дочери, пронзила ее своими указками.

— И это говорит моя дочь, у которой альбомы таких репродукций! Рафаэль Санти, Тициан, Рембрандт ван Рейн, Гойя, Репин! Стыдилась бы и заикнуться про это изделие...

— А я не стыжусь вот заикаться!—вставил Калик свою шутку.—Сто рублей, и дело с концом.

— Чтоб вся родня смеялась?—проговорила Мария Сергеевна, склоняясь над бантом дочери.

Она смерила нас долгим, оценочным, педагогическим взглядом и, покачиваясь по-утинному, потащила дочь в толпу. Но мы успели расслышать последние слова Киры:

— Я же хотела им помочь, мам...

— Жалость унижает человека, ты вроде бы проходила это...

«Нет, в таком случае не унижает»,—подумал я, уловив прощальный, благосклонный взгляд Киры и ободряющую улыбку Моны Лизы на ее губах.

— Жека, бежим в кино!—оторвал меня от размышлений окрик Калика.

Пока я ловил взгляд Киры, к нашему коврику прибилась несколько зевак. Один из них уже скручивал «Красавицу с лебедями», Калик ему помогал, а Федя, мусоля палец, пересчитывал десятки.

— Так,—бормотал он, по-стариковски морща лоб,—хватит на новую клеенку, кое-какие краски подкупить, дяде кое-что надо поставить, и нам на кино с мороженым... четверым, если Киру пригласить...

— Не надо ее приглашать, Федя,—отрезал я.

Дружок усталился на меня.

— Надо быть гордым, Федя,—объяснил я.—А то ведь чуть не унизили они нас со своей мамой.

— Хо-хо-хо,—кротко хохотнул Федя.—Как же дальше быть?

— Чапать в кино,—сказал я.—И не на «Гробницу», а на «Мститель из Эльдorado».

Не теряя больше попусту слов, мы повернулись спинами к нашему фартовому пятачку на заборе и вклинились в толпу. А сзади, словно из подземелья, преследовал нас голос:

**Не уходи! Еще не спето столько песен,
Еще звенит в гитаре каждая струна...**

И мы, словно заклятые, возвращались к нашему забору с новыми скрутками клеенок, на которых я стал изображать тигра в камышах, крадущегося за ланью.

Как было не возобновить наш скромный промысел, когда после «Мстителя из Эльдorado» пошли «Королевские пираты», «Остров страданий», «Под кардинальской мантией», а потом бесподобный «Тарзан» во многих сериях! Федя несколько раз заводил разговор о приглашении Киры в кино, но я был неумолим.

Но в один прекрасный день у нас—на удивление!—не купили ковер. И я заметил, что живописных творений сильно поубавилось на заборе. По-видимому, действовал рыночный закон насыщения продукцией. А может, люди стали разборчивей. Вероятно, и художники в погоне за прибылью остановились в халтурно-стандартных формах. В том числе и я со своим «Тигром». Мне совершенствоваться на этом пути не хотелось, несмотря на уговоры Калика, Феде и даже Бурика. Я чувствовал веяние новых временных горизонтов. Чтобы прийти к ним во всеоружии, надо было не разбрасываться, а всерьез учиться. И здесь мне вспомнились слова Марии Сергеевны Циферовой о великих художниках. Захотелось самому увидеть альбомы репродукций Рафаэля, Тициана, Рембрандта, Гойи, Репина и многих других великих мастеров. И сам я стал подумывать, в отличие от охладевшего Феде, о встрече с

Кирой. Будто в душе поднималась какая-то волна, целое половодье, какое испытывала наша Заливановка летом от переполнявшегося Иркутта.

Мы с ней встретились несколько раз в нашем предместье Глазково. Но вскоре подошел выпуск десятого класса, и Кира Циферова поступила в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Меня же мои поиски жизненных путей привели в Иркутский горно-металлургический институт. Расставшись, мы с Кирой не забывали друг о друге. И особенно остро захотелось повстречаться с ней в ее каникулы после первого курса, когда она приехала в Иркутск.

У меня в это время была полевая практика в присаянской тайге.

Практика в Мотах, деревне в среднем течении Иркутта, оказалась насыщенной. Сложный контакт сибирской платформой с протерозойской геосинклинальной зоной, который нам предстояло картировать, потребовал максимальных усилий всех четырех групп практикантов. Мы прочесывали тайгу от зари до зари с дотошностью истинных исследователей. А нашему руководителю, сухонькому, шустрому, знающему Юрию Александровичу Давыденко, все казалось мало. Он не давал нам лишней раз испуститься в Иркутте, подгоняя все в новые, замысловатые маршруты. «Вот тут явная флексюра, хлопцы,—говорил он, сутулясь под деревенским навесом над картой фактического материала,—а замеров—раз, два и обчелся. Надо, громодяне, еще сходить сюда, затем завернуть в вершину Теплого ручья, обстукать там как следует останцы, потом свалиться к этим вот прижимам на Иркутте, тщательно задокументировать их...»

«Да воскресенья ж, Юрий Александрович,—роптали мы.—Лето проходит, а кожа у нас белее манной каши...»

«Вот закроем этот угол,—заверял Давыденко, отдувая вислый потный ус,—сядем за камеральную обработку, тогда купайтесь на здоровье, загорайте. К этому времени Иркутт только-только потеплеет...»

Наш руководитель плохо знал своенравный характер Иркутта. Я же вырос на нем, имел представление о коварстве этой быстрой реки и всегда был настороже на ее берегах. Иркутт брал начало в Саянах, среди снегов и скал. Малейший летний дождик давал начало многочисленным снежным подтокам, и река мгновенно переполнялась. А если дождь затягивался, случались и наводнения.

На моих глазах наша Заливановка тонула три раза. На цветущие иркутские луга накатывал мутный вал ледяной воды со всяким мусором из верховьев, заливал все устье, и домики нашего поселка оказывались наполовину под водой. Люди вылезали на крыши, пытались затаскивать за собой кое-какую скотину, да тут уж самим бы не захлебнуться. А с каждым разом вал приходил неожиданной, яростней, выше: в верховьях-то все интенсивней вырубались леса. В такие дни мне вспоминалась горькая строка:

Плакала Саша, как лес вырубали...

Заливановцам приходилось плакать уже от бед, приносимых наводнением. И у меня пощипывало сердце, когда над долиной Иркутта затягивался дождь.

А как раз назавтра, после завершающего аврала, капли дождя начали выбивать в Мотской заводи пузырьки, и небо над зелеными гольцами обложили рыхлые облака. «Теперь отдохнем,—оживились мои однокурсники в палатках и взялись за гитары, шахматы, книги, карты.—Скоро не кончится эта бодряга».

«Эти дожди в начале августа самые долгие и опасные,—вспомнил я, с тревогой следя за свинцовой завесой над Саянскими далекими белками.—Как бы не кончилась непогода новым наводнением...»

Ночью ласковый Иркутт зашумел водопадом. А утром нам пришлось перетаскивать палатки и скарб на высокую террасу—мутная вода подступила к колышкам. К обеду по местному радио уже сообщали о грозной высоте надвигающегося вала, предупреждали о наводнении и давали справки по поводу эвакуации из поселков в низовьях Иркутта: Нахаловок, Черемушек, Жилкина и Заливановки.

«Товарищи, положение представляется чрезвычайно опасным,—вещал диктор.—Во избежание несчастных случаев жителям прииркутских поселков предлагается транспорт для эвакуации, к их услугам общественные помещения, а также частные дома и квартиры граждан, добровольно предложивших свою жилплощадь эвакуированным».

Я слушал сводки, все больше смурнея. Наконец, не выдержал и направился под штабной навес. Здесь тоже звучали призывы местного диктора к гражданам затопляемых пригородов, поселков и деревень. Давыденко слушал эти предупреждения, морща высокий загоревший лоб и не отрывая карандаша от карты.

— Юрий Александрович,—обратился я к нему,—мне надо выехать в город дня на три-четыре.

— Наводнение?—бросил он.

— Да, живу в Заливановке, надо помочь родителям эвакуироваться.

— Подкосит и нас это половодье, да у тебя все острее, Евгений. Давай отчаливай на неделю, хлопчик.

— Спасибо, Юрий Александрович, потом свое наверстаю.

— В добрый час!

Мои сборы были по-студенчески стремительны. Слово «наводнение» как пароль сработало на тракте Слюдянка—Иркутск, и я в кабине попутного грузовика с дождливым ветерком добрался до Глазковского предместья. А здесь, на горе, до знакомого двора в Железнодорожном переулке было рукой подать.

Стукнув в Федино окно, я убедился, что в боковушке никого нет. Тогда я перешел к соседнему крыльцу и обнаружил в распахнутом окошке Киру. Она поливала цветок в расписной вазе, вполголоса напевая.

Увидев меня под окном, Кира ойкнула и уставилась вниз, будто перед ней инопланетный пришелец. Вода у нее из кружки продолжала литься, пока я не заметил:

— Солидарна с небесной канцелярией?

Она отставила кружку и призывно замахала обеими руками:

— Заходи скорей, промок ведь!

— Лучше сама надень плащ и выскакивай. Пойдем посмотрим с кручи, как заливают Иркутт мою деревню.

Кира метнулась к вешалке и через минуту уже сбегала по ступенькам. Я поймал ее в дружески-смешливые объятия, покружил и отставил. В плаще, непромокаемой косынке и ботах Кира напоминала доярку.

— Иркутский климат и харчи тебе явно на пользу, Кира Борисовна: Пампушке-подружке не уступишь по статям.

— А ты худой и черный, как кочерга,—огрызнулась Кира с облегченным смехом.

— Работаем как заведенные. Отпуск получил по случаю наводнения. Надо помочь моим бараковцам с эвакуацией?

— Считаешь, дело до этого дойдет?

— Вал ожидается выше, чем в те годы...

Я взял Киру под руку и повел ее к роще санатория «Ангара», которая заканчивалась обрывом над Иркуттом. Мы прошли дорожками березового «Локомо-

тива» к смежной роше «Ангары». Под старыми соснами роши, мимо кустов боярышника, черемухи, березок, обрушивая на себя капель, мы пробрались на самый козырек над обрывом.

Под нами метрах в ста пятидесяти с глухим рычанием неслась саянская вода. Бешеное течение ворочало разлапистые коряги, бревна и обрывки заборов. Противоположный берег уже был залит. Иркут подбирался к крайним домам, и весь пойменный заливановский выступ поблескивал кинжалами промоин.

— Наш барак,—указал я Кире на продолговатое сооружение под толевой крышей в глубине заливановского выступа.—Вроде на бугорке стоит, но в последнее наводнение вода подступала к порогу.

Кира посмотрела на наш поселок обморочными глазами. Губы ее подергивались то с одной стороны, то с другой. Краска отхлынула от лица, и оно стало напоминать валун синюшного кварца.

— И как же вы переживаете такое?

— Не теряя присутствия духа,—стал взбадривать я ее,— даже с юмором... Вот, например, в прошлый раз нас всех насмешил Бутончик...

Когда заблестела вода на лугах, жильцы нашего барака начали обсуждать вопрос об эвакуации. Одни высказывались «за», другие «против».

Бутончик был против.

«Испугались,—корил он своих родителей и соседей, солидно заложив руки за спину.—А если бы вы на барже оказались в океане, как наши пограничники?» «Что ты будешь есть, Бутон, если вода отрежет нас от магазина?»—пытались урезонить его старшие.

«Запасы надо сделать,—посоветовал Бутончик.—А к тому же у меня удочки на чердаке и переметы».

Доводы мальца, понятно, пристыдили жильцов барака, они перестали спорить и начали готовиться к осаде.

Но вот грозная вода поползла на огороды. Ночью при редких выходах луны разлив поблескивал, как настоящее море. Утром все ребяташки барака: Бутончик, Ластик, Филя и Кислица—собрались на совет в углу общего коридора. Младшее население нашего «крейсера» решало вопрос о плавсредствах на случай, если подмоет барак и он рухнет. Я слышал, как ребячий совет забраковал нашу большую оцинкованную ванну.

«Троих и то не выдержит эта посуда,—выдал свое заключение Бутончик.—Давайте ловить бревна и сооружать плот для всех».

— Но тогда плота не потребовалось,—закончил я воспоминание.—Наводнение поугубило нас и отступило. Заливановец, конечно, несет в каждый разлив большой ущерб—заливает огороды, валит заборы, уносит дрова, топит скотину, куриц, кроликов, но пока обходилось без человеческих жертв, не считая нескольких инфарктов. А самое главное, Кирочка, заливановец держится в наводнение до конца, не пасует перед стихией и отсидится даже на трубе своего дома. А Заливановка всем на удивление восстанавливается, как птица Феникс, правда, не из пепла, а из грязи...

— На этот раз радио включилось...

— Вот я и примчался на помощь...

— Я тоже хотела бы помочь... Чем я могу, Жень?

— Надо сначала мне разузнать состояние дел внизу...

Я поддел Киру под руку и быстро повел ее по кратчайшим тропам назад. Деревья и кусты щедро сбрасывали на нас накопленную влагу, но уклоняться было некуда—большая вода мерещилась в глазах. Кира всю дорогу рассказывала, как страшно бывает им в Ленинграде, когда поднимается уровень Невы. Им всем там вспоминается в такие дни пушкинский «Медный всадник». Я рассеянно отвечал, что от того Евгения отличаюсь действительным характером и думаю сейчас, куда увезти своих родных. Кира стала с жаром уверять меня, что слышала от отца, какие школы подготовлены под эвакуацию, в том числе бывшая ее женская и наша мужская.

— И прошу тебя, Жень, не оставайся там во время потопа...—обратилась она ко мне под своим окном.

— Давай без сантиментов, Кирочка,—заметил я.—Хотя ты не забывай о плодородье... Нашем с тобой плодородье...

Мутное окно Феединой боковушки было по-прежнему закрыто, но на крыльцо выскочил Федин дядя, неунывающий маляр Бурик с капельными глазками на багровом лице. Усилившийся вдруг дождик закосил по его кучерявой шевелюре, жилистой шее и волосатой груди в развороте ковбойки. Но Серых-старший и не поехал.

— Что, Жень, топят вас?—вместо приветствия осведомился Федин воспитатель. Скучным кивком я дал понять, что дело наше плохо, и поинтересовался:

— Куда делся наш книжник?

— Они с Калькой там, в Заливановке, у твоих...

— Вот молодцы ребята!

— Они мороковали, что ты, паря Женька, не сможешь вырваться.

— Да вот руководитель наш вошел в положение...

— Дуй к своим, а то не ровен час...

— Пока терпимо, дядь Кеш.

— Если что, перевозки семейство ко мне.

— Да у вас у самих тесновато, дядь Кеш.

— Разместимся, студент, не бойсь, только с тебя потом детективная книжка причтется.

— Какой разговор, дядь Кеш!

Я поднял дружественный кулак, с улыбкой подмигнул и маршрутным шагом направился к выходу из двора. Покосившись на уличные окна Циферовых, я вдруг подумал, что Кира могла бы тоже предложить мне место под своей крышей. Понятно, что я никогда бы не воспользовался ее приглашением, но предложить-то, предложить она могла!..

...Наводнение мы благополучно пересидели дома, хотя вода неистовствовала у завалинки и заполнила доверху подполье. Во время напряженных суток максимального разлива некогда было думать о чем-либо поведении накануне, во время и после наводнения. Но, протившись с друзьями и Кирой, на обратном пути в Моты под гул автобусного мотора я начал вспоминать встречу с Кирой перед наводнением. И никак не мог забыть коварного вопроса, выпирающего, словно коряга-выворотень из бегучей воды: «Предложить она могла?»

Вопрос этот преследовал меня всю зиму, особенно когда писал я письма в Ленинград. И только после очередного полевого, уже производственного, геологического сезона он отлетел, будто пожухлый лист с дерева. Как-то больше по-мужски задумываться стал я. Ладно, пусть Кира между двумя огнями: между небом и землей, Сибирью и Ленинградом, своими родителями и мной. Но она же в нашем союзе и всячески поддерживает дружественные связи. Почему же я, парень, сибиряк, геолог, жду от нее, слабой, несамостоятельной девчонки, решительных шагов? Отчего сам не внушу ей своих взглядов на жизнь, устремлений, не подтяну ее к своему разгорающемуся костру? А еще поисковиком себя возмнил... Нет, браток, поисковик должен не только видеть глубоко под землей, но и настоящему разбираться в человеческом общении.

Юрий БЕЛИКОВ



*Мороз!—свобода звука.
Мороз!—и дятел в кроны
раскатисто постукал,
как будто в микрофоны.*

*О, легкие в объеме
Бетховена и Данте!
И нет преграды, кроме
отсутствия таланта.*

*А если бор зеленый
величественно глух,
за отзвук, нерожденный,
осмеивайте звук.*

*Но вслушайтесь без смеха,
познав морозный нрав,
и в голос человека,
звучащий через шарф.*

Лунка

*Жжется крапивою снег.
Серьги мороз вдевает.
Жаркий идет человек.
Лунки ему не хватает.*

*Что тебе горсть окуньков?
Мерз бы у батареи,
как на следы коньков,
глядя на ветки деревьев.*

*Нет же, дымится рот,
словно заводик дальний.
Пар изо льда встает,
как собеседник тайный.*

*Пленкой его укрой.
И полезай под крышу.
Поговори с рекой
так, чтоб никто не слышал.*

*Чтобы со дна реки
говор донес сторожкий.
Тихо слова-окуньки,
тихо слова-сорожки.*

Ответные колокола

*Молния,
как венка на лице,
дрогнула,
и ливень, словно снайпер,
грохнул
сквозь оптический прицел
капель.
Но и лес,
согнувшись до земли,
потемнел от ярости
и ловко
начал тучи старые пилить,
точно раздраженная ножовка!
Там, где, ненавидя шум и гам,
веточка по-тютчевски молчала,
там ветка закричала!
Сразу звуки дикие пришли.
Сразу, ураганом атакован,
с треском отрываясь от земли,
лес закувыркался,
будто клоун!
Тихий,
он себя провозглашал,
нежный,
угрожал он потасовкой.
И чем больше ливень оглушал,
тем сильнее
лес визжал ножовкой.
А когда посыпались с небес
солнечные теплые опилки,
замер с наслаждением
мокрый лес,
гнезда поправляя на затылке.
И уже березки, как детсад,
парами шагают по тропинке,
и у них сережечки висят,
точно рукавички на резинке.*

Время черновиков

*Над землю опять сквозняки.
Добавляется листьев пожухлых.
Словно в доме каком нахожусь я,
где пластинами—черновики.*

*Здесь живет гениальный художник,
что бездарным считает себя.
А иначе с чего под подошвы
сыплот лист сквозняки сентября?*

*Лес ведет себя очень несдержанно.
Испещря чернилами красными,
он читает листву пожелтевшую
и сердито ее отбрасывает!*

*Вырывает и вновь перечитывает,
потрясенный строкою слабою,
и, раскрывши листочки чистые,
переписывает набело.*

*Что ты пишешь такого, природа,
если лист мне прочесть не даешь?
Ты как будто боишься чего-то,
преднамеренно все изорвешь.*

*Не о нас ли строчишь в укоризне?
И к листве беспощадна как раз
за ущерб той возвышенной жизни,
о которой готовишь рассказ.*

*О, сроднимся хотя бы на миг
перед лесом, что нас отражает
и страдает за тех, кто мешает
написать ему свой черновик.*

Красная гроздь

*Мы—поздние,
поздние,
поздние.
Мы схожи
с рябиновыми гроздьями.
Леса опустеют старинно.
Останется только рябина.
Как в тяжелой цепочке похода
сильнейший идет позади,
чтоб первой быть в кроссе природы,
последней, рябина, иди!
Глотайте клубнику на корточках!
Но все перетянет в мороз
скупая отважная горсточка,
высокая красная гроздь.
И, может быть, чудо не чудо,
а просто в преддверье зимы
у истины смыло заруды,
и вот оно—чудо,
и мы
поэтому поздние,
поздние,
все время смотрящие
в спину.
Но воздух уж пахнет полозьями.
И едет народ по рябину.*

Снегопад Юрьевич

*Падает
хорошенький снежок!
Это
мой единственный сынок!
Никуда от снега я не денусь.
Снег уже на шее, как младенец.*

*Трогаю
хорошенький снежок.
Он по-новорожденному чистый.
До чего же это хорошо
щеки его пухлые потискать!*

*Галки
натирают купола.
Черная суконная орава.
Радуйся, бетонная Москва:
Снегопаду Юрьевичу слава!*

Четырехчасовое путешествие на вездеходе подходит к концу. Мы подъезжаем к восточной оконечности острова Врангеля—мысу Уэринг. На сопки медленно опускается ночь. В небе все чаще и все ярче вспыхивает полярное сияние. Вот впереди показался балок—один из стационаров, в которых научные сотрудники заповедника ведут свои наблюдения. Сейчас он пуст: предыдущая экспедиция покинула его недели две назад. Балок проморожен насквозь, по самую крышу занесен снегом, но я знаю, что в соответ-

и залегают в них. В Новый год, когда на острове свирепствуют метели, у медведиц появляется потомство—один или два медвежонка. Первые месяцы семья не показывается на свет божий. И только в конце марта начинается это чудо—вскрытие берлог. Сначала мать выходит сама, осматривается, потом выползают малыши. Дети катаются с гор, забираются на спину медведицы, шалят. Всего несколько дней продолжается эта идиллия. А потом мать уводит потомство туда, откуда пришла,—в океан. Ей нужен корм, а добыть его можно только там.

Краткий период вскрытия берлог люди издавна использовали для добычи зверя. Медведицу, выглянувшую из берлоги на собачий лай, легко было застрелить, а осиротевших медвежат забрать для забавы или зоопарков. Целыми пароходами отправлялись в те времена с острова шкуры белых медведей. Популяция быстро таяла. Приш-

мысу Уэринг. Задача—сосчитать берлоги, определить, покинуты они или нет, отметить все случаи визуального наблюдения медведей и их поведения.

Кругом снег, снег и только снег. Метели спрессовали его до твердости мрамора, и поэтому идти легко. На вершинах и перевалах он улегся в заструги, напоминающие фантастических зверей,—их изваяла последняя пурга.

Вот из белой глади Ледовитого океана на горизонте поднимается белая глыба. Остров Геральд. Даже и в наше время считанные люди видели эту землю, некоторые их предшественники жизнью расплатились за этот пейзаж. Всего сто лет назад, например, льды среди лета взяли здесь в плен шхуну Лонга «Жаннета». Отпустили они ее только через двадцать один месяц, погубив за это время весь экипаж. Такие примеры рождают почтение к стихии.

Нас двое. Это немного, но мы вооружены, значит, от внезапного нападения зверя застрахованы. Вокруг на сотни, а по большому счету и на тысячи километров нет людей, но недалеко от нас избушка с теплом, продуктами и рацией и вездеход с работающим всегда мотором. Тем не менее это Север, это Аркти-

Отечество

Остров метелелей

Михаил ИЛЬВЕС.
Фото Льва ВЕЙСМАНА

ствии с законами Севера он полностью подготовлен к приему гостей, надо лишь откопать вход и разжечь печку.

До балка остается метров семь-восемь, когда вездеход внезапно останавливается. Водитель показывает на снег. Да, совершенно свежие следы—большой и маленький. Медведица и медвежонок. А вот и они сами, удаляются в сторону океана. Значит, мы попали вовремя—сезон выхода из берлог начался.

В Арктике не так уж много мест массового расселения самого крупного хищника планеты. И в этом списке первым стоит остров Врангеля. Его часто и называют «родильным домом» белых медведей.

Каждую осень сотни медведиц сходятся сюда с просторов Ледовитого океана. На склонах гор, в снежниках, оставшихся еще с предыдущей зимы, устраивают они берлоги

и принимают срочные меры. Остров Врангеля стал заповедником, первым в Арктике. А белый медведь был занесен в Красную книгу. Его начали изучать. Да, этот зверь, которого мы едва не лишились, еще очень плохо изучен. Неизвестны пути его миграций, нет данных о том, как проводит свои полгоды в берлоге медведица. Требуется уточнения количество берлог и многое другое.

Утро следующего дня выдалось удивительно ясным—редкий случай, когда на острове открываются даже самые дальние дали. Мы шагаем по плато, подступающему к

ка. У них свои законы, и они, бывает, карают даже за пустяк, и потому непозволительно расслабляться.

На первых же метрах пути встретили пустую берлогу. Это из нее, очевидно, ушла семья, следы которой остановили вчера наш вездеход. В блокнот ложится первая запись.

Еще сотня метров — и новая берлога, а над ней громадная медведица с двумя детенышами. Увидев нас, она пятится, прячет медвежат. «Все живое боится человека», — вспоминаю я чьи-то слова. Да, все боится. Даже этот могучий зверь, который мог бы при желании расправиться с нами в несколько секунд. В Красной книге ему дана такая характеристика: «Врагов и конкурентов нет». Уточним: сегодня нет.

Мы отходим в сторону, снова вынимаем блокноты. Это и есть сейчас наша работа. Мы будем пытаться по следам определить, ушла медведица из своего жилища или притаилась там. Порой, отложив карабин, станем подкрадываться к берлогам с фоторужьем. Затаившись за пригорком, пронаблюдаем долгий переход звериного семейства к торосам. Спустимся с вершины и опять полезем на перевал. И так будет до вечера. Или до пурги, которая запечатает нас на восьми квадратных метрах неизвестно на сколько суток. Или до вертолета, который с внезапностью грома появится в небе, по-



СУРОВЫ УСЛОВИЯ КРАЙНЕЙ АРКТИКИ. КАЖЕТСЯ, НИКАКАЯ ЖИЗНЬ ЗДЕСЬ НЕВОЗМОЖНА. ПО ВЕЛЯЙТЕСЬ В ОБРАЗЫ ЭТОЙ ЗАПОВЕДНОЙ ЗЕМЛИ...



Продолжение на стр. 16.



НЕВРАЖИМЫЕ РОДИТЕЛИ

Ребенок — подросток — юноша — молодой человек...

Ступени, по которым мы все поднимаемся.

У каждой — свои возрастные границы, свои нормы развития организма. У каждой же, утверждают врачи, и свои, характерные, нарушения этих норм.

Сегодня мы публикуем первый из серии материалов, прослеживающих наше «восхождение» по ступеням жизни. К здоровью?.. К болезням?..

Александр БОЙКО,
кандидат педагогических наук

Разговор первый

ФАКТОРЫ РИСКА

«Ваш ребенок в опасности. Есть угроза заболевания. Просьба прийти на беседу...» — предупреждает и приглашает врач-педиатр. Но не приходят, даже не звонят родители. И вот в 15 лет у дочери сильная гипертония, в 30 с небольшим у сына тяжелейший инфаркт... Слепая родительская любовь, помноженная на медицинскую безграмотность, породила несчастье — болезнь на всю жизнь. Случаев, судеб таких много. Но кто виноват? Что делать? Да и такое ли уж это частное дело родителей — здоровье детей?..

Доступно ли человеку планировать уровень своего здоровья? Я говорил об этом с академиками медицины и учителями физкультуры, директорами школ и руководителями больниц, с детсадовскими нянечками и просто больными людьми... Рано или поздно (особенно в больничной палате) каждый из нас задает себе один и тот же вопрос: откуда взялась эта хворь? Ответы в беседах все больше сводились к одному...

ФАКТ. 75 процентов болезней у взрослых заложено в детские годы.

По этой теме я обнаружил две диссертации на соискание степени кандидата медицинских наук: «Клинико-социальные аспекты артериальной гипертонии у детей» и «Экспериментально-профилактическое исследование факторов риска атеросклероза и ишемической болезни сердца среди школьников г. Каунаса». Я разыскал авторов этих исследований Карину Петросян и Роберта Пяткявичюса. Окончив лечебные факультеты, оба работали педиатрами, а затем соединили практическую работу с научной деятельностью: Петросян — во Всесоюзном научно-исследовательском институте профилактической кардиологии АМН, а Пяткявичюс — в детской клинике Каунасского мединститута.

Итак, с молодыми учеными мы встретились в Каунасе, и я задал первый вопрос: откуда берутся больные?

Выписка из истории болезни № 12856/84. Больной М.И. 1951 года рождения, инженер-строитель. Месяц лечился в кардиологическом стационаре. Диагноз: острый обширный инфаркт миокарда. Шесть дней провел в кардиологической реанимации в тяжелом состоянии. При интенсивном лечении состояние улучшилось, в удовлетворительном состоянии выписан в реабилитационное отделение.

История болезни — со слов больного и его матери. Мать родила второго сына в 25 лет. Во время беременности прибавила 13 килограммов веса. В конце беременности врачи констатировали повышение артериального давления (170/90). Лечилась в

стационаре. Роды нормальные. Вес новорожденного 4500. Кормила грудью месяц, далее ребенок получал искусственное питание. Смеси и каши варила сама, соль, сахар и сливочное масло добавляла по вкусу. Ребенок развивался нормально. Перенес некоторые инфекционные детские болезни. Любил сладости. В семье всегда любили хорошо поесть. Курить начал в 15 лет. Курит не больше 10 сигарет в день. Служил в армии. В возрасте 20 лет поступил в политехнический институт. На третьем курсе женился. Вес 84 килограмма, рост 172 сантиметра. Машину подарили родители жены после рождения внука. На машине ездит на работу. В 29 лет назначен начальником стройучастка. Глубоко переживает неудачи на работе. После того, как начал поздно возвращаться и работать в выходные (незаконченные объекты), начались ссоры с женой. Инфаркт произошел на работе. За два дня до этого был в гостях. Алкоголь употребляет, «как все». Два года назад лечился от повышенного артериального давления. Диету и режим не соблюдал. Не любит, когда жена читает книги о здоровье и зачитывает вслух отдельные рекомендации. Любимая поговорка: «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет...» Как будто ничего из ряда вон выходящего. И вот тяжелейший инфаркт в 34 года!

Сегодня не только снизился возраст болеющих, но и увеличилось количество заболеваний. Не так давно инфаркт миокарда описывался в медицинской литературе как уникальное явление. Сегодня это заболевание называют бичом века. Лет пятнадцать — двадцать назад все сосудистые болезни сердца связывали только с возрастом. Когда Пяткявичюс посылал в редакции первые статьи о гипертонии как предвестнике атеросклероза и ишемической болезни сердца, их не принимали...

ФАКТ. Артериальная гипертония — болезненное повышение давления (для школьника 13 лет — 130/80) — распространенное явление!

Петросян и Пяткявичюс по единой методике, независимо друг от друга, отбирали детей, имеющих гипертонию. Согласно их данным, только в Москве и Каунасе от 11 до 20 процентов детей уже в двенадцатилетнем возрасте имеют повышенное артериальное давление. Установив это, они наблюдали детей в течение ряда лет. В половине случаев давление остается повышенным (первый сигнал опасности!). Причем ребенок, имея повышенное давление, не ощущает болезненных неудобств, как это бывает у взрослых. Думая о его будущем, необходимо иметь в виду: возраст от рождения до 15 лет по значению для здоровья важнее, нежели от 16 до 60. Все, что может впоследствии обернуться тяжелым заболеванием, заложено в этот период, и потому очень многое зависит от... родителей!

Вернемся к болезни нашего тридцатичетырехлетнего инженера. В ней отчасти повинна и его мать. Во время беременности она поправилась на 13 килограммов. Это много. В исторических романах можно прочитать: женщина родила на меже, завернула ребенка в рубашку и пошла домой... Между строк — важная информация: беременная работала до последних дней. Нет, не надо заставлять беременных трудиться, наоборот, государство создает им все условия для покоя. Но опыт педиатров свидетельствует: покой этот порой чрезмерен и, как все

чрезмерное, вреден. Близкие делают все, чтобы будущая мама двигалась как можно меньше и осторожнее. Пяткявичюс долго подыскивал выражение и сказал: «Наши беременные ходят, будто яйцо на голове несут».

Нет ничего хуже, если, рождая ребенка, женщина много лежит. В результате увеличивается вес новорожденного, а чем он больше, тем больше родовых травм у матери и у ребенка.

Сегодня примерно 20—30 процентов детей весят больше нормы. Следовательно, они уже «запрограммированы» на серьезные нарушения в работе сердечно-сосудистой системы в будущем. Это угрожает и их детям.

ФАКТ. Если оба родителя имеют нормальный вес, среди их детей только 7 процентов бывают с избыточным весом. Если полнота присуща одному из родителей, 40 процентов детей следуют его «примеру». Если же оба родителя имеют избыточный вес, это передается 60—80 процентам детей.

Несколько слов об искусственном вскармливании. Когда ребенок питается грудным молоком, он развивается гармонично, вес у него хорошего «качества». В искусственных же смесях много углеводов. Правда, в Литве не так давно начали выпускать смеси, содержащие не 5 процентов сахара, а вдвое меньше. Однако можно ли считать это решением проблемы?

Материнское молоко — начало всех начал, в том числе и здоровья. Но часто мы слышим: нет молока...

ФАКТ. Опытным путем доказано, что если ребенка поднести матери в пределах часа после рождения, молоко будет!

Сколько месяцев надо кормить? Мнения у разных педиатров разные. Петросян убеждена: до года. Но кто из современных матерей кормит свое дитя грудным молоком хотя бы полгода?

Наступает время, когда рацион младенца надо пополнить. Для этого рекомендуются овощные смеси, но всезнающие бабушки неизменно советуют: «Делай манную кашку!» Каким крепильным выглядит ребенок, словно снятый с картин Рубенса! И как непонятно родителям возмущение педиатра, к которому они привели больного ребенка с избыточным весом!.. А дело в том, что чем полнее ребенок, тем тяжелее он переносит любое заболевание.

ФАКТ. В восьмидесяти поликлиниках Москвы успешно обучают младенцев плавать. Это прекрасно! Но только они окрепли, только у них развился аппетит, повысился обмен веществ, обучение заканчивается. А аппетит остается. И они набирают вес, который в их возрасте весьма опасен.

Ребенок пошел в детский сад. Родителям говорят: «Дома ребенка не кормите». Нет, любящая мать встанет пораньше, что-то приготовит, накормит. В садике день начинается с завтрака. Ребенок сыт, но вокруг все дети едят, и он, не желая отставать, тянется за ложкой. Ближе к вечеру, часа в четыре, он получает полдник, не зная, что дома ему приготовлен персональный калорийнейший ужин.

Первые школьные годы. Пытаясь доискаться причин избыточного веса маленького пациента, педиатр расспрашивает родителей: «Как ест ваш ребенок?» «Нормально, доктор». «Давайте по часам восстановим, что он сегодня ел». Оказывается, на завтрак ничего не ел: не успел, в школе — тоже, поскольку не любит то, чем кормят в буфете. В обед пришел домой — есть некогда, надо бежать «на музыку». По-настоящему и много поел, когда с работы вернулась мама...

В кровеносных сосудах школьников обнаружены липидные бляшки. У одних они исчезают со временем, а у других остаются и являются предвестниками атеросклероза.

ФАКТ. Образование липидных бляшек обусловлено так называемыми факторами риска — избыточным весом, малоподвижным образом жизни, курением, повышенной концентрацией холестерина в крови и т. п.

Один из юных пациентов доктора Петросян за неделю съедал 40 яиц. Мама не скрывала, а, наоборот, с радостью подчеркивала его любовь к яйцам. Равнодушие же было нечуждо.

ФАКТ. Одно яйцо, съеденное за день, позволяет удерживать норму холестерина в крови (200 мг). Постоянное превышение этой нормы чревато плохими последствиями.

Итак, повышенный вес тела способствует повышению артериального давления. В результате — гипертония, со временем — атеросклероз, предвестник

ишемической болезни сердца, инфаркта миокарда, инсульта.

Взрослые, столкнувшиеся с этими болезнями лицом к лицу, как правило, с безупречной точностью выполняют все указания врача в отношении своего питания, что же касается питания их с виду здоровых детей, то здесь мнению любого специалиста они предпочитают собственное. Стоит, например, педиатру заговорить о разгрузочных днях в питании ребенка, как мама тут же выскажет опасение; это плохо подействует на его рост. А опасение беспочвенно — то, что разгрузочные дни не дают ребенку расти, медицинской практикой не подтверждается. Результаты же экспериментов на животных показали: те из них, кто недополучал норму калорий, развивались легче, были более выносливы и жили в полтора раза дольше.

Нельзя сказать, чтобы родители вообще не интересовали вопросы детского питания. Они слушают лекции, записывают, потом встает мама и задает вопрос: «А что делать, мой мальчик такой худенький?» Ребенок чаще всего выглядит худым на фоне толстых. На самом деле он нормальный. Худоба (если нет болезни) не основание для беспокойства, а скорее радость. Радуйтесь, родители: ваш ребенок лишен главного фактора риска — избыточного веса, поразившего сотни тысяч его сверстников.

Теперь о движении. Сегодня в разряд модных словечек попало и слово «гиподинамия». Все чаще мелькает оно в брошюрах и газетах, звучит по радио и телевидению, просто в частном разговоре о том о сем. Многие понимают его упрощенно: гиподинамия — недостаток движения. Но это не совсем верно. Гиподинамия — своеобразная болезнь, определение которой звучит довольно угрожающе: «нарушение функций организма (опорно-двигательного аппарата, кровообращения, дыхания, пищеварения) при ограничении двигательной активности...»

Мы стали жить лучше. В работе нам помогают автопамять, механизмы, доля физического труда из года в год сокращается, дома — тоже все для нашего удобства, для отдыха. Дрова не рубим, воду не таскаем, походом в кино или театр все чаще предпочитаем телевизор, который многие перенесли в кухню. И вот на экране смелый майор, явно не страдающий гиподинамией, идет по следу преступника, а семья в полном сборе машинально поглощает ужин, потом — чай с печеньем, конфетами, пряниками. И все не вставая с места, и все вместе с детьми. Если передача им неинтересна, есть множество «тихих игр», разных головоломок. Родители довольны: дети играют и никому не мешают. А в итоге сегодня двигательная активность детей — проблема.

Откуда же она начинается? С замечательного изобретения под названием «коляска». К ней накрепко привязан маленький человек. Ничего не скажешь, удобно. А теперь прикинем: два-три часа, пока длится прогулка, ребенок сидит в коляске. Если понаблюдать со стороны, можно заметить, что возраст, до которого ребенок постоянно пребывает в ней, постепенно растет. Иногда до 4 лет! Ему бы бежать, попевая за родителями, а он, этакий Обломов, едет, головку свесил, спит... Привозят в детский сад, а там музыкальные занятия проводят сидя. Если же юная непоседливая душа, услышав ритмичные звуки, начнет пританцовывать, ей тут же: сиди!

ФАКТ. Наименьшая двигательная активность малышей в детсаде — на прогулке и музыкальных занятиях.

Возьмем возраст постарше, школьный. О юных спортсменах говорить не станем: их слишком мало, чтобы они могли повлиять на общую картину. Так вот, если мальчики хотя бы гоняют мяч или шайбу, то девочки на улице выступают обычно важными павами, округляясь не только от пробуждающейся в них природы, но и от недостатка движений. А их родители упорствуют в заблуждении: мол, пребывание на улице уже само по себе достаточно для погашения «двигательного голода». Если бы!

А что в часы школьных уроков? Ученик садится за парту, и двигательная активность его снижается наполовину. О школьной физкультуре мы уже писали, там дела не меняются, хотя пора бы! Ведь цель этих уроков — не только научить правильно бегать, прыгать и т. п., но и компенсировать вынужденную двигательную пассивность на других занятиях.

В свое время понятное и похвальное само по себе желание облегчить труд уборщиц привело к почти повсеместному введению в школах так называемой сменной обуви. Учителя и нянечки были довольны, дети же во время перемены не могли выбежать во двор, толпились в коридорах. Не один год прошел, прежде чем этот порядок отменили, однако невидимый, но все же немалый урон здоровью школьников, безусловно, был нанесен.

ФАКТ. Для поддержания нормальной двигательной активности школьник должен ежедневно делать 23—30 тысяч шагов, а дошкольник — 12 тысяч. Наблюдения свидетельствуют: и те и другие делают только половину.

Занятия физкультурой, подвижные игры крайне

необходимы детям. Они не только тренируют сердце и сосуды, дают им запас прочности на долгие годы жизни, но и развивают мышцы — «периферическое сердце», которое при необходимости приходит на помощь организму.

Отдельно о соли. О той самой, про которую в детской загадке спрашивают: что самое вкусное на свете? Не шоколад, не пирожное, не мороженое, говорит взрослая тетя и произносит отгадку: соль. И приводит «доказательство»: без соли не обойтись. Если тетя очень эрудированная, она напомнит, что были времена, когда соль и золото обменивались по весу. Все правильно. Но то были другие времена, другие люди, и жили они, кстати сказать, в два раза меньше нас. И умирали от болезни, причину которых понять не могли.

Уже не раз слышал: целые поколения могут вырасти, не зная вкуса соли. А в памяти возникают извечные лакомства: соленая рыбка, соленые огурчики... Но мы говорим о маленьких детях. Когда ребенок родился, ему хватает соли (хлорида натрия) столько, сколько ее содержится в натуральных продуктах. Прежде всего в материнском молоке. Как только мать начинает его прикармливать, она прибавляет соль в каши и смеси по своему вкусу и, естественно, любовь свое дитя и желая сделать «как лучше», делает хуже: для детского организма соль вредна. Разумеется, вред этот становится ощутимым лишь спустя годы. На сегодня же примерно 40 процентов людей страдают нарушением почечного обмена соли. Со временем это приводит к артериальной гипертензии.

ФАКТ (по данным Петросян и Пятквичюса). У 60 процентов детей обнаружено повышенное артериальное давление, причины которого неясны. Соль?!

ФАКТ. Среди групп людей, употребляющих не более 3 граммов соли в сутки, не наблюдается повышенное артериальное давление, и с возрастом уровень его обычно не растет.

Задумаемся. Поверим знающим людям. Понаблюдаем за собственными детьми. Лишний раз отдернем руку, когда она тянется к солонке.

Итак, есть факторы риска, которые можно учесть и контролировать. Но есть еще и семья, отношения в которой не всегда поддаются учету, а уж тем более контролю со стороны. И если педиатры не находят у ребенка факторов риска, но тем не менее устанавливают гипертензию, они ищут причины в семье. Рвется там, где тонко: в юношеском организме идет сложный процесс перестройки, а в этот период участились ссоры родителей. Ребенок же все видит, все слышит, запоминает. И переживает...

ФАКТ. Дети разведенных родителей чаще болеют гипертонией.

Врачи сопоставляют факты и делают предположительные выводы. Например, что читает мальчик в 12 лет? Книжки о приключениях? Но уже встречаются такие, кто в 13—14 лет читает Достоевского. Не надо бить тревогу, но стоит поинтересоваться: почему? Нет ли за этим внутренней замкнутости? Чтение серьезной литературы должно быть чем-то вызвано, оно не является потребностью детской души. Если в книгах, а не в беседе с родителями ребенок ищет разъяснение взрослых проблем, если они интересуют его вопреки его детскому сознанию, не значит ли это, что в душе его появилась рана, нанесенная нами, взрослыми, невзначай?

Врачи-педиатры вас очень просят: пожалуйста, общайтесь со своими детьми! Это нужно для их развития, это необходимо для нравственной стойкости, как воздух для здоровья. Пожалуйста, контролируя, разрешайте им общаться в вашем доме со своими сверстниками. Пусть ваши дети с детства учатся ощущать себя хозяевами, ответственными и гостеприимными. Это и в их интересах, и в ваших.

Пока ребенок учится в начальных классах, родители днюют и ночуют в школе, учи-

тельница — их друг и союзник. А потом? Где и когда теряется ниточка интереса к школьной жизни ребенка, а косвенно — и к нему самому? На этот вопрос отвечают не родители и даже не учителя, а снова врачи-педиатры: интерес теряется как раз после четвертого класса, когда «другом и союзником» родителей должен стать уже целый коллектив учителей, но, к сожалению, так получается далеко не всегда.

Петросян и Пятквичюс начали исследовать детей в возрасте 11 лет, когда по всем канонам перестраивается человек и формируется личность. Отчего же в это время ребенок часто как бы отклоняется в худшую сторону? Это тот самый возраст, где впервые встречаются дети-гипертоники. Пятый класс. Школьник расстается с дорогой ему учительницей начальной школы. Если он не лидер в классе и не поддержан родителями, он попадает под «чужое влияние». Это возраст, когда друзья значат больше, нежели родители. Ребенок согласен вытерпеть все, но должен остаться в своей компании, даже не являясь лидером. Он хочет быть там, где его считают личностью.

Эмоции и физическая нагрузка. У отца неприятности на работе, и в этот же день сын принес двойку из школы... В дело вмешалась мама. Плохо будет всем, но ребенку особенно. Врачи утверждают, что в данной ситуации отцу лучше вместе с сыном пойти поиграть, например, в мяч, как говорится, «угмонить эмоции». А выражаясь языком медицины — снизить уровень адреналина в крови. И только позднее, в другом, спокойном, состоянии разобраться в делах. Ничто не поможет лучше, нежели физические упражнения, смягчающие стрессовый фон. Энергия, затраченная на физическую активность в любой форме, — важный антистрессовый фактор.

Врачи знают, врачи рекомендуют, врачи настаивают... У них один интерес — здоровье вашего ребенка. У вас, родителей, тоже. Почему же тогда в борьбе за здоровье детей врачам порой приходится вызывать «к барьеру» не только болезнь, но и вас, уважаемые папы и мамы?! Причем если в первом случае медицине известно «оружие» и при своевременном вмешательстве успех обеспечен, то во втором врач, а значит, и ребенок «дуэль» зачастую проигрывают. Почему? Об этом наш следующий разговор.



Фото Сергея ВЕТРОВА

кружится, выбирая место, а потом приземлится рядом с домиком.

Вот так, кстати, и было. Наступил вечер, задула пурга, прилетела «восьмерка». И мы отправились в село Ушаковское...

Люди уже привыкли к возможности быстро и без хлопот попадать почти в любую точку планеты. Исключений здесь не много. Одно из них — остров Врангеля. Когда речь идет о нем, ко всем прочим слагаемым путешествия надо приложить еще и удачу.

Удача. Ее искали здесь даже в те времена, когда эта земля была неведомой. На удачу надеялся сержант Андреев, колесивший на собачьих упряжках по торосам Северного океана, о ней мечтал Сарычев, заметивший странности в ледовом дрейфе Чукотского моря, в нее верил один из учредителей Русского географического общества, Фердинанд Петрович Врангель, нанося по рассказам чукчей на карту так и не найденный им остров, ее проклинал капитан Келлет, бессильный добраться до той земли, которую он увидел первым из людей, от нее отрекся Роджерс, заявивший, что такого острова нет и быть не может.

240 километров пролива отделяют эту землю от материка, но и сейчас их не одолеешь, бывает, и за месяц...

Всего сто лет тому назад первый европеец ступил на остров. А в 1968 году здесь пришлось создавать заказник. Еще через восемь лет — заповедник. Так остров стал, говоря сухими словами энциклопедии, территорией, на которой запрещена всякая деятельность, нарушающая природные комплексы или угрожающая их сохранению.

От открытия земли до ее «закрытия» (кавычки можно и убрать) прошло меньше века. Это означает, что за считанные десятилетия цивилизация проштудировала здесь всю многотысячелетнюю историю своих взаимоотношений с природой. Пример уникальный, и он кое-чему учит.

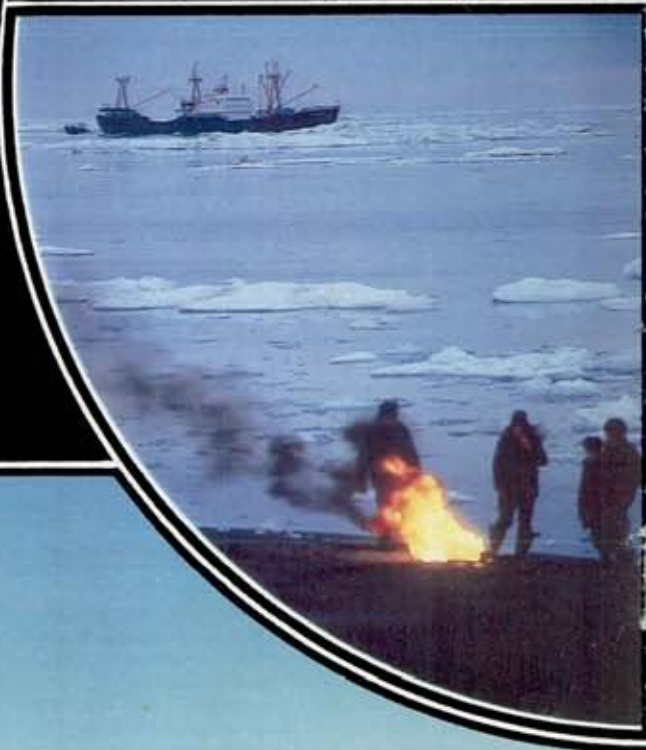
До революции и во время ее здесь успели

попиратствовать частные предприниматели, в том числе и иностранные. Шкуры белого медведя и песца, горный хрусталь (осталась даже штольня), клыки моржа (они несъедобные, поэтому убивали и зверя), разнообразная дичь — грабили все, что попадалось под руку. Американцы не знали тогда, что, стреляя белых гусей на нашем острове Врангеля, они обкрадывают родную Калифорнию. Маршрут сезонных перелетов гусей выяснился позже, и сейчас Калифорния вместе с островом Врангеля на равных фигурирует в одном и том же советско-американском соглашении об охране редкой птицы.

Первые постоянные поселенцы появились на острове в 1926 году. Время было тяжелое, связь с островом тогда отсутствовала по нескольку лет, и людям приходилось заготавливать продукты на месте. Это тоже шло за счет природы. Потом остров стал совхозной землей. Появилась современная техника. Так природа получила новую нагрузку.

Однако жизнь шла своим чередом. При перелетах белого гуся полярная станция и совхоз выделяли для заготовки мяса лучших стрелков, а для заготовки яиц на гнездах — самых расторопных сборщиков. Но в русском языке уже стало появляться словосочетание «охрана природы». Поступила команда проводить кольцевание гусей. Птиц загоняли с этой целью в сети вездеходом. Установили норму: тысячу окольцуеть — сотня твоя. В личные сараи набивали тогда живых гусей, а потрошенных развешивали на северной стороне домов, чтобы не портились. Уже версталась Красная книга, уже оставалось лишь одно гнездовье белого гуся, а здесь он продавался по рублю за штуку.

И вдруг остров объявляется заповедным. Надо ли говорить, что это был уже совсем не тот уголок нетронутой природы, который виделся капитану парусного барка Лонгу из пролива, названного впоследствии его именем?



Остров метелей



Необходимость охранительных мер очевидна, но с новой ситуацией трудно было смириться людям, привыкшим за расходами видеть прибыль.

Что такое остров Врангеля для страны? Гордость. Для области? Экзотическое место, куда можно прокатить почетных гостей. А для района это обуза, гиря на ногах экономики — целая треть территории, которая ничего не дает. Чего бы ему, заповеднику, не помочь району хотя бы, к примеру, в выполнении плана по добыче пушнины? Нельзя?

Увы, не все в состоянии осмыслить такой нюанс.

Остров Врангеля подчиняется Главохоте РСФСР. Главк в общем-то с пониманием и уважением относится к уникальному заповеднику. Но даже там задают этот вопрос: «А что вы даете государству?»

— В принципе любая охраняемая территория могла бы окупать себя, — считает директор первого арктического заповедника Леонид Федорович Сташкевич. — Все зависит от постановки дела. Национальные парки, например, приносят доход. Мы же пошли по пути создания заповедника. Это наиболее совершенная форма охраны природы. Возьмем медведя. Гризли в североамериканском Йеллоустонском парке стали попрошайками, в результате изменился весь поведенческий комплекс животных. Мы тоже могли бы на Уэринг запустить туристов, могли бы за валюту продавать медвежат, скажем, в Африку и получали бы от этого доход, но не идем по такому пути сознательно. Из заповедника всегда можно создать национальный парк, а из парка заповедник без потерь уже не сделаешь...

Итак, человек выделил территорию и объявил ее охраняемой — прежде всего от самого себя. Но до этого он уже наследил в ней, и порядком. Вот еще примеры, относящиеся к острову Врангеля. После войны сюда были завезены северные олени, полторы сотни животных. В благоприятных природных ус-

ловиях их поголовье значительно выросло. Чтобы поддерживать оптимальную для острова численность стада, каждую осень проводится забой части оленей. Так попутно решается в заповеднике проблема продовольственного снабжения. Все это с одной стороны. А с другой — уже остро стоит вопрос охраны от оленя гусиных гнездовий: редкой птице можно нанести непоправимый ущерб. Как быть? Как вести себя человеку по отношению к таким следам человеческой же деятельности? Главная догма заповедания — ничего не трогать — сразу ставится под сомнение.

Несколько позже на остров с Аляски завезли овцебыка. Был момент, когда его перспективы здесь вызвали тревогу. Сейчас опасения уже позади. Специалисты считают, что со временем он даже вытеснит оленя, ибо лучше его вписывается в природный комплекс региона. Но этот процесс тоже предполагает вмешательство человека уже в будущем. Это те следы, которые человек здесь еще оставит. Как относиться к ним?

В прошлом году в поселке бухты Сомнительной появилась медведица с агрессивными чертами характера. Она задрала нескольких собак, начала преследовать людей, а потом ввалилась в дом Ивана Петровича Ульвелькота. Старый чукча не растерялся, схватил гарпун и ударил ее. Медведица отпрянула, оставляя на снегу кровь, однако пора было принимать серьезные меры. В Москву полетела телеграмма: «При прямом нападении на человека был ранен белый медведь. Зверь находится рядом с поселком. Положение крайне напряженное. Просим срочно разрешить отстрел».

Вот так: недавно на белого медведя повсеместно велась спортивная охота (а шкура его, между прочим, имеет лишь декоративную ценность), сейчас же, чтобы обезвредить

УНИКАЛЬНА ПРИРОДА ОСТРОВА. ЗДЕСЬ МОЖНО ВСТРЕТИТЬ БИВНИ МАМОНТОВ И ЖИВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ «МАМОНТОВОЙ ФАУНЫ» — ОВЦЕБЫКОВ. МНОГИЕ ОБИТАТЕЛИ ОСТРОВА ВРАНГЕЛЯ ЗАНЕСЕНЫ В КРАСНУЮ КНИГУ.

Продолжение на стр. 20.



Женьку Братцеву считали не от мира сего. Надо посидеть в общежитии с ребенком: «Женька, посиди!» И она сидит. Некого послать на овощную базу от фабрики: «Женька, поезжай!» И она едет. Нет у кого-нибудь денег: «Иди у Женьки перехвати до получки». И Женька дает, даже если у самой остаются последние рубли. Доходило дело до курьезов. Приходит парень к девчонке: «Накормила бы...» — а та: «К Женьке Братцевой иди, она накормит!» И парень мог прийти к ней, хотя почти не знал Братцеву. Женька сидит напротив парня, подопрет подбородок рукой, смотрит, как он ест. Кого и стыд прошибало, а кто только нагло ухмылялся: «Ты вообще-то в своем уме, девка?» Женька иногда промолчит, иногда снисходительно улыбнется, а иногда скажет: «Хлебом покормишь — золотом отдарят!» Парень недоуменно бровью поведет. «В деревне у нас так говорят, — объяснит Женька. — Знаешь такую, Кременчуговку?» Никто такую деревню не знал, знали только, что Женька приехала оттуда три года назад и вот с того времени работает на ткацкой фабрике. Фабрика носила имя Маруси и Дуси Виноградовых, знаменитых ткачих 30-х годов.

А работала Женька так, будто по углям бега-ет, — ни секунды на месте не стоит. Правда, и работа ткачихи — огневая работа: тут все время надо стрелой носиться между станками. Их у Женьки шестнадцать, по четыре в ряду, пока все станки обегашь, где нитку надвяжешь, где бердо поправишь, где основу проверишь, где полотно осмотришь, не один километр ногами отмеришь за смену... А Женьке хоть бы что: чем больше работает, тем радостней, веселей становится — щеки раскраснеются, глаза горят, и смех ее, такой открытый и звончатый, слышится далеко по пролету цеха.

Начальство, правда, не особенно жаловало Женьку. Нет, с планом у нее все было нормально, всегда Женька в передовиках ходила, — не любили ее за строптивость, неуступчивость, какую-то бесшабашную смелость и открытость. Что на уме, то и на языке. Мастер прозвал ее «Запятая». Сначала называл «Заноза», но это имя не прижилось к ней. А «Запятая» — всем по душе пришло. Женька не обижалась: понимала, что характер у нее не из легких. Но другой она не хотела быть. Что думала, то и говорила. Бывало, мастер с досадой отмахивался от нее: «Отойди, Запятая!» — так она еще сильнее насадала на него: «Я вот на собрании выступлю, как вы демагогией отделяетесь... Говорю вам: надо основу менять — значит, надо!»

Однажды вечером на задах общежития Женька услышала странный шум. Комната ее была на первом этаже, окна выходили во двор, вот она и услышала что-то похожее на жалобную скороговорку. В комнате с Братцевой жили еще две девочки — Люся и Маруся, они ничего не услышали, а вот Женька услышала. Она все время как бы на волну какую-то особую была настроена: все слышит, видит, чувствует. И вот кинулась из комнаты на улицу, обежала общежитие — в темном углу неподалеку от мусорных ящиков двое парней теснили какого-то захудалого мужичка.

— Да нету, ребята, нету, честное слово, — бормотал мужичок.

— Смотри, жизнь дороже обойдется, — нажимали на него парни.

Женька, не раздумывая, бросилась к ним.

— Эй, вы чего это тут?! — закричала она.

Парни оглянулись на нее.

— Это еще кто такая? — не сказал, а прошипел один из них.

А Женька была уже совсем рядом.

— На одного вдвоем, да? — быстро заговорила она, как запричитала. — Не стыдно, а? Не совестно? У, бугаи несчастные!

— Вали отсюда, дура! — прикрикнул один из них, тот, что повизжал. И в руке его блеснуло лезвие ножа.

Этот миг показался Женьке страшным. Ей подумалось, что вот сейчас парни ни за что ни про что прыгнут мужичку ножом. И она очертя голову бросилась на нож. Парень не хотел бить ножом, он просто машинально отдернул руку назад, но Женька, не разбирая, схватилась оголенными ладонями за лезвие. Был странный, неопределенный миг: парень стоит с ножом в руке, а лезвие крепко держит в ладонях Женька Братцева.

— Да что же вы делаете?! — закричал мужичина.

И этот его испуганный, неожиданный вскрик сделал свое дело: парень резко дернул нож на себя, и острое лезвие, глубоко взрезав ладони Женьки, вырвалось из ее рук. Парни бросились бежать, а

Женька, жалобно ойкнув, от резкой боли присела на корточки: из ладоней ее ручьем текла кровь.

Мужчина выхватил из кармана платок, стал прикладывать его то к одной, то к другой руке Женьки, но разве остановишь так кровь...

— Пойдемте, пойдемте, — заговорил мужчина. — Идти можете? Ну вот и хорошо, идемте...

Когда они вошли в вестибюль общежития, тете Раисе, дежурной, сделалось дурно от вида крови.

В несколько минут вызвали «скорую», и Женьку Братцеву увезли в больницу.

Там, в больнице, с туго забинтованными руками Женька пролежала всего неделю. Больше не могла. «Что хотите, — сказала она врачу, — а выпишите меня отсюда. Не могу я бездельничать».

Два раза приходил к ней тот мужчина — Алексей Иванович. Приносил цветы и яблоки. И цветы, и яблоки были у него из своего сада. Жил он на окраине городка в собственном домике, с женой и четырьмя ребятами мал мала меньше. Работал на электрозаводе кабельщиком, как раз недалеко от их общежития. В тот вечер получил аванс, возвращался с работы домой. Ну, и напали на него те двое...

Договорились, что как-нибудь Женька придет к ним в гости. У них особенно летом и осенью хорошо, как в деревне. И огородик свой, и сад цветет, и речка неподалеку... Женька сразу вспомнила родную Кременчуговку и кивнула: конечно, приду.

Поезд

Георгий
БАЖЕНОВ

Приезжали к Женьке и из милиции. Парней они тех быстро нашли: Савчук и Полимеров из строительного ПТУ. За ними уже водились подобные делишки. Правда, нож до этого никогда не пускали в ход. В первый раз такое случилось. И теперь, конечно, им это так просто не сойдет...

Вот тут Женька Братцева удивила милиционеров: наотрез отказалась возбуждать уголовное дело.

— Ведь они не хотели, так получилось! — повторила она. — Испортим ребятам судьбу, как они дальше жить будут?

— Ну да, конечно, — не соглашались с ней, — пусть они лучше шляются по улицам, пристают к прохожим, угрожают ножом... А там, глядишь, и прирежут кого-нибудь...

— Все равно не надо, не надо, — просила Женька. — Я не хочу. Это мое право. Я сама с ними разберусь.

— Ого! — удивились в милиции. — Это каким образом?

— Ну, я не знаю пока. Но я сама.

Через две недели Женька вышла на работу. На ладонях у нее остались глубокие рубцы, которые к тому же изрядно побаливали. Но к боли Женька быстро привыкла, трудней было привыкнуть к другому: руки стали не такими послушными, как были прежде. А руки у ткачихи — главное в работе: они должны быть быстрыми, стремительными, порхающими.

Мастер Иван Поликарпович подошел как-то к Женьке и, чего уж она никак не ожидала, вдруг поглядел ее по голове:

— Ты не мельтеши, не мельтеши, дочка... Все в норму войдет, не бойсь.

Женька привыкла больше ругаться с мастером, а тут растерялась от неожиданной «дочки». Раньше все Запятая да Запятая...

Женька Братцева жила с Люсей в одной комнате и была очень привязана к ней. Флегматичная, безропотная, Люся была полной противоположностью Женьки, но именно это их и сблизало. Женька как бы все время опекала Люсю, помогала ей во всем, подталкивала к действию, к поступку. При этом, как ни странно, Женька была на два года младше Люси. И хотелось Женьке, давно хотелось, чтобы сменяющей у нее была именно Люся: родной душе и станки доверить легче.

Вечером Женька сказала Люсе:

— Я в общежитие ПТУ. Пойдешь со мной?

— Зачем? — не поняла Люся.

— С этими храбрецами хочу познакомиться. С Савчуком и Полимеровым.

— Ты что, в своем уме, Женька? — округлила глаза Люся.

— Не хочешь? Тогда я одна пошла. — И Женька закрыла за собой дверь.

Люся подхватила с кровати кофту и выскочила вслед за Женькой.

Вечер был хоть и осенний, но теплый, приятный, дурманящий.

— Не пойму я тебя, — семенила Люся за Женькой.

— Хочу в глаза им посмотреть. Просто в глаза.

Вот и все, — отрезала Женька.

Худая, легкая, как перышко, Женька буквально летела вперед: глаза у нее были большие, все девчонки завидовали ей, а вот нос чересчур востренький и губы тонковаты — может, именно поэтому не обращали на нее внимание ребята. Но было во всем ее облике что-то стремительное, решительное, властное, так что не раз и не два самые незнакомые люди ловили себя на том, что подчиняются этой девчонке.

Что уж говорить о Люсе — она покорно спешила за Женькой.

Однако ни Савчука, ни Полимерова в общежитии не оказалось. Женька с досадой прикусила губу, достала лист бумаги, написала размашисто: «Приходила познакомиться. Братцева». И передала записку дежурной.

Через три дня они с Люсей пришли в гости к Алексею Ивановичу. Стол накрыли в саду под яблоней. Посредине поставили самовар — не настоящий, конечно, а электрический, — провод от самовара тянулся к розетке, устроенной на перильцах крыльца.

Детишки под командой старшей дочери Насти, которой недавно исполнилось шесть лет, возлились рядом. Самый маленький, Ванюшка, еще еле на ногах держался, а двое других, Антон и Семен, были близнецами четырех лет от роду.

Именно вот эти, близнецы, все время лезли Женьке на колени. Она не сопротивлялась, то одного подхватит, то другого. А те между собой дерутся. Вот Женька и заливалась веселым смехом.

Чай пили с густым клубничным вареньем. А с плиты хозяйка все подносила и подносила то пирожки, то ватрушки, то какие-то замысловатые крендели.

— Совсем как дома, в Кременчуговке, — вздохнула Женька.

— А кто у тебя дома-то, в деревне? — поинтересовалась Клава, жена Алексея Ивановича.

— Бабушка.

— А отец с матерью где?

— Отец на Севере погиб. Спасал товарища на льдине. Товарища спас, а сам утонул. Мать за другого вышла, уехала на Дальний Восток.

— Ну, а ты чего бабушку бросила? — улыбнулась Клава. — Небось, жалко ее было одну оставлять?

— Жалко. Да бабушка сама сказала: поезжай, внучка, в город. Выучишься — много людям пользы принесешь.

— Это она верно сказала, про учебу. Только город-то — он знаешь... Попадутся вот такие охладомы, как те двое, — и вся твоя жизнь прозрачная кончится... Да я бы этих паразитов!..

— Они ведь тоже люди, — сказала Женька. — Может, они чего-то не понимают, а может, озлобились на кого-то. Может, их обидели? Может, еще чего-то.

— Вечно ты, Женечка, всех выгораживаешь, — вставила свое слово Люся.

— Вот-вот, — поддержала ее хозяйка. — Обидели их... Как бы не так! Схватили нож и вдвоем на одного. А он, между прочим, кормилец, отец четверых детей.

— Все равно надо сначала разобраться, — не сдавалась Женька.

— Я тоже не понимаю тебя, Женя, — сказал Алексей Иванович. — Зря ты отказалась возбуждать

уголовное дело. Нельзя прощать им такое. Сегодня ты им простила, а завтра они на другого человека нападут. Таких надо в три погибели гнуть, только тогда они чего-то поймут.

— Ой, знаете что! — воскликнула Женька. — Можно, я с ребятами в прятки поиграю? Мы в Кременчуговке всегда играли, а тут ведь нельзя, засмеют. Дылда, скажут...

И Женька, не дожидаясь ответа, подхватила на руки Ванюшку и побежала с ним прятаться за крыльцо. За ней всей ватагой, с веселыми криками, гиканьем бросились остальные ребята.

Женька Братцева пошла в общежитие ПТУ. Сначала думала: может, Савчук с Полимеровым, получив ее записку, сами захотят прийти к ней? Куда там! Ни слуху от них ни духу. Ну что ж, пошла снова сама. На этот раз ей повезло: в комнате был тот, повыше, который держал нож. Савчук.

Он прищурил глаза. Не встал, не поздоровался в ответ, не предложил сесть. Смотрел в упор, настороженно.

— Сесть-то можно? — спросила Женька.

— Чего пришла? — не очень гостеприимно проговорил Савчук.

— В глаза тебе посмотреть, — спокойно ответила Женька.

Савчук усмехнулся.

Надо сказать, природа не обидела его. Он был высокого роста, крепко сложенный, смуглый, с

ся. — Савчук подошел к двери и распахнул ее: — Ну, давай. И чтоб я тебя больше не видел. Поняла. «Пионерка»?

В эту ночь Женька Братцева долго не могла уснуть. И так, и этак перебирала в уме разговор с Савчуком, но ничего, абсолютно ничего не могла понять. С кем она разговаривала, к какому сердцу пыталась пробиться? Ведь Савчук — по сути дела, мальчишка, ученик ПТУ, юнец, во всяком случае, года на два младше Женьки, а откуда в нем эти грубость, наглость, хамский, развязный тон в разговоре, презрение к девушкам, неуважение к взрослым? Что это в нем, с рождения? Да не может быть! Значит, откуда-то началось? Когда-то пробилась в нем ростки пошлости, наглости и хамства? Где, когда? В доме? В семье? В школе? В ПТУ? Откуда она может знать это? Она, Женька, откуда может знать все это?

А ей хотелось знать. Ей многое хотелось и знать, и понимать. Иначе зачем жить? Но как жить, как работать, смеяться, любить, когда рядом может происходить такое? Когда кто-то может подойти с ножом и запросто пырнуть в грудь? Когда могут в глаза смеяться только потому, что ты пожалела того, кто чуть не убил отца четырех детей, кормильца, прекрасного человека и отличного специалиста в своем деле. Как могут увязываться все эти вещи в один узел? Как распутать все это?

Перед глазами Женьки стояла высокая, сильная

главное, Серафима Остаповна, билеты им передайте. Обязательно, ладно?

— Да передам, передам, не беспокойся. Только зря все это...

— Вы им скажите, что там про таких, как они. Им сразу интересно станет.

— И-и, милая, ничего им интересного в театрах нету. Им лишь бы по улицам шляться да друг дружку бутузить... Точно говорю!

И вот права оказалась Серафима Остаповна: не пришла Савчук с Полимеровым. А что билеты им вахтерша передала, Женька не сомневалась. Значит, билеты получили, а в театр не пошли. Почему?

Все второе действие Женька мучилась этим вопросом, а потом ничего, забылась: пьеса захватила.

На другой день Женька пошла прямо в строительное ПТУ. Нашла мастера группы, в которой учились Савчук с Полимеровым.

Мастер оказался человеком странным да еще и невнятным каким-то.

«А вам зачем? А вы кто такая? Опять они чего-то натворили? А при чем здесь я?» — все спрашивал он.

— Да вы хоть что-нибудь о них знаете? — взорвалась Женька.

— А что я должен знать?

— Ну, хотя бы кто у них родители, чем занимаются, сколько у них у каждого человек в семье?!

— Савчук из приличной семьи: отец — инженер, мать — домохозяйка. Живут в пригородном поселке. А Полимеров? Отца вроде нет, мать — бухгалтер. Ну да, отца нет, а есть отчим. Точно. А что?

— А то, что ваши ученики в любую минуту могут преступление совершить. А вы...

— Ну, удивили, — скривился, как от зубной боли, мастер. — От них чего угодно можно ожидать. А при чем здесь я?

— Да вы же должны быть им вместо отца родного!

Семен Игнатьевич, так звали мастера, минуту смотрел на Женьку ошарашенно и недоуменно. А потом вдруг рассмеялся. Смеялся долго, с подхихкиванием каким-то, до слез смеялся бедный мастер Семен Игнатьевич.

— Сатана им заместо отца, а не я! Сатана!

Женька смотрела на него, смотрела, а потом сказала ему в лицо:

— Гнать надо таких мастеров! В три шеи гнать из училища!

— А чего меня гнать? Я и сам рад уйти! Да не отпускают... Не отпускают, запомни, эй, ты, заполюшная!

Дома, в общежитии, дежурная тетя Раиса удивила Женьку.

— А к тебе ухажер заходил...

— Какой еще ухажер? — не поняла Женька.

— Да уж не знаю какой... Небольшого такого росточка, белевский. Вот записку оставил. — И дежурная с таинственной улыбкой протянула Женьке листок.

«Здравствуйте! — начала читать Женька. — Хотел поговорить с вами. (Эти слова были зачеркнуты.) Меня раньше били, а Джон отбрил всех. А убивать мы никого не хотели. Я бы пошел в театр, да Джон не хочет. А поговорить я не против. Серега Полимеров».

Вечером Женька поджидала ребят около общежития.

«Нет, не отстану от них. Что бы там ни было, а не отстану. Все выдержу, все перетерплю, любые грубости, любые насмешки. Надо же кому-то бороться за них, нельзя, чтобы всем была безразлична их судьба... Я помогу, поддержу... Я все сделаю. Только бы мне не спасовать, не струсить...»

И тут вышел из-за поворота Савчук. Женька даже вздрогнула от неожиданности. Рядом с ним был Полимеров.

Они поравнялись с Женькой, и она заговорила быстро, задыхаясь:

— Слушайте, ребята, я придумала... Ну, не захотели в театр, ладно... А пойдете в следующий выходной в лес, костер разведем, а?..

Савчук посмотрел на нее резко, зло.

— Ты еще и к мастеру шлялась?

— Хотела узнать о вас побольше...

— Слушай, ты! Ты что, придурочная? Больная?

Ты кто такая, чтобы лезть в нашу жизнь? Тебе чего надо, а? Может, тебе в самом деле мало досталось? Так я могу добавить. У меня не заржавеет!

— Это ты о чем? — усмехнулась Женька.

— А вот о чем. Получай, дура! — Он со злостью вцепил ей щеку.

И в тот же момент Полимеров, развернувшись, ударил Савчука в челюсть.

ШНОЖ

черными, по-боксерски коротко остриженными волосами да еще вдобавок голубоглазый. И когда он усмехался, в облике его появлялось что-то притягательно-ухарское, бешабанное.

— Ну, посмотри, посмотри, — еще раз усмехнулся Савчук.

— А дружок твой где?

— Тебе еще и он нужен?

— А как же!

Савчук, ухмыляясь, вплотную приблизился к Женьке:

— Чего пришла? Чтоб спасибо тебе сказали? Чтоб поклонились в ножки?

— Хотя бы.

— Не дождешься,

— Тебя как зовут? — поинтересовалась Женька.

— Джон.

— Ой, Джон, держите меня, я падаю! — рассмеялась Женька. — Иван, что ли?

— Тебе какое дело?

— Слушай, Джон Савчук, пригласи меня в кино.

— Че-го-о?..

— А что, слабо? Ножом размахивать смельчак, а с девушкой в кино сходить боишься?

— Это кто здесь девушка? — Савчук, как клоун, порывал глазами по комнате. — Я что-то не пойму.

— А вот посмотри. — Она протянула к нему ладони. — Видишь, какие у девушки зарубки на память? Савчук, между прочим, оставил.

— Ну, и оставил. — Он все же смутился. — Нечего лезть было, не бабье дело. А что не захотела сажать нас — сама виновата. Мы тебя не просили.

— А тебе очень посидеть охота?

— Очень не очень, а посмотреть можно, что там за житуха.

— Какие твои годы, еще посмотришь. Бери хоть сейчас нож и режь меня.

— Жить, что ли, надоело?

— Да чем жить рядом с такими подонками, лучше умереть.

— Ну, ты! — закричал Савчук. — Ты полегче на поворотах. Если больная, здесь не приемный покой. Здесь общага, и вали отсюда!

— Ладно, я пойду. Только ответь на один вопрос: мог ты ударить Алексея Ивановича?

— Какого еще Алексея Ивановича? У меня таких родственников не водится.

— Того мужчину, которого вы хотели ограбить. Мог пырнуть или нет?

— Много будешь знать, скоро состаришь-

фигура Савчука, смуглое его лицо с голубыми глазами, черные короткие, как у боксера, волосы и эта странная, наглая его ухмылка... Что тут правда? Что ложь?

Измучилась в эту ночь Женька изрядно, но так ничего и не поняла. Заснула только под утро.

В субботу Женька отпросилась у мастера Ивана Поликарповича с работы пораньше. Первый раз такое было, и мастер искренне удивился:

— Что это с тобой, Запятая? Никак, на свидание собралась?

И не знал мастер, насколько был близок к отгадке.

В город к ним приехали артисты Рижского драмтеатра, должны были ставить сегодня «Утиную охоту» Вампилова. Женька Братцева много читала, следила за литературными новинками и, конечно, была наслышана про Вампилова, про его пьесы. А тут — «Утиная охота»! Лучшая пьеса Вампилова.

Главный герой там — Зилон, разуверившийся во всем, ироничный, слабый, а в чем-то и страшный человек. Женька с большими трудами достала четыре билета на спектакль. Два билета — себе и Люсе Макаровой, а два — Савчуку и Полимерову.

— Савчуку и Полимерову? — вытаращила глаза Люся, когда услышала об этом от Женьки.

— Да, им. А что здесь такого? Не хочешь идти с нами — не иди. Я Марусю приглашу.

— Да я что, я ничего, — пожала плечами Люся, а про себя подумала: «Совсем Женька с ума сошла. С хулиганами в театр. Ну и ну!»

...Прождали они около театра целый час. Даже на первое действие опоздали из-за них.

— Да не придут они! — говорила Люся подрагивающим голосом. Осень давно перевалила за свою вторую половину, вечера стали холодные, промозглые. И девушки изрядно продрогли в легких кофтах.

— Придут, вот увидишь, придут, — уверяла Женька.

Отчего-то она верила в это. Она сама отвезла билеты в общежитие ПТУ, правда, ни Савчука, ни Полимерова в комнате не застала, билеты оставила у вахтерши Серафимы Остаповны, с которой успела поближе познакомиться. Серафима Остаповна посматривала на Женьку с материнской жалостливостью:

— Да плюнь ты на них, девка! Это такие архаровцы, что ты!

— Вот все на них плюют, оттого они и такие... Вы,

потенциального убийцу, приходится запрашивать саму столицу. Помнится, что это было в воскресенье, когда и министры отдыхают. Значит, в ближайшие два дня на ответ надежды не было. Начали гонять медведицу вертолетом. Через десять дней разрешение на отстрел поступило, но в нем уже не было нужды. Зверь к тому времени ушел в торопы...

— Теория заповедания еще, по сути дела, до конца не разработана. В ней пока много неясного и даже запутанного.— продолжает разговор Леонид Федорович.— И тут важно не забывать, какую большую роль в заповедном деле играет духовное начало. Замечаем мы это или нет, но пока охраняемую территорию мы рассматриваем в основном как материальный ресурс. Но ведь природа имеет для нас и культурно-историческую ценность, мы неизбежно придем к такому взгляду на нее. В частности, заповедники уже при их создании входят в этот пласт. Ему подчинена, например, даже такая приземленная категория, как цена. Почему, скажите, песец браконьеру обходится одинаково в заповеднике и вне его? Или срубленное дерево? Почему за лося надо уплатить 500 рублей, а не пять тысяч? А если потеряна последняя пара какого-нибудь вида животных, сколько нужно заплатить за нее?

Можно было бы изготовить совершенно точную копию золотого скифского гребня из Эрмитажа— техника это позволяет— и выставить ее в витрине. Разницы, казалось бы, нет, а музей от продажи подлинника еще и компенсировал бы часть своих расходов. Но это была бы нравственная потеря. Так и наш заповедник. Известно, что в год он обходится государству в миллион с лишним рублей. Известно, сколько в нем животных. Можно было бы суммировать их число и определить общую цену. А как быть с нравственной стороной дела? Ведь именно она вызвала к жизни такую форму охраны природы— она, а не материальные категории.

Сложными путями возвращаются люди к природе. А дорога ее к человеку еще трудней.

На том месте, где сейчас стоит село Ушаковское, когда-то была колония белых гу-

сей. Шестьдесят лет назад она перестала существовать, уцелевшие тогда птицы перелетели в глубь острова. Но каждой весной возвращающиеся из Калифорнии стаи снова и снова делают круг над селом, а потом садятся на его окрестности, словно снег выпал. И лишь убедившись в том, что место занято, гуси улетают дальше на север. Сколько поколений их сменилось за это время, а все помнят.

Птицы по осени улетают, а люди остаются, хотя природные условия здесь сверхсуровы. Вот лишь один штрих: безморозных дней на острове—43, отопительный сезон—365 дней в году.

Сейчас людям жить здесь, конечно, несравнимо легче, чем первым поселенцам. В домах тепло. Недавно заработало телевидение. В клубе каждый день кино. Есть библиотека, школа, поликлиника. В местном магазине в достатке все необходимое.

В конторе заповедника в коридоре стоит ящик с надписью: «Заявки на лед». Если вы опустите в него листочек со своей фамилией, то через несколько дней к вам домой машина доставит наколотые на недалекой речке льдины. Вы сложите их в бочку, стоящую в комнате, и когда они растают, в доме будет вода.

Жить стало легче, и все-таки тем, кто работает на острове Врангеля, трудно. Трудно переносить полярную ночь. К ее концу люди особенно устают, у многих появляется беспричинное раздражение. И каждая последующая ночь переносится тяжелее. Трудно привыкнуть к климатическим условиям. Давит сознание невозможности хотя бы на время поменять обстановку: все население острова—сто восемьдесят человек—сосредоточено в одном селе. Отсюда проблема замкнутого, изолированного коллектива. Она не нова, эта проблема. Присутствие ее отмечено на судах дальнего плавания, в

длительных экспедициях, в отдаленных поселках. Она изучается. Появляются научные рекомендации на этот счет. Но в каждом новом случае она обнаруживает свои нюансы. Вполне объяснимо поэтому, что к подбору кадров руководство заповедника относится крайне придирчиво и далеко не на все письма с просьбой о трудоустройстве дается положительный ответ.

...В Ушаковском мороз за тридцать. Под ногами поет на разные регистры снег. С южной стороны каждого дома лежит сугроб до крыши, с которого весело катаются дети. Все, как обычно.

Всего три месяца в году отведено острову Врангеля на авиацию— март, апрель и май. В июне сюда прилетают птицы, и на деятельность вертолетов сразу налагается запрет. Потом над проливом Лонга, отделяющим остров от Большой земли, надолго устанавливаются туманы. Потом наступает полярная ночь. И только после нее на эту белую землю вновь приходит радостный март.

Аэропорт села Ушаковское, носящий экзотическое имя Роджерс, в весенние дни напоминает скорее Домодедово или Бурже, чем заштатную площадку местных воздушных линий, каковой он является. То с вертолетной стоянки, расположенной у околицы села, то с взлетной полосы, размеченной прямо на льду бухты Роджерса (вот откуда название аэропорта), взлетают воздушные корабли. У них много работы.

С мыса Шмидта нужно завезти горючее, чтобы потом распределить его по экспедиционным стационарам, разбросанным по всей



**Остров
метелей**

территории острова. Научным группам должно хватить его на целый год.

В долине реки Неизвестной запланировано строительство нового домика. Материалы будут доставлены по воздуху.

Балок на плато Дрэм-Хед надо переставить на новое место. Это может сделать только «шестерка».

На пик Тундровый завозится оборудование.

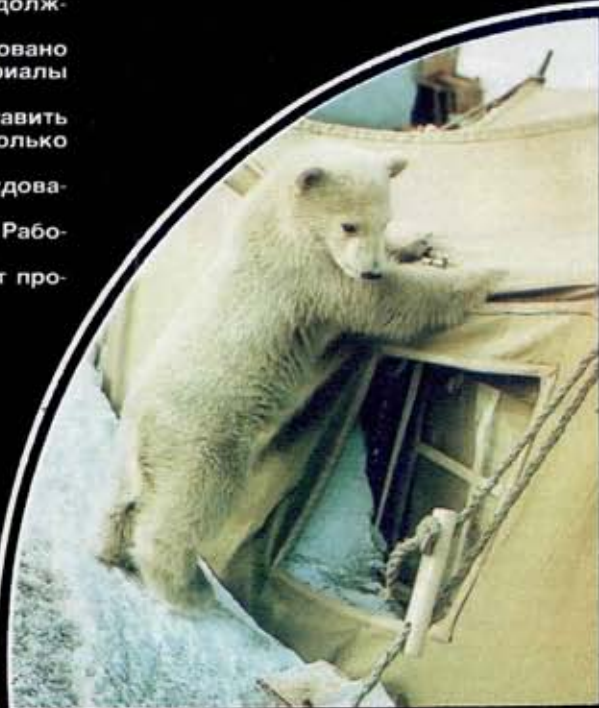
Геодезисты начали аэрофотосъемку. Работы нужно форсировать.

В поселке бухты Сомнительная ждут продукты.

Заказан спецрейс для народного ансамбля «Рырка».

В такие дни в аэропорту, которому расписание отводит всего один рейс в неделю, можно одновременно увидеть добрый десяток воздушных су-

СЕГОДНЯ ЗАПОВЕДНИК «ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ» ПРЕВРАТИЛСЯ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ. СОТРУДНИКИ КОТОРОГО В СОДРУЖЕСТВЕ СО МНОГИМИ НАУЧНЫМИ ЦЕНТРАМИ СТРАНЫ УГЛУБЛЕННО ИЗУЧАЮТ ЭТОТ УГОЛОК ЗЕМЛИ.



дов. А Павлу Захаровичу Гусаку, его начальнику, приходится откладывать выходные. ...Мы летим на остров Геральд. Он тоже входит в состав заповедника. Но там людей совершенно нет и никогда не было. Попасть

на Геральд можно только вертолетом и только весной.

С обоих бортов у иллюминаторов с блокнотами и фотоаппаратами устроились сотрудники заповедника. Идет просчет берлог. Занятие это непростое. При большой скорости и довольно солидной высоте можно и ошибиться, поэтому наблюдатели дублируют друг друга.

Я надеваю наушники. Шум двигателей уходит, и слышится речь. Это пилот-инструктор Валерий Васильевич Павленко говорит с командиром вертолета.

— Вот еще две берлоги, итого шестнадцать. И следы, да как много! Видел, медведица выглянула и снова спряталась? Да не бойся, мы тебя не тронем. А что это там? Подойди поближе. Нет, камни, камни. Какая видимость, какой прекрасный день!

А вот и ложбинка, на которой можно приземлиться. Машина делает заход, еще минута, двигатели глохнут, и мы ступаем на первобытно чистый снег.

И вдруг все видят, что к вертолету бежит медвежонок. Он выскочил из берлоги и галопом, не оглядываясь на заметавшуюся мать, мчит прямо к нам. Метрах в пятидесяти от вертолета малыш остановился, еще раз посмотрел на диковину, а потом развернулся и так же быстро побежал назад.

— Все в вертолет, — тихо сказал Павленко. — Улетаем.

Это был другой мир. И нам его беречь...

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

Закончены съемки многосерийной киноленты по роману Валентина Иванова. Завершен многолетний труд, в котором приняли участие ведущие актеры страны. Рассказываем о новом фильме и его создателях.

Приднепровье, лесостепная полоса, примыкающая к реке Рось,—места, где земледелие было известно за пять тысяч лет до рождения Киевской Руси. Где-то здесь много, много позже и начиналась Русь. Связанные общностью быта, речи и культуры, вынужденные обороняться против разбойничьих набегов, приднепровские славяне осознали необходимость действовать сообща. Так закладывались основы Киевского государства, что и датируется VI веком, временем основания деревянного Киева.

Фильм «Русь изначальная», снятый на киностудии имени М. Горького режиссером Геннадием Васильевым, подтверждает, что традиции русской культуры, русской военной науки появились задолго до VI века. На Руси была и письменность за несколько сот лет до крещения. Это уже позже к нам пришла общеславянская грамота, созданная великими просветителями IX века Кириллом и Мефодием.

Людам необходимо время от времени вглядываться в свое прошлое. Необходимо спрашивать себя: кто мы, откуда мы? Почему мы такие? В чем истоки мудрой, неизбежно доброй силы русского народа? Что так мощно способствовало на протяжении веков становлению и утверждению широты и души и терпению россиян, их вере в будущее, умению еще в далеком прошлом, несмотря на все тяготы, испытания и бедствия, хранить свою самобытность, красоту и силу?

Рано или поздно такие вопросы встают перед каждым. Ответ может дать героическая история нашей земли: она помогает людям постигнуть непреходящую связь поколений, осознать самих себя, стать опорой на жизненный путь.

Потому так важно сегодня появление фильма, в котором его авторы воссоздают образы наших предков такими, какими они были в то время, рисуют портреты умных работников, честных и незлобивых воинов, никогда не теряющих силы духа, стойких в беде и дружелюбных к другим племенам и народам.

Один из главных героев картины «Русь изначальная» — молодой воин Ратибор, обладающий этими качествами. Немало испытаний выпало на его долю. Ему суждена встреча с красавицей хазаринкой, которая гибнет от стрелы своих соплеменников на руках Ратибора. Но память о первой, несбывшейся любви еще долго будет жить в сознании славянина. Будет томиться невеста Ратибора Млава, отвергнутая им. Будет страдать его мать, гордая и сильная Анея, пока разговор с воеводой Всеславом не вернет Ратибора к жизни. И тогда русичи сыграют свадьбу Ратибора и Млавы, начнется жизнь молодой семьи, которую обурют бурные драматические события в жизни славян.

Русичи живут, постоянно отражая набеги своих воинственных соседей — хазар. Есть у них и другой, коварный и опасный враг — византийский император Юстиниан. По мере развития фильма в его ткань все активнее вплетаются эпизоды, связанные с политическим курсом Византии, пытавшейся превратить славян в своих подданных. Сложен, многопланов образ Юстиниана. Перед нами личность неординарная, наделенная гибким, изворотливым умом, недюжинной волей, сильным характером. Все это подчинено главной идее, владеющей сознанием Юстиниана, — идее мирового господства.

Юстиниан призывает к себе хазарских ханов, дает им оружие и золото, чтобы они напали на славян. В ответ собираются на бой славянские дружины. Впечатляюще решены в картине драматические эпизоды штурма славянского града. Хазары прорываются в град, убивают мирных жителей.

Войско Ратибора разбивает хазар, казнен взятый в плен хан-предводитель. Но отныне мужественные россы становятся опасной угрозой для Византии, тем более, что в самой империи только что жестоко подавлено вспыхнувшее народное восстание. Доверенное лицо императора привозит Всеславу дорогие подарки от Юстиниана, склоняя его вступить в войнство империи. Всеслав решительно отказыва-

ется, и тогда посол Юстиниана тайно всыпает яд в кубок воеводы. Подымаются русские отряды, чтобы отомстить за смерть Всеслава, идут к крепости Топер, что стоит на границе Византии и славянских племен. Теперь во главе войска Ратибор. И рушатся крепостные стены под славянскими мечами. Капитулирует перед русскими войско, которое привел знаменитый византийский военачальник Велизарий. Опыт подсказал Велизарию: славяне умрут, но не отступят. Империя вынуждена склонить голову перед отважным противником...

Выпускник Высших режиссерских курсов, Геннадий Васильев занимался там в мастерской Георгия Данелия и дебютировал в кино постановкой русской народной сказки «Финист — ясный сокол». Еще одна лента Васильева — «Василий Буслав» — будет представлять советскую кинематографию на VII кинофестивале нашего кино во Франции. От фольклора путь Васильева лежит к русской истории. Картина «Русь изначальная» обращена прежде всего к молодым зрителям.

— Снимая этот фильм, — рассказывает режиссер, — я, честно говоря, заранее представлял себе удивленные глаза некоторых девушек и юношей: как, неужели наши предки уже тогда, в VI веке, умели читать, писать, считать? Умели так заботиться о земле, дающей им хлеб? Умели жить так дружелюбно, понимая необходимость единения перед лицом врагов? Но ведь так оно было. Ученые имеют множество подтверждений этому. Однако их открытия не всегда становятся достоянием широких масс. Кинематограф же способен рассказать десяткам миллионов людей о прошлых веках зримо и конкретно. А молодежи непременно должна знать свои истоки. Вместе со знанием истории родной земли растет внутреннее достоинство человека, народа. Это очень существенный социальный и психологический момент в воспитании и духовном становлении молодого поколения. Так сможет оно осознать высокие понятия — **Родина, патриотизм**, — уже в юном возрасте, понять и принять духовную мощь своего народа, его традиции и вековую мудрость. Забвение же прошлого — и счастливого, и горького — своей земли печально сказывается на настоящем и будущем. Мы обязаны сохранить все то, что прошло через души наших предков, чтобы не утратить высокие нравственные критерии и такие извечно благородные понятия, как **любовь, красота, материнство**. Историческая картина имеет право на существование лишь в том случае, если способна всерьез, глубоко взволновать сегодняшнего зрителя, впрямую соприкоснуться с тревогами и надеждами нынешнего мира...

Ратибора в фильме играет молодой артист Владимир Антоник. В роли Всеслава снимался Борис Невзоров, которого зрители успели узнать и полюбить по телевизионному сериалу «Россия молодая». Невесту и жену Ратибора Млаву играет молодая ленинградская актриса Елена Кондулайнен, мать Ратибора Анею — известная актриса Людмила Чурсина. Яркие выступили в картине Иннокентий Смоктуновский — император Юстиниан и Маргарита Терехова — императрица Феодора.

Какой могла быть музыка в VI веке? Нот и записей не осталось. Неизвестно, какими были музыкальные инструменты, неизвестно, что пели, как пели. Алексей Рыбников написал музыку, раскрывающую глубинную суть многих таинственных, нежных и суровых, жестких и яростных языческих ритуалов древних славян. Однако музыка Рыбникова при всей ее этнографичности, видимо, покажется близкой современному зрителю.

Автор романа «Русь изначальная», по мотивам которого снята картина, Валентин Дмитриевич Иванов писал в своем дневнике: «Прошлое, сплетенное из многих нитей существований, намерений, дел народа, как бесконечный канат, никогда не разрывалось. Не было и не может быть так, чтобы предки наши все разом бросали, все рвали и начинали новое. Сегодняшнее сплетено из вчерашнего, а завтра мы все плетем из сегодняшнего». Эти слова писателя могли бы стать эпиграфом к фильму.

Эльга ЛЫНДИНА



КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА «РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ»

АЧЫТАЎША

Накануне премьеры фильма «Смена» знакомит своих читателей с выдержками из дневников и писем Валентина Иванова, раскрывающими духовный мир писателя, нравственные истоки его творчества.

Счастливой писательской судьбой отмечено творчество Валентина Дмитриевича Иванова. Нет, его произведения не удостаивались высоких литературных премий, и имя его не часто упоминает критика. Но счастливая судьба писателя — это жизнь книг, созданных им и оставленных людям. Валентина Дмитриевича уже нет, а его книги живут своей большой независимой жизнью, утверждая себя и защищаясь собственной силой Прекрасного. Их постоянно переиздают, с каждым новым изданием увеличивая тиражи — двести, триста, восемьсот тысяч: так велик к ним интерес. Валентина Дмитриевича нет, а на его имя в издательства все идут и идут письма; в них благодарность, удивление, желание все знать о нем... Он не любил говорить о себе. Он искренне считал, что биография писателя — его книги. Пусть это так в главном: «душа творца в его твореньях», — и все же всегда хочется знать о создателе книг больше, чем могут это открыть сами произведения, знать, как начиналось все именно у него.

Приход Валентина Дмитриевича в литературу был не совсем обычным. Ни в юности, ни в более поздние годы он не помышлял о писательстве. Произошло это как-то неожиданно, само собой: случайный очерк в журнале, первая книга, «Энергия подвластна нам», в сорок девять лет, затем — «По следу», «Возвращение Ибадуллы». Начиная с 1955 года выходят основные его произведения: «Повести древних лет», «Русь изначальная», «Русь Великая», которые и поставили его в ряд серьезных исторических писателей.

В своих исторических романах он никого не повторял, шел нехоженными тропами. Он брал для изображения малоизученные, но решающие в жизни нашего народа вехи, к которым никто из писателей еще не прикасался, — VI век, IX, XI... Он не боялся отступить от устоявшихся взглядов на то или иное явление. Отставал право писать по-своему. Для этого нужен был именно незаурядный дар художника-мыслителя, нужно было определенное мужество. Все это у него было.

Почему вдруг от современной прозы, где все для него складывалось благополучно, он обратился к жанру исторического романа? Конечно, произошло это не случайно. Внутренне он был готов к многосложному труду писателя-историка. Он превосходно знал всемирную историю, следил за многими науками: этнографией, теорией эволюции, археологией, философией — круг интересов его был необъятен, он был человеком энциклопедических знаний. Но главное — он самозабвенно и осознанно любил свою землю, славную прародину Древнюю Русь и хотел сказать о ней слово Правды, защитить далекое прошлое от поспешных суждений и забвения.

Друзья Валентина Дмитриевича угадывают во многих героях его книг, в их размышлениях и движениях души черты его самого. Когда в «Руси изначальной» он рассказывает о россиче, он говорит и о себе: «Россич всегда хотел невозможного. Вечно голодный душой, он жил стремленьем... Россича всегда жалит сомненье. Как бы не занесся он, наедине с собой знает: нет в тебе совершенства, нет, нет. И не умея восхититься собой, ищет высокого вне себя и свое счастье находит в общем».

Как древний россич, он язычески поклонялся природе. Естественным было видеть его одиноким на берегу моря, в чудом сохранившихся еще кое-где пустынных местах; или ночью у лесного озера, ожидающим рассвета; в степи, в горах, возле таинственных дольменов — древних жертвенников, поставленных, по преданию, племенами, пришедшими из Индии и поклонявшимися Солнцу.

Он жил скромно и строго, мог обходиться в быту малым, умел все делать своими руками. Презирал накопительство и просто, легко умел помогать, когда нужна была его помощь.

Публикуемые сегодня письма и этюды приоткрывают духовный мир писателя, круг его забот и интересов.

...Я всегда любил древних писателей, которые по силе интеллекта и художественному дару могут поспорить с большинством современных. В некрологах киевских князей, включенных в летописи, постоянно, наряду с описанием внешности и деловых качеств, встречается замечание: был книголюб, любил чтение книг... Константин, один из сыновей Юрия Долгорукого, оставил по завещанию библиотеку, в которой «одних греческих книг было свыше тысячи». Сколько же было других, и особенно русских? Но книги те существовали в одном, двух, трех экземплярах. Причем Константин отнюдь не рисует в летописи как исключение. Читали много и охотно, на нескольких языках — своем, греческом, латинском, болгарском. Говорили на еще большем числе языков. Учась с голоса по преимуществу — по старой русской способности к языкам, — выучивались легко, быстро. Автор «Слова о полку» был один из очень многих. Но все легко исчезало. Соль в том, что произведения греков и римлян были рассеяны по обширной территории, застроенной в большой мере каменными или каркасными, но оштукатуренными домами, с каменными погребями. И то сохранилась лишь часть. Пример: император Тацит повелел, чтобы во всех библиотеках империи хранилось по десять экземпляров трудов его знаменитого предка. До нас дошла лишь часть книг Тацита...

...Я убежден, что произведений, подобных «Слову о полку Игореве», и еще лучших произведений было много, сотни, сотни. В те годы не только у князей собирались библиотеки в тысячи томов. Греческие, латинские в подлинниках и переводах и много русских произведений. «Слово» сохранилось не потому, что оно было лучшим, но случайно. По художественной своей значимости оно было одним из многих, никак не больше. Повторяю — «Слово», случайно дошедшее до нас, не было чудом, не было этаким «гостем из космоса». Лирика тех лет исчезла совсем. Здесь надобен метод, применявшийся в палеонтологии: по зубу, куску челюсти и обломку берцовой кости восстанавливают некое животное: питекантропа, синантропа и кучу других. От древнейших акул были найдены только зубы, по которым, однако, точно исчислены все размеры акул. Но у естественников есть методы, теория доказательств, у них наука. У словесников нет подобной науки. Естественник, найдя кость, доказывает, что был вид, подвид, семейство и прочее, ибо для него одна кость свидетельствует о существовании массы животных, имевших предшественников, современников, потомков. Словесники же способны считать, что «Слово» было одно, без литературной среды, без общества, без предшественников, без продолжателей, что оно, «Слово», подобно одному растению, выросшему из одного зерна, упавшего из пространства, давшего один плод и после того умершего.

Могу добавить из виденного: многие произведения XIX века, начала XX и наших дней либо совсем исчезли, либо уже сегодня сохранились как уникалы, в одном экземпляре.

...«Слово» написано вольным, но и ритмичным размером. В нем — медленный и тяжкий по силе своей топот народа, который ИДЕТ.

...Обстоятельства работы забрасывали меня в глухие места. Там я учился понимать, что личности, яркие быстротой ума, широтой взглядов, волей, тонкостью чувств, благородством, на которых можно полагаться, как на каменную стену, рождаются и живут в среде безграмотной. А среди людей, едва умеющих подписать свое имя, есть обладатели богатейшего языка, владеющие подлинно художественной речью, с громадным запасом слов. С другой стороны, образование самое «высшее», вполне современное, не делает глупца умным, а прохвоста — порядочным человеком.

...Какую же силу имеет «Слово», а? Помните, у Пушкина в «Борисе» Пимен чем занимается? Безвестный, ничтожный в счете рангов житейских, — он ведь царям приговоры выносит! Думает же, что записывает лишь виденное да слышанное.

...Художнику «высота» необходима, высота понимания и обозрения, которую он сам находит вне зависимости от того, солдат его герой или, к примеру, генерал... Внутренняя свобода нужна художнику. Эк просто пишется слово. А ведь свобода есть величайшая проблема, с которой люди возились и будут возиться. А мы с вами вроде ищем рецептов искусства. Да ведь даже живописца учат не создавать, не творить, а пользоваться красками да кистями. А писателя учат сначала в школе палочкам, потом буквам, потом слогам да словам, а как он научится грамоте, вот и все. А далее, будешь ли ты писать доклады и отчеты с деловыми письмами либо стихи да романы, — дело твоё.

Главное — во внутренней свободе. Про это хорошо сказал Л. Толстой: «Прежде чем сесть за роман, писатель должен знать, где добро и где зло». Понять это просто, но не с ложных высот школьной философии; пишущий обязан верить в правду того, что пишет, и писать по совести, тогда у него есть надежда на успех. А коль засадить себе в голову хитренький расчет плюс неотстанные мысли о редакторах и критиках, получится нечто заурядное, которое, сколько ни славили бы за «правильность» критики, будет читаться лишь потому, что у нас есть миллионы двадцать людей, для коих чтение есть естественная потребность.

...Чтобы выразить себя, иначе говоря, чтобы создать произведение художественное, надобно, во-первых, во-вторых, в-третьих, быть до конца самим собой. При всей множественности пишущих их, мучеников пера, в сущности, не много. Чтобы предпринять труд необычный, не повседневный, никем не заданный в порядке службы, чтобы найти время, много времени и, наконец, чтобы не разочароваться и повторить попытку, нужны воля и внутренний жар. Нужно увлечение. Характер увлечений определяется призванием.

Начинающему писателю необходимо пробиться не через засеки редакционных безразличий, а проклюнуть самоличную скорлупу.

Писать так себе, просто, между прочим становится все труднее. Уж слишком густо заселился мир. Трудно подобрать заглавие, так много заглавий. Трудно найти нетронутую тему. И очень, очень трудно прорубить незримо давящий всех нас и каждодневно разрастающийся лес штампов. Уже нельзя пользоваться ни одним словосочетанием, примером, синонимом, ассоциациями классиков: хуже, чем плагиат, они навязли в зубах читателей, и те бросают за окно книги-фальсификации.

Ибсеновский Фальк утверждает право поэта воспевать любовь, хотя «...любовь стара, как чай. А чай китаец пил, когда был жив еще Мафусаил...». Да, но извольте спеть свою песню о любви! Иначе получится трагичное «вне игры» иных наших поэтов — их не читают. А если и читают, то упрекают: не Пушкин, не Лермонтов... Однако А. Блок не слышал таких упреков, хотя и был Блок действительно не Пушкин. Он был самим собой! Вот где секрет творчества и жизни в творчестве!

Всех нас, коль мы сами, а не тряпично-костюмерная личина, и встретят, и полюбят, и будут любить, не попрекая отсутствием сходства с Аполлонами, Афродитами или с более близкими богами.

...На Востоке есть поговорка, что, дабы хорошо что-либо знать, нужно сперва выучить, а потом забыть.

Это хорошо в применении и к литераторам. Прекрасное, точное выражение. Знание, сросшееся с личностью; разум, тренированный, как пальцы виртуоза-пианиста; повествовать, как птица поет, жить в искусстве.

Но ведь это идеал, возразят мне. Это недостижимо ни для кого! Конечно. Но ведь меня или НН и не собираются мерить подобным эталоном. Нам, рядовым, нужна крупица, нужна одна блестящая, но добытая из копи глубокой, настоящей копи. Читатель стремится к настоящему слову. Наше право учиться у мастеров всех времен и племен. Учиться делать, не

Ринат ДАСАЕВ,
капитан сборной команды СССР
по футболу

ФУТБОЛЬНЫЙ КЛУБ
Выпуск 10-й
Надежда

М

ы едем на игру.

Позади осталась уютная Тарасовка, размашистые пейзажи Подмосквы, два десятка километров Ярославского шоссе. И вот Москва. Автобус втискивается в вязкий бурлящий поток машин, растянувшийся от самой кольцевой дороги до Рижского вокзала, а затем поворачивает к Марьиной роще.

Один светофор, второй. Мы знаем, что непременно приедем вовремя—ровно за час до начала, опоздание исключено. И все равно минуты ожидания матча заставляют напрягаться.

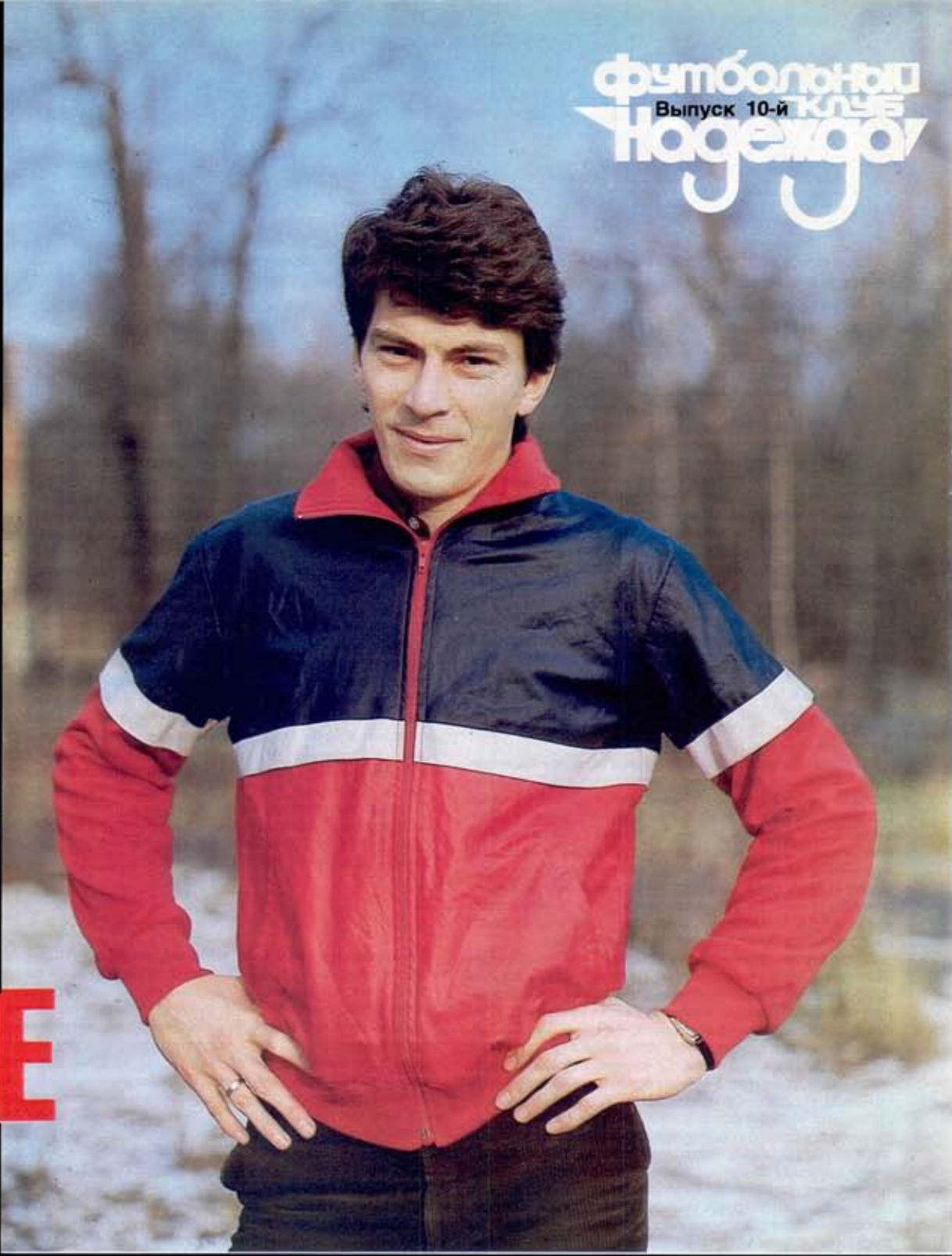
Невозмутим только наш шофер—на лице ни тени волнения. Лишь иногда он недовольно морщится и что-то бормочет, реагируя на неожиданные маневры лихачей.

Наконец проскакиваем Беговую, спускаемся к Москве-реке и по набережной, уже без остановок, под приветствия знакомых инспекторов ГАИ (большинство из них, конечно, симпатизируют динамовцам, но это не мешает им с уважением относиться к «Спартаку») мчимся к стадиону.

Мне рассказывали, что раньше, года до шестидесят второго, спартаковцы добирались на игру иначе. Сначала от Тарасовки до Москвы на электричке. Затем у Ярославского вокзала пересаживались в ожидавший их опрятный «ЛиАЗ», который и доставлял команду на стадион. Болельщикам такой способ передвижения их любимцев был чрезвычайно при-

САМЫЕ СТРОГИЕ СУДЬИ

Вратарь московского «Спартака» и сборной СССР Ринат Дасаев четыре раза признавался лучшим вратарем страны. В отборочных матчах чемпионата мира он возглавлял сборную, выходя на поле с капитанской повязкой. В июне в Мексике на чемпионате мира по футболу он тоже пойдет первым в строю как капитан нашей команды, которая вступит в борьбу за Кубок мира. И в нелегком для сборной минувшем сезоне, когда и его родной клуб вел борьбу за звание чемпиона СССР и выступал в европейском турнире, Дасаев продолжал работать над книгой, главы из которой начинает публиковать «Смена».



ятен. Он давал им возможность сесть в один вагон со своими кумирами Игорем Нетто, Анатолием Масленкиным, Валентином Ивакиным, Анатолием Крутиковым, Юрием Севидовым, Галимзяном Хусаиновым, Анатолием Исаевым, Валерием Рейнгольдом и наблюдать за ними в течение тридцати с лишним минут следования до конечной станции.

На перроне Ярославского вокзала происходило грустное для одних и незаметное для других расставание. Болельщики устремлялись в метро, футболисты спешили к чистенькому «ЛиАЗу».

Теперь все по-иному. Мы выходим из трехэтажного современного здания базы, построенного рядом с деревянным, уже чуть покосившимся от старости домиком, где в те далекие времена жило легендарное поколение спартаковских асов, садимся в мощный, дышащий громадными механическими легкими «Икарус» и по уже описанному маршруту мчимся на игру.

В футболе, как и в жизни, время от времени все меняется.

Не меняются только болельщики. Я не знаю, кто первым окрестил людей, отдающих свою любовь тому или иному виду спорта, болельщиками. Но то, что выбрано определение очень точное, нет сомнений.

Легендарный Пеле в своем последнем интервью, данном в окружении многочисленных репортеров и неизвестно как прорвавшихся прямо на поле поклонников, сдерживая рыдания, сказал, обращаясь к трибунам: «Я благодарю вас всех, без которых не было бы Пеле. Футбол без зрителя мертв!»

В этих словах бразильца дань уважения и признательности тем, для кого он играл, кто, вдохновляя его творить футбольные чудеса, восхищался им. Это они провозгласили его «королем футбола». Они подняли его на трон, воздав должное фантастическому мастерству и таланту.

Играть для зрителя—одно из непреложных для нас требований. Забывший о нем (один ли это футболист или целая команда) рано или поздно будет наказан. И самым суровым приговором станет молчание пустых трибун.

Последние несколько сезонов в таблице посещаемости матчей первенства, регулярно публикуемой еженедельником «Футбол—хоккей», столичные армейцы постоянно оказывались среди тех, кто занимал места в нижней ее части. И дело здесь не только в их турнирных показателях, которыми они, кстати, не блистали, хотя и это определяет число зрителей.

Просто футболисты столь уважаемого, правда, теперь уже скорее больше по традиции, клуба не играли в чемпионате, а, попросту говоря, участвовали в нем. Моментами они боролись, старались, но того, что ждет от них болельщик,—игры с ее неожиданными ходами, хитрыми комбинациями, красивыми, запоминающимися голами,—не было. Отсюда и многочисленные «белые пятна» на трибунах во время матчей с участием ЦСКА.

Мне могут возразить: мол, что это за болельщик, который отворачивается от своей команды в трудную минуту? Стоит ли такового считать истинным?

Действительно, настоящим, преданным клубу болельщиком можно считать лишь того, кто с ним

вместе и в минуты радости, и в моменты неудач. Но сколько же, скажите на милость, можно испытывать терпение своих почитателей? В начале каждого очередного сезона обещать им перемены в игре и турнирной судьбе команды, а затем не выполнять обещаний? Многие из нынешних поклонников ЦСКА еще помнят и рассказывают о знаменитых рывках Григория Федотова, таранных проходах Всеволода Боброва, полной огня игре Валентина Николаева, Владимира Демина, Анатолия Башашкина, прекрасных футболистов клуба более позднего поколения — Альберта Шестернева, Николая Манюшина, Валентина Афонина, Владимира Федотова... И дежурные объяснения о постоянной недоукомплектованности состава, о потере армейского духа, о бесконечных травмах только повергали в уныние. Правда, кое-кто из болельщиков этой команды продолжал приходить на стадион: одни — в надежде на чудо, другие — просто по инерции. Вот из таких и складывались скромные цифры в таблице посещаемости.

Вообще же болельщик может многое. Это я понял в год своего прихода в «Спартак», который отчаянно боролся за возвращение в высшую лигу. И сразу же почувствовал, что зритель не стал сводить счёты с командой, еще недавно так огорчившей его. Конечно, ему было непривычно и грустно видеть среди ее соперников не киевское «Динамо» или московское «Торпедо», а кемеровский «Кузбасс» или душанбинский «Памир». Но он упрямо шел на стадион, веря в грядущие перемены.

Эту веру футболисты всеми силами стремились подкреплять игрой. И трудно предположить, что произошло бы, если бы «Спартак», вдруг забыв о ней, начал заниматься только добыванием очков с применением всех существующих для этого средств. К счастью, он двинулся по иному пути — пусть более рискованному, но ведущему к сердцам тех, кто не терял веры в клуб, попавший в беду.

Я был тогда зеленым новичком. Не знал, удержусь ли в команде, но тепло сердец болельщиков, внимание доставались и мне. В Тарасовке, где я жил в то время, порой появлялись некоторые из них. И, случалось, совсем незнакомые люди подходили ко мне после тренировок, интересовались, как идут дела, спрашивали, не надо ли чем-нибудь помочь.

Завоевать расположение, доверие зрителя непросто. И удается это не сразу и не всем. Мастерства здесь бывает недостаточно. Необходимы еще колоссальная воля, терпение. Очень важно на первых порах сохранять самообладание.

Один-другой не слишком удачный выход дебютанта на поле может сразу же осложнить его будущие взаимоотношения со зрителем. Особенно если дела команды, за которую он выступает, идут неважно. Тогда каждое последующее появление новичка в составе будет вызывать раздражение трибун: мол, «и так с очками небогато, а тут еще этого недоучку эксперимента ради выпускают...».

Вряд ли даже среди самых авторитетных болельщиков найдется такой, который бы стал утверждать, что нападающий донецкого «Шахтера» Виктор Грачев — футболист неинтересный, лишенный таланта. А ведь было время, когда подобное мнение бытовало и высказывалось без колебаний. Сложилось оно во время пребывания Виктора в московском «Торпедо», куда он был приглашен несколько лет назад из Ашхабада.

Не очень выразительный дебют в нелегкое для команды время сразу же обрек его на положение дублера. И хотя в дубле он себя не шадил, в основном составе появлялся лишь от случая к случаю. Да и то в моменты, когда матч складывался не в пользу торпедовцев. А в обстановке, когда надо переломить его ход, когда от тебя лихорадочно ждут гола, проявить себя еще труднее: спешить, нервничать, ошибаться. И как следствие — леденящий свист трибун.

Грачев ушел из «Торпедо» в «Шахтер», куда его отпустили с легким сердцем и тренеры, и московские болельщики. А там, как иногда говорят, «на одном самолюбии» сделал себе имя, отблагодарив тех, кто поверил в него.

В сезоне восемьдесят второго года «Спартак» нуждался в остром, смелом нападающем. И Грачева пригласили к нам. Мне лично, как и многим в команде, импонировало его постоянное стремление сыграть неожиданно для соперника. Обладая серией им же изобретенных финтов, Виктор мог по ходу обыграть нескольких защитников противника, успевал в последний момент нанести коварный удар.

Весной игра у него не слишком получалась — к нашей, спартаковской, основанной на постоянном взаимодействии друг с другом он только привыкал. Но чувствовалось: в сезоне этот нападающий нам поможет. Правда, как выяснилось, характер у Виктора оказался не из легких: он трудно входил в контакт с ребятами, болезненно реагировал на любую критику, был вспыльчив. Но на поле, попав в такую родную ему стихию атаки, неукротимо шел вперед, забывая обо всем.

Наверное, спустя какое-то время он обжился бы в коллективе, стал бы в нем своим, как и многие другие,

кто приходил в «Спартак» из других клубов. Мы в это верили.

А вот московские болельщики почему-то нет. Они продолжали упорно помнить торпедовского Грачева, того, которому не доверяли, упрямо не замечали перемен, происшедших с ним за два года, и встречали каждое его появление в спартаковской майке с откровенным недоверием.

Сыграл за «Спартак» всего пять встреч и решив, видимо, не испытывать больше судьбу, Грачев возвратился в Донецк.

Уверен, что зрители были несправедливы, а моментами просто бестактны по отношению к нему. Впрочем, в этом они сами спустя некоторое время убедились, когда, опять заиграв в «Шахтере» легко, свободно, Виктор получил приглашение в олимпийскую сборную, где был в сезоне-83 вместе с другим форвардом, Валерием Газзаевым, заметной фигурой.

Теплым апрельским вечером восемьдесят четвертого года трибуны Лужников все-таки вернули ему свой долг, отмечая каждый проход Грачева к воротам олимпийской команды Венгрии взрывом аплодисментов.

Для тех, кто сидит на трибунах, порой совсем неважно, какую реакцию вызовет у футболистов их поведение. Они чаще всего уверены, что любое проявление радости или недовольства пойдет на пользу их любимцам и уж наверняка создаст определенные трудности команде соперников.

Таков болельщик, такова его природа. На поле же многое воспринимается иначе. И если, скажем, в адрес игрока, пославшего мяч из удобного положения мимо цели, звучит негодующая реплика «Мазила!», призванная, по мнению бросивших ее, срочно помочь «поправить прицел» футболисту, то это вовсе не означает, что он тут же перестанет ошибаться.

Скорее всего наоборот. Игрок, еще недостаточно уверенный в своих возможностях, не научившийся пока из промахов делать нужные выводы, не без помощи уже упомянутых крикунов начинает терять самообладание. А то и вовсе может надолго «заболеть» опасной футбольной болезнью, именуемой «боязнь ворот».

Год спустя после возвращения в высшую лигу в «Спартак» появился нападающий Саша Калашников из Новосибирска. Широкоплечий, с добрым, улыбочивым лицом, он сразу всем у нас понравился. Буквально на первой тренировке я почувствовал силу его ударов — даже плотные перчатки не уберегали от неприятных ощущений. Кроме того, новичка отличали такие ценные качества, как сила, напористость, смелость.

Калашникова стали пробовать в дубле на разных местах. Но, будучи собранным и точным на тренировках, он в игровой обстановке при взятии ворот допускал столько элементарных ошибок, что хоть руками разводи от удивления.

Конечно, это не понравилось болельщикам. «Этот любую комбинацию испортить может, любую атаку сорвать», — говорили они, комментируя очередное появление Калашникова в составе. Ну, а уж на свист и всякие прочие приемы, с помощью которых на трибунах обычно выражают свое недовольствие, зрители после каждого его промаха не скупились.

Естественно, Александр понимал, что только забитыми мячами может заставить их изменить свое мнение. А потому на поле буквально лез из кожи. Это чрезмерное старание породило новые ошибки, еще более нелепые, невероятные. Мы, как могли, успокаивали Сашу, советовали не обращать внимания на болельщиков, старались после его очередного неточного удара делать вид, что ничего страшного не произошло. Но, увы, помогало это мало.

Я искренне сочувствовал Саше: кому, как не вратарю, знать, насколько важно завоевать ее расположение и доверие.

Впрочем, настроение у трибун, увы, не всегда постоянно и бывает переменчивым даже по отношению к людям со славным футбольным именем.

К огромному сожалению, мне так и не пришлось увидеть на поле Льва Ивановича Яшина. Нет, конечно, старую хронику смотреть доводилось. Но чтобы самому, с трибуны, попытаться понять, в чем же секрет яшинской, такой простой и в то же время надежной игры, не довелось.

Время разделило нас.

Я только присматривался к футболу, а он уже расставался с ним. И лишь много позднее я узнал, как нелегко, даже адски трудно становился он ЯШИНЫМ. Как моментами несправедлива и безжалостна была к нему публика.

Уже став первым из первых, вратарь московского «Динамо» и сборной не очень удачно сыграл на мировом чемпионате в Чили, откуда наши вопреки ожиданиям возвратились раньше времени. И хотя (опять же по рассказам людей знающих, авторитетных) повинен в этом вратарь не был, болельщики вновь поторопились с выводами, признав Яшина единственным и главным виновником той неудачи.

Того самого ЯШИНА, которого знал и уважал весь

мир, считавшегося не просто великим голкипером, но и уникальным мастером.

Я слышал, что по возвращении из Чили каждое появление Льва Ивановича в воротах своего клуба, каждый незначительный промах, пустяковая ошибка вызывали недовольство и свист трибун «Динамо» и Лужников, еще недавно буквально боготворивших его. «Отдыхай! На пенсию!» — не стесняясь, кричали они человеку, верой и правдой прослужившему футболу ровно половину своей жизни, великолепно, до тонкостей знающему вратарское дело...

Яшин не ушел на пенсию.

Он просто не мог этого сделать в такой ситуации: не в его характере. Не знаю, как удалось Льву Ивановичу пережить это, каких сил стоило вновь обрести привычную уверенность, спокойствие. Но после мирового первенства в Англии (третьего по счету в его биографии) специалисты, немало повадавшие на своем веку, маститые обозреватели в один голос заявили, что игра Яшина была на чемпионате одной из самых ярких.

Спустя несколько лет его провожали в Лужниках торжественно, празднично. На прощальный матч прибили знаменитости с мировым именем — уругваец Мазуркевич, итальянец Факкетти, югослав Джачич, англичанин Чарльтон, венгр Месэй...

Уходил великий вратарь.

Мне говорили, что, когда Яшина на руках несли по полю, трибуны стоя аплодировали ему, наверное, понимая, что второго Яшина им уже никогда не увидят. Не знаю, о чем думал он в те грустные минуты. Но убежден: наверняка не о том, что был период, когда вот эти самые трибуны так несправедливо отнеслись к нему. Сильные люди всегда находят в себе мужество быть снисходительными.

...Яшин, Грачев, Калашников — игроки разных поколений, разного уровня, непохожие по характеру, каждый со своей футбольной судьбой. Рассказал я о том, как нелегко временами она у них складывалась, не случайно. Ведь многих трудностей в ней можно было избежать, не оказавшись столь скорыми на выводы трибуны. Говорю об этом, чтобы еще раз подчеркнуть, как многое в настроении футболиста и на поле, и в жизни зависит от тех, для кого он играет.

От наших самых строгих судей — болельщиков.

Футбольный болельщик своеобразен. Он непохож, допустим, на шахматного — внешне спокойного, задумчивого — или на хоккейного — импульсивного, нетерпеливого, постоянно жаждущего острых ощущений.

И смотрит он игру по-разному. Для одного нет ничего превыше результата. «Очки любой ценой!» — вот его главный девиз. Для другого гораздо важнее, как они добыты, в какой борьбе. Даже после победы любимой команды, если ее игра оказалась неинтересной, лишенной выдумки, настроения, он может уйти со стадиона огорченным. И, напротив, многое может простить в случае неудачи, если его любимцы горели на поле огнем, жили игрой.

Вот такие мне особенно симпатичны. С ними приятно общаться, они обстоятельны в разговорах, объективны в оценках, никогда не спешат с выводами. Наконец, от них веет доброжелательностью.

Другая же категория, наоборот, стремится навязать свое мнение и отстаивает его даже вопреки элементарной логике, споря до хрипоты там, где истина очевидна. Причем чаще всего они слышат в споре лишь себя.

Однажды совершенно случайно мне довелось оказаться свидетелем довольно острого обсуждения моей игры. В сезоне восемьдесят четвертого года «Спартак» завершил первый круг в лидере, и все в один голос прочили ему титул чемпиона. Но второй круг мы начали неважно: травмы, посыпавшиеся одна за другой, заставляли все время что-то перестраивать в составе, менять в игре, сразу же потерявшей из-за этого недавнюю мощь.

Появилась нервозность и у нас, и у болельщиков. Тем более что основные конкуренты в борьбе за «золото» — «Зенит» и «Торпедо» — уверенно набирали очки. Во втором круге в Лужниках мы принимали оказавшийся довольно неудобным для «Спартка» соперником вильнюсский «Жальгирис». В первые пять минут упустили два голевых момента, а на шестой... забили нам: Иванаскус справа под острым углом ворвался в штрафную и, не раздумывая, пробил в ближний от себя угол. Я же был уверен, что полузащитник «Жальгириса», как обычно случается в подобных ситуациях, прострелит вдоль ворот, и начал смещаться к дальней штанге. Вот почему его удар застал меня врасплох.

Обсуждение этого гола заядлыми болельщиками мне и довелось потом совершенно неожиданно услышать. Один, негодующе размахивая руками, утверждал, что если бы не первый пропущенный мяч, то «Спартак» ни за что бы не проиграл. И вообще вот из-за таких «пенек» Дасава команда потеряла игру, перестала набирать очки. Второй, более спокойный, хотя и не менее огорченный нашим поражением, пытался объяснить своему разгоряченному собеседнику, что у любого вратаря бывают спады, что если

результаты клуба зависят только от состояния его голкипера, то, значит, дело не только в нем одном.

Я не знаю, чем закончился этот бурный диалог, дожидаться его завершения просто не стал. Но, оказавшись невольным его свидетелем, еще раз понял, какие же разные люди те, для кого мы играем, как по-разному они видят и воспринимают футбол.

И еще почувствовал: из тех двоих болельщиков помогать на трибуне мне станет второй, потому что верит в того Дасаева, который уже успел доказать свое право на место в воротах «Спартака». Он будет со мной и в минуты радостных побед, и, что особенно ценно, в трудные моменты неудач.

Вот для таких мы и не щадим себя на поле ради победы, поскольку друзей, как известно, огорчать нельзя.

Да, футбольный зритель своеобразен. Сто тысяч непохожих друг на друга по характерам, привычкам, разным по возрасту, профессиям людей приходят на стадион, чтобы на полтора часа позабыть обо всем, кроме игры, окунуться в ее стихию. Вместе с любимой командой они штурмуют ворота соперника и помогают сдерживать его ответный натиск, ликуют, радуясь забитому голу, и огорчаются пропущенному.

Они тоже играют вместе с нами.

Очень часто характер болельщика совпадает с характером любимого клуба. К примеру, у одесситов он неунывающий, легкий, у тбилисцев — огненно-темпераментный, взрывной, а у вильнюсцев — сдержанный, обстоятельный.

Приглядитесь к игре «Черноморца», тбилисского «Динамо», «Жальгириса», и вы найдете в ней немало того, что свойственно на трибунах их почитателям.

Я много слышал о каком-то особом темпераменте бразильских зрителей. Но то, какова на самом деле эта громадная армия — «торсида», как она многолика, неповторима в проявлении страстей, убедился и почувствовал, когда оказался в самом пекле знаменитого гигантского стадиона «Маракана».

В июле восьмидесятого года наша сборная прибыла в Рио-де-Жанейро, чтобы встретиться с бразильской национальной командой. Газеты, радио, телевидение уделяли этому событию огромное внимание. С утра до вечера ведущие комментаторы рассказывали о предыдущих подобных матчах, их участниках. Особенно часто вспоминалась игра в Лужниках, когда бразильцам удалось обыграть нашу сборную во многом благодаря блиставшему тогда Пеле. Кстати, у «короля футбола» наперебой брали интервью и сейчас, интересуюсь его мнением по поводу исхода предстоящей встречи.

Словом, ажиотаж был страшный. О том, какое значение хозяева придавали матчу, говорит и такой факт: для победителя изготовили громадный — метровой величины — памятный кубок, который бразильцы очень надеялись оставить дома.

То была настоящая футбольная фиеста. Вначале на поле высияли отношения шустрые мальчишки в пестрой, разноцветной форме. Затем их сменили ветераны, среди которых были Диди, Феликс, а также другие «звезды» прошлого.

И лишь после этой красочной увертюры, до предела разгорячившей многотысячную аудиторию, настал наш черед. Мне удалось минут двадцать понаблюдать за встречей ветеранов. И то, как реагируют зрители на каждый момент, как не умолкают ни на мгновение, колотя в барабаны, размахивая трещотками и надрываясь трубами, аккомпанируя таким образом своим любимцам, поразило меня.

«Как же играть в этой ревущей стихии? — подумалось сразу. — Как подсказывать ребятам, подавать команды? Ведь не только они, но и я своего голоса не услышу...»

Это была первая для меня встреча с подобной аудиторией. А потому волнение мое легко объяснялось. Не скажу, что четыре года спустя обстановка на мировом первенстве в Испании или, скажем, в Хожуве в восьмидесяте третьем году, во время отборочного матча чемпионата Европы, была более спокойной. Но к тому времени я уже кое-что в футболе повидал. А тогда, на «Маракане», предстояло пройти первое серьезное испытание аудиторией, и не какой-нибудь, а бразильской.

Не берусь судить, насколько удалось его выдержать. В каких-то эпизодах действовал четко, в каких-то, особенно поначалу, когда только осваивался, не очень. Но довольно быстро я почувствовал, что на трибунах не оголтелые фанатики, никого не признающие и не видящие, кроме «своих», а люди, несмотря на излишнюю горячность, прекрасно разбирающиеся в футболе.

Это я понял, когда зрители аплодисментами откликнулись на несколько умных передач Шавло, острые и неожиданные рыбки Бессонова, стремительные подключения к атакам Чивадзе. Да и про меня они не забыли, когда я удачно среагировал на удары Зико и Сократеса.

Мы победили. Удрученные хозяева, поздравив нас с победой, побрели в раздевалку. А расстроенные болельщики не спешили покидать свои места, тем самым отдавая дань уважения команде, оказавшейся сегодня на поле сильнее...

К числу наших самых строгих судей я отношу и журналистов, пишущих о футболе.

За время знакомства со многими из них я убедился, что профессия эта совсем не проста, как почему-то кажется некоторым, и чрезвычайно необходима. Каждый отчет, каждое обозрение, комментарий, интервью — повод для размышлений, выводов, раздумий. Случается, правда, что не со всем прочитанным соглашаешься. Кое-что кажется спорным, моментами даже предвзятым. Но и в таких публикациях все равно находишь для себя что-то очень нужное, мимо чего до этого мог бы пройти.

В Испании среди громадного количества всевозможных публикаций местных газет мне особенно запомнилось интервью такого экспансивного во время матчей и, как правило, невозмутимо-спокойного по их окончании тренера итальянской сборной Энцо Беарзота. Отвечая на вопросы журналистов, уже будучи тренером команды-чемпиона, он заявил, что, хотя и считает недавнюю критику в свой адрес в печати поспешной и малообоснованной, тем не менее убежден: именно она создавала обстановку, рождавшую в нем постоянное стремление к поиску.

Взаимоотношения людей футбола и тех, кто пишет о нем, непросты. Помнится, один из наших уважаемых футбольных обозревателей как-то публично упрекнул динамовца Валерия Газзаева в стремлении картинным падением в штрафной соперника выпросить у арбитра одиннадцатиметровый. О чем и написал в отчете о матче. А после игры выяснилось, что в том моменте нападающий, сбитый защитником, получил серьезную травму, после чего надолго выбыл из строя.

Не спорю, с трибуны могло показаться, что форвард лишь изображает падение. — такое случается. Но ведь поинтересоваться потом, как все было на самом деле, проверить свои впечатления, которыми журналист явно поспешил затем поделиться с читателями, видимо, стоило.

Специалист, наверное, тем и должен отличаться от болельщика, что обязан знать намного больше. А потому к оценке игры каждого футболиста, команды в целом, ее результатов должен подходить без ненужных эмоций, руководствуясь только фактами. Поверьте, это во все не призыв к возможному оправданию на страницах тех или иных наших неудач. Просто четкая, грамотная информация не только помогает читателю быть в курсе футбольных дел и событий, но и мешает рождению всевозможных сплетен и небылиц.

К примеру, в отсутствие своего лидера популярный клуб терпит неожиданное поражение. Естественно, болельщик тут же начинает интересоваться, почему того не было в составе. И сразу же находят «знатоки», которые непременно удовлетворят любопытство, сообщив, что футболист не играл потому, что в пух и прах разругался с тренерами, подав заявление о переходе в другую команду. Или еще хлестче — вчера (они, мол, сами видели) гулял с друзьями в «Арагви». На самом же деле этот игрок просто заболел, а потому на поле и не вышел.

Вот об этом непременно и должны сообщать журналисты и комментаторы. И чем скорее, тем лучше. Иначе с помощью горе-знатоков рождается очередная сплетня, которая порой оказывается далеко не безобидной.

Ну, скажите, кому приятно слышать о себе всякие небылицы? Помню, года три-четыре назад кто-то распустил слух, что «вслед за своим другом Хидиятуллинным собирается перейти в ЦСКА Дасаев». Я просто не мог подходить дома к телефону. И лишь после того, как попросил знакомого журналиста под каким-нибудь предлогом сообщить в газете, что это, мягко говоря, неудачная шутка, болельщики успокоились.

Можно не всегда соглашаться с некоторыми замечаниями, выводами журналистов. Но чем чаще я встречаюсь с материалами по-настоящему знающих футбол, преданных ему людей, тем яснее ощущаю, насколько велика их любовь к своей профессии, как огромна преданность нашей игре.

...Мы на скорости проскакиваем сквозь приветливо распахнутые ворота Лужников. Еще метров шестьсот — семьсот по набережной, и, наконец, притормаживаем у служебного подъезда стадиона. Вокруг автобуса тут же смыкается кольцо болельщиков, которые, словно давние знакомые, приветливо улыбаются, машут руками, что-то кричат.

Вежливо отказываемся от протянутых ручек с блокнотами. Давать автографы перед игрой не принято — традиция. И спешим в раздевалку, откуда за пятнадцать минут до начала матча выйдем на разминку, окунемся в такой привычный и волнующий гул стадиона.

Чуть позже вместе с соперниками выстроимся в центре поля, повернемся лицом к трибунам, поприветствуем их.

А затем прозвучит свисток и начнется игра!

Записал Александр ЛЬВОВ.

Продолжение следует.

Андрей КАРАУЛОВ

В это трудно поверить. Но это было именно так. Рано утром раздался телефонный звонок: — Вы не спите?... Слушайте, кто в Москве может сыграть Вронского? — А?..

— Я говорю, нужен Вронский! Срочно. Буду делать ввод. Я успею. А то катастрофа. Вы должны знать, вы же ходите в театр...

До премьеры этого спектакля оставалось ровно две недели, в городе уже появились афиши. Но в театре бывает всякое, и ничему не надо удивляться. Пообещав подумать, я стал перебирать в уме всех известных мне молодых актеров московских театров. Потом позвонил знакомому критику, который ходил в театр чаще, чем я, объяснил, в чем дело. Стали думать вместе. Думали долго. Кандидатуры отпадали одна за другой.

Вопрос, который поначалу представлялся абсолютно пустяковым, на самом деле был неразрешимым.

Не знаю, звонил ли еще кому-нибудь постановщик «Анны Карениной». Не знаю, с кем он советовался и что услышал в ответ.

А спектакль состоялся. Роль Вронского играл тот же самый актер, который был назначен на нее еще два года назад и который, по общему мнению, играть эту роль просто не мог.

Прошло уже несколько лет, но и по сей день он играет Вронского...

Ситуация, о которой я рассказал, кому-то может показаться анекдотичной. Нет Вронского. Ну и что теперь? Что из этого следует? А Бондарчук около года не мог найти исполнительницу на роль Наташи Ростовой, причем его ассистенты объехали по меньшей мере два десятка городов, пока, наконец, было произнесено это имя — Людмила Савельева. Здесь, кстати сказать, нет ничего удивительного. Играть — в театре или кино — произведения Льва Николаевича Толстого не так-то просто. Толстой есть Толстой, поэтому вполне естественно, что актеры, которые действительно могут играть литературу XIX века, угадываются не сразу.

Но вот это, между прочим, уже проблема.

В нашей театральной критике не раз говорилось о том, что современный театр все чаще и чаще теряет чувство истории. Люди XIX века на сцене выглядят точно так же, как люди XX века. То есть из-под исторического костюма к нам обращаются вполне современные чувства, мышления, взгляды. Для большинства сегодняшних актеров перевоплотиться из «века в век» — значит просто сменить один костюм на другой — перевоплощение идет в основном по линии внешнего преображения. Если говорить о новом актерском поколении — поколении 80-х годов, — эта «особенность» их артистического искусства сразу бросается в глаза. В самом деле: режиссер ищет исполнителя на роль Вронского и не может его найти. Что, его не устраивают «внешние данные»? Конечно, нет. Молодые актеры в большинстве своем люди внешне эффектные. Видные. Красивые. Окажись они в XIX веке, многие, уверен, пошли бы не в актеры — тогда это было не так модно, — а в гусары. Но ведь роль Вронского требует, как я понимаю, прежде всего духовного, внутреннего перевоплощения, если, конечно, режиссер судит автора по законам, которые он сам над собой поставил, и постоянно с автором советуется. А любой шаг назад, в XIX век, дается нашим молодым актерам с трудом. Очевидно, потеряны какие-то очень важные исторические нити в передаче из поколения в поколение общей культуры сценического искусства, очевидно, молодые ак-

теры имеют в большинстве своем лишь самые общие представления о духовных ценностях театра, что, в свою очередь, конечно, сказывается и в развитии их индивидуального актерского «почерка», отношения к профессии в целом.

«Наша культура духа может уцелеть и сыграть огромную, первенствующую роль в мировой жизни человечества», — писал Станиславский. — Одно из звеньев такой культуры духа — театр... цель которого... воздействовать непосредственно на живой дух зрителя органическим созданием живой жизни человеческого духа». Согласитесь: задача органического создания живой жизни человеческого духа подразумевает не только определенный уровень актерского мастерства. Важен сам масштаб личности актера. О Василии Ивановиче Качалове говорили, что он с молодых лет уже одним собственным обликом олицетворял понятие «артист». О ком из актеров поколения 80-х годов мы могли бы сказать то же самое? Стоит ли в таком случае удивляться, что Качалов составил себе славу как актер прежде всего в русском и западном классическом репертуаре, а молодые актеры известны сегодня в основном как исполнители ролей в многочисленных телевизионных фильмах и спектаклях, которые не только тиражируют друг друга, но и называются по стереотипу: «Дети как дети», «Семья как семья», «Свадьба как свадьба»...

Старые мастера умели играть время. А в исполнении наших молодых актеров довоенные тридцатые годы «выглядят» точь-в-точь, как пятидесятые, пятидесятые, как шестидесятые, и т. д., и т. п. — временные границы для них как бы не существуют.

Играть время с каждым годом становится труднее уже хотя бы потому, что жизнь движется вперед, а не назад. И. М. Москвин писал, что ему в искусстве сильно помогли детские впечатления от старой Москвы конца прошлого века, — замечал В. Ардов в статье «Набросок к портрету артиста», — во всех ролях, где нужны были сведения о прошлом, чувство стиля XIX века или даже Древней Руси (например, в трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович»). Жизнь в Китай-городе семидесятых и восьмидесятых годов рядом со знаменитой Иверской часовней, встречи со странниками и странницами, с монахами и купцами глубоко запали в душу ребенка, а когда он вырос, дали... богатейший и вполне конкретный материал для Луки и царя Федора, для Голутвина и Хлынова». Современный молодой актер изначально поставлен в другие «условия». Китай-город превратился в один из районов Москвы, нет здесь теперь странников и странниц, монахов и купцов, да и Китай-городом его давно уже никто не зовет. Не те времена. Но какая нам, зрителям, разница, знаком ли Владимир Особик, исполнитель роли царя Федора в ленинградском Театре имени Комиссаржевской, с жизнью Китай-города и старой Москвы или не знаком? Театр имени Комиссаржевской отказывается от стилизации истории и ставит своей задачей передать на сцене атмосферу, быт эпохи Ивана Грозного — Бориса Годунова. Трудно? Трудно. Режиссер Агамирзян учится у С. М. Эйзенштейна, внимательно анализирует опыт Леонида Хейфица, чей выдающийся спектакль «Смерть Иоанна Грозного», поставленный в конце 60-х годов на сцене ЦАТСа, перевернул наши традиционные представления о возможностях исторического театра, — опыт этих уроков не может пройти бесследно для каждого режиссера, ставящего историческую пьесу, хотя и передается этот опыт непросто.

Но почему, собственно говоря, должно быть легко? Требования к актерскому искусству сегодня возрастают. С одной стороны, нынче, как никогда, ценится пластическая культура актера. Последний московский кинофестиваль продемонстрировал это со всей очевид-

ностью. С другой стороны, после откровенно неудачных, на мой взгляд, опытов общения с русской классикой, какими стали некоторые спектакли в крупных городах страны, нас особенно волнуют вопросы духовного содержания искусства. Они, эти вопросы, адресуются не только режиссуре, но и актерам. И прежде всего молодым актерам, ведь в их руках будущее нашего театра. А если молодой актер или актриса, которые выходят на сцену в роли Хлестакова или Настасьи Филипповны, не могут подняться до уровня литературы, представляемой ими же на сцене, если молодой актер или актриса умеют играть только лишь свое время, только лишь тот тип людей, к которому они сами принадлежат, принципиально отказываются от перевоплощения, что становится уже чуть ли не «знаком времени», одной из «новейших» особенностей артистического искусства, если все это действительно имеет сегодня место, более того, подстерегает нас, зрителей, буквально на каждом шагу, не пора ли бить тревогу и говорить о том, что в воспитании наших актерских кадров сегодня во многом утрачена культурная преемственность театральные традиции, что духовное воспитание будущих актеров все еще оставляет желать лучшего?..

В самом деле, о ком из молодых актеров мы можем говорить нынче с таким же восхищением, как о тридцатилетнем Иннокентии Смоктуновском после премьеры «Идиота» в БДТ? Кто из молодых актеров заставляет вспомнить первые работы в театре и в кино Олега Борисова, Людмилы Фетисовой, Юрия Яковлева, Юлии Борисовой? А ведь я, между прочим, не вспоминаю работы молодых Бабановой, Ильинского, Раневской, Зеркаловой, Андровской, Веры Поповой. Куда там! Средний уровень актерского поколения 80-х годов в целом высок, сегодня в каждом крупном театре есть несколько молодых актеров, которые уверенно вошли в репертуар и играют центральные роли, наши Гамлеты, Мышкины, Хлестаковы и Чацкие в сравнении с семидесятыми годами заметно «помолодели». Но где же они, новые имена-личности, чей выход на сцену становится всякий раз событием в театральном мире? Где они, молодые актеры, чье искусство приковывает к себе не только внешней техникой, а именно своим духовным содержанием, с максимальной полнотой передающие все самые نابлевшие, самые серьезные заботы нашего времени?..

Такие спектакли, как «Накануне» И. Тургенева в постановке молодого режиссера Владимира Седова, сегодня в Москве (да и не только в Москве) редкость. Здесь, в филиале Малого театра, едва открывается занавес, по каким-то неуловимым, непонятным приметам чувствуешь, что поставлен именно тургеневский спектакль. Седов и его актеры, прежде всего Ирина Пенчерникова и Андрей Харитонов, исполнители центральных ролей, намеренно отстраняются от забот и проблем сегодняшнего дня. Они играют Тургенева, только Тургенева, они играют девятнадцатый век. Им девятнадцатый век интересен, интересен уже хотя бы тем, что его не так-то просто представить, передать на сцене. Но такие спектакли, повторяю, редкость. Впрочем, разве в этом виноваты только актеры? Нет, конечно, нет.

Для актера — любого актера, тем более молодого, — очень важно, в чьих «руках» он окажется, в какую творческую «среду» он попадет.

Не имею представления, как, каким образом Валентин Николаевич Плучек познакомился с актерским искусством Луизы Мосендз. Знаю только, что ее назначение на роль Вари в спектакле «Вишневый сад» многими было воспринято с недоверием. До встречи с Театром сатиры молодая актриса почти три сезона работала на сцене Центрального академического театра Советской Ар-

мии, играла заметные роли, но трудно было говорить об этих работах Луизы Мосендз с восторгом. Во всяком случае, ее дипломная работа, роль Кручинной в спектакле Щепкинского училища «Без вины виноватые», была гораздо ярче. И вдруг Театр сатиры, «Вишневый сад». В ряду других работ артистической молодежи столицы, созданных в последнее время, роль Вари, сыгранная Мосендз, занимает особое место. Жизнь Вари предстала на сцене Театра сатиры с глубокой внутренней полнотой. Выяснилось, что Мосендз умеет играть не только драму или мелодраму, но и трагедию. Но почему же мы, зрители, почувствовали это только теперь? Впрочем, вопрос звучит риторически. В Театре Советской Армии, если говорить по совести, не смогли разглядеть, понять, бережно взрастить талант молодой актрисы. А ведь мы, напомним, говорим о молодых актерах, и уходят они из театров сами, по собственной воле, уходят, потому что ищут не только интересную работу, но, главное, режиссера-учителя, режиссера-друга, режиссера-профессионала, который умеет не только требовать, но и что-то давать взамен.

Современный тип молодого актера, выдвинутый и воспитанный временем, во многом, по-моему, опережает сегодня реальные возможности нашей режиссуры. Актеры, повторяю, приходят в театр не только работать, много работать, но и учиться, и вдруг выясняется, что диалог, как правило, невозможен, что они говорят с режиссурой на разных языках.

Вроде бы так: театр престижный, с «именем», режиссер известный, настоящий мастер, а общение — если оно вообще налаживается и не ограничивается формальными «обязательствами», обговоренными при первой встрече, — происходит довольно поверхностно.

Вот и выходит, что проблему нужно ставить совершенно иначе. Сегодня молодые актеры прежде всего нуждаются в новых театрах. Мне кажется, что театры, где режиссеры молоды так же, как молодые актеры, где творят люди одного поколения, такие театры сами могут создать традицию. Как когда-то Таганка. Как когда-то «Современник». Более того, наше отношение к этим театрам изначально будет во многом другим, мы не станем требовать от них того, что требуем сегодня от наших ведущих театральные «академий». И соответственно не будем «соотносить» искусство их молодых артистов с великими образцами актерского искусства прошлых лет, хотя заметим в скобках, что в стенах МХАТа или Дома Островского такое сравнение напрашивалось бы само собой, ибо наши ведущие театры стараются не уклоняться от традиций, ими же заложенных. Так что вопрос, «тот» это уровень или «не тот» это уровень, рождается сразу же, как только молодой актер выходит на сцену. Здесь другая точка отсчета. Другой мир. Он живет — должен жить — по своим собственным законам и в сравнениях — любых сравнениях — не нуждается.

Сегодня в Москве есть уже несколько театров-студий. Один из них создан на Юго-Западе, им руководит Валерий Белякович. Другой — в самом центре Москвы, у Никитских ворот. Здесь ставит спектакли Марк Розовский. Третий театр работает в Замоскворечье, его возглавляет Роман Виктюк.

Разве это профессиональные театры? — удивится читатель. Разве это не самодеятельность? Да, это пока что непрофессиональные театры. Но от профессиональных театров они отличаются только тем, что актеры, которые работают здесь, не получают зарплату и репетируют чаще всего ночами, потому что днем приходится зарабатывать на хлеб насущный. Некоторые из них не имеют специального актерского образования, но многие его уже получили.

Других отличий нет. Руководители театров-студий — известные в Москве (да и не только в Москве) режиссеры: Розовский работает в Художественном театре, Виктюк постоянно сотрудничает то с МХАТом, то с «Современником», то с Театром Вахтангова или с Театром миниатюр, и только Белякович вот уже несколько раз отклонял весьма лестные предложения о «штатной» работе...

Как беспристрастный очевидец, свидетелюю: на спектакль «Гамлет» Валерия Беляковича зрители записываются почти за два месяца вперед. Согласитесь, это о чем-то да говорит. Наверное, «Гамлет» Беляковича — самый «музыкальный» «Гамлет» за всю историю советского шекспировского театра. Спектакль производит прежде всего глубоко эмоциональное впечатление; риску предположить, что его содержание не имеет в своей основе строгую, раз и навсегда выверенную концепцию, Белякович предоставляет своим зрителям право свободного восприятия его «Гамлета», он обращается не столько к разуму, как к чувствам, он, этот спектакль, скорее завораживает, чем стремится твердо, предельно конкретно о чем-то сказать.

Именно здесь, в театре-студии, где ансамбль исполнителей принципиально молод, где даже возрастные роли играют молодые актеры, им предоставляется известная воля творчества. Молодой актер в ансамбле своих сверстников и молодой актер в ансамбле мастеров столичного театра чувствуют себя неравноценно. Поэтому многие молодые актеры параллельно с основной работой в «большом» театре или в кинематографе с удовольствием работают на сценах театров-студий.

Молодежная театральная культура не может — да и не стремится — подменить, заслонить собой общую театральную культуру, ее обычаи и традиции. Об этом даже как-то смешно говорить, хотя некоторые театральные критики почему-то пытаются представить современную ситуацию именно так. Но если наши театры-студии работают сегодня с заведомой стабильностью и действительно расширяют из года в год сферу своего влияния на современный театальный процесс, то вопрос о наследии эстетических и духовных традиций на сценах театров, которые сами создали эти традиции, решается не просто.

Может сложиться неверное впечатление, что артисты, играющие на сценах студийных театров, олицетворяют в большинстве своем наши идеальные представления о современном молодом актере. Это не совсем так. Студия — это студия. Малый театр — это Малый театр. В целом же проблемы, связанные с подготовкой нашей актерской смены, примерно одни и те же. С точки зрения формального новаторства дух экспериментаторства, неизменно присутствующий в студийных спектаклях, выгодно отличается, конечно, от вялой, самодовольной жизни некоторых столичных и многих наших периферийных театров. Но, испытывая настоятельную потребность в эксперименте, наши студии подчас забывают о том, что такое сценическая культура. Так что проблемы, о которых мы сегодня говорили, здесь также не снимаются с повестки дня. А на сценах наших крупнейших театральных центров — Москвы, Ленинграда, Киева, — где молодые актеры работают в одном коллективе, выступают в одном ансамбле с мастерами старшего и среднего поколений, которые учились в театральных вузах по несколько другим законам, чем это происходит сейчас, общие недостатки духовного воспитания современного актерского поколения сказываются в полном смысле слова зримо. Сразу же бросаются в глаза. Поэтому вопрос «Кому играть Вронско-го?» возникает здесь со всей очевидностью, звучит абсолютно серьезно и без всякой претензии на апломб или кокетство.

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

подражать. Настоящее обучение в том-то и заключается, чтобы не подражать. Это и есть эстафета культуры. С той разницей от спортивной, что передаваемый предмет (по старой терминологии — огонь) должен чудесно-творчески преобразоваться в очередной руке. Высшая оценка искусства — неподражаемо.

Все дело в личности автора. Каждому — свое. Как и везде, в литературе один больше, другой меньше. Но коль они **сами**, то каждый оказывается нужен и живет в творчестве. А Блок думал о праве любого писателя взять бремя превыше своих сил. Более того, Блок считал это обязанностью. Верно, если писатель берется **сам**, он поднимет. Пусть оттащит недалеко и за то услышит спасибо от людей.

Внутренняя писательская работа требует настройки. Настройщиков нет и не будет: нет и не будет рецептов. Мысли эти стары. Но о чем бы ни писать, — нужно выгравлять, бить штампы. Как, каким способом? Думаю, писать как можно проще. Для этого влезать в каждого героя, тогда получится глубокая, волнующая, убедительная простота. Так это сложность, скажут мне. Пожалуй. Не гонясь за парадоксами, поясню примером.

Вот в чем тут дело. Думаю по опыту чтения многих пьес, что драматург не случайно расставляет фигуры, особенно «ведущие». Главные роли — от двух до четырех, настоящие актеры. Далее — фон, «выходные» без слов или с двумя словами: «каре́та подана», «кушать подано»... Как в купринском рассказе: «Он идет»... Такие роли доверяют кому угодно. Недавно в одной пьесе видел в такой роли пожарного. И, право же, он не украл те рубли, которые ему выписали дополнительно к основной зарплате.

Еще совсем недавно первоклассные итальянские оперные группы порхали по всему свету на треугольнике: тенор, сопрано, бас. Остальных — безголовую «чернь» — прятали в грохоте оркестров. Это называется ансамбль.

Писатель лишен права на такой прием. Нет, как бы ни было мало по отношению к сюжету то или иное лицо, нужно вжиться в него, «полюбить им», без зазнайства признать всеобщее право на равенство в художественном произведении. Ростан говорит: «Смерть насекомого **уже** полна трагедий». При всем пренебрежении окружающих ко мне я для себя несую такой же большой и ценный мир, как... как что угодно великое. И **моя**, а не ваша или его жизнь есть ось, на которой вращается **мой** мир.

Итак, только авторское воплощение в **каждое** действующее лицо дает шансы добиться правдоподобия. Но тогда каждый... тот же автор? Да, как все люди, автор снабжен **обыкновенным** человеческим свойством — чрезвычайной, космической широтой. Нужно только суметь развернуться. И Демон, и Тамара, и Мцыри, и Петр, и Мазепа, и Мария, и Кочубей, и княжна Мери, и Ленский, Онегин, Татьяна — суть всего **два** человека. А каждый читатель, включаясь в чтение, становится, хочет не хочет, тоже Демон-Тамара-Петр-Мазепа. Не будь так, не было бы ни литературы, ни читателей.

Думается мне, что проклятый штамп, лишающий язык писателя силы, сюжет — движения, героев — вероятности, может забыть произведение, воспользовавшись схемой заранее навязываемых автором характеров: Петров у меня будет такой-то, а Иванов — такой-то. А они, голубчики, топорщатся. Иванов, подобно Федке у Ф. М. Достоевского, дурак лишь по средам и пятницам, а по вторникам и воскресеньям он умнее самого автора. Петров же среди предписанных ему добродетелей спрятал, как змею в розах, склонность к расхищению госимущества. Кто кого? Уж если Иванов с Петровым сомнут автора, — книга будет жить. Победит автор — книга погибла, штамп, штамп, штамп.

Писательство не от фотографии-списывания повелось, не планированием держится. Все люди широки, каждый человек — творец. Да не каждому удалось развернуться, как раскатывают свернутый в трубку многометровый ковер...

О чем бы ни писалось, должен быть язык — эта функция мысли, отвечающая каждой ситуации. Здесь, конечно, легко потеряться в просторе, открытом для мысли и чувства. Скажу только, что мы все не замечаем бледной бедности речи переводного детектива, забавляясь условными марионетками. Но не потерпим, если автор на том же языке пустится говорить всерьез. Все равно, что в строй живых солдат поставить оловянных.

...Исторический роман как бы обязан дать читателю ощущение удаленности во времени. Но как, какой мерой? Ведь одновременно тот же роман должен дать читателю возможность сопереживаний, поэтому его героям не следует превращаться в музейные экспонаты. Личный опыт отвратил меня от увлечения

стилизацией. Как бы ни тонко, как бы ни осторожно я отходил от нынешней литературной речи в сторону древней, как бы точно ни вводил я элементы древней речи в мое повествование, язык его будет, в сущности, испорченным русским языком. И герои мои, пользующиеся таким испорченным языком, будут снижены как личности.

Мне приходилось бывать в дальних углах, где ярко сохранялись особенности местной и старинной речи, в том числе и «цокающей». Коротенькие дни затруднений для уха — и препятствие исчезало полностью. Особенности речи становились незаметными, оставалось же действительно нужное и единственно существенное: общение личности с личностью. И в воспоминаниях оседали не особенные, старинные либо местные слова и акценты, а смысл, суть, людская сущность. Но ведь это тогда, когда живешь с людьми, беседуешь с ними, ибо общение не ограничено одними звуками речи. Совсем иное, когда эти звуки изображены буквами в чуждых глазу сочетаниях — люди «отстраняются», отдаляются, «чужеют».

Я думаю, что в историческом художественном произведении следует избегать новых слов, особенно иностранных.

Думаю, что не только допустим, но даже желателен некий особый настрой речи, который давал бы привкус эпохи, давал бы его осторожно, как ненавязчивый запах. Так как мешать читательскому восприятию опасно, даже если он и примет авторский стилизаторский изыск.

И еще — за истекшие хотя бы пятнадцать поколений мы, люди, ни в чем как люди не изменились. Речь же изменяется быстро. И язык XV века вполне заслуживает хорошего перевода. Не следовало бы людей таких же, как мы, делать косноязычными!

Из опыта моих исторических работ сам я вынес следующее: могут быть и действительно существуют два подхода к историческому роману. Первый — взгляд со стороны и сверху. Здесь пишущий, человек **своего** времени, глядит на прошлое как временный в чужую страну путешественник. Естественно, он подмечает «странности» в обычаях, одежде, речи и во всех внешностях прошлого. Он увлекается изображением того, что по его ощущениям отличается избранное им прошлое от эпохи, ему современной. Таким образом, он очень подчеркивает все особенности прошлого и, естественно, увлекается стилизацией, которой, в частности, усиленно подвергается речь и героев, и авторов. Стилизация удивительно влекуща и заманива. Но почему мы переводим на чистый русский язык речь любого народа, тем самым делая его нам равным как личность, нашим же предкам навязываям уродливую речь, на которой мы, ни они не говорили. А так как слова суть плоть мысли, то тем самым стилизация необычайно **снижает** изображаемые романистом личности. Тут — ловушка.

Поясню сказанное примером. Довелось мне как-то прожить месяца полтора в глухом сибирском углу. Там — свои присловья. Однако же дней через пять я перестал это замечать. Если бы я потом задумал все изобразить по точной правде да не забыть описать и руки с непромытой грязью и лохмотья — была осень 1946 года, и деревня дальняя обносилась дотла, — получилась бы стоянка дикарей и — гнусная ложь, ибо у меня от той осени живет светлое воспоминание, и люди, там встреченные, мне совсем не теми помнятся, каких дали бы фотография и магнитофонная запись...

И еще. Вот вы беседуете с кем-то полчаса, час. Слов сказано масса, и слова вас и собеседника не утомили. Но в **воспоминании** у обоих осталось существенное, для высказывания которого хватило бы нескольких минут и для записи которого нужно десять строк. Вот и еще одна ловушка, кстати сказать, и расставлена эта ловушка для всех времен и всех художников. Надо тут недосушить, не пересушить... А термометра-то и нет, нет и влагомера.

Есть и второй, куда более редкий, — вероятно, он потруднее — подход к исторической вещи: художник идет в прошлое **как равный**. Равный по-человечески. То есть он входит внутрь людей и действий без заносчивости личности, принадлежащей к «высшей» эпохе. Не как барин, который похлопывает мужичка по плечу: — а ну, братец, пойдём, я тебе покажу! — а как брат, как **любящий**. Но и здесь есть ловушка. Ибо, хочешь не хочешь, а надобно дать и аромат прошлого, иначе читатель тебе совсем не поверит. А не поверит — и ты трудишься на ветер.

Мне лично куда более справедливым кажется второй метод — с позиций равенства. Тем более, в этом я убедился, что ни за сорок поколений, — за тысячу лет, — ни за сто поколений, — за две с половиной тысячи, — личность человека не изменилась. Так же, как за все время так называемого исторического существования человека — тысяча за десять лет ни в чем человек не изменился физически.

Где-то в «Руси изначальной» я так и сказал: и

плакали, и смеялись всегда от одного и того же... Изменялся **багаж**, количественные изменения населения приносили изменения качественные в отношении между людьми. Но человек X века так же нам понятен, как наш современник. И тому **многозначительнейшее свидетельство** — искусство. Эсхил и Еврипид столь же современны, как Брехт и Островский. Первых трех переводили обычным языком, а «Слово о полку Игореве» не нашло в свое время переводчика без стилизации, и все же его лучшим переводчиком остался Жуковский, ибо переводил он по смыслу, а не по науке. Результат определяется талантом, знаниями и верой в то, что вы пишете правду — неподдельно и не лукава. Не помню, кто сказал, что литератор обязан брать задачу **превыше** своих сил, — я люблю повторять это изречение глубокого смысла.

...А что такое мысль, что такое ее «оригинальность»? Приходилось мне замечать: вот додуматься до чего-либо и потом скажешь самому случайному человеку. А он сразу согласится, и вдобавок ничего для него будто бы нового и не сказано. На самом же деле он это давно **знал**, но не к чему ему было ни задумываться, ни формулировать: я за него сформулировал. Но формулировка эта ему нужна, очень нужна, хотя он сам того и не ощущал.

Для искусства существует много определений, много будет и новых определений, но думаю, что в их числе остается и такое: сумей сказать то, что есть уже в умах, то, что зачатко жизнью, но еще не рождено в словах. А как скажешь — дело твоего таланта. Ибо коль есть **Мысль**, то плоть для нее найдется.

...Я думаю, что Некрасов не «пользовался русским фольклором» — в смысле организованно-сознательного поиска. А просто — был он, как люди его склада, русским, был в нем мужик, то есть не брезговал он самим собой — тем, что у нас ныне называют «простым народом». Он сам был «простой народ», как и более судьбой взысканные материально (Некрасов был из нищих дворян) — Тургенев, А. К. Толстой, Гончаров, Лев Толстой, Пушкин, Лермонтов. Имя их — легион.

...Не было у нас в России в XIX веке — период сознательно ограничивается — непризнанных поэтов, прозаиков, драматургов, композиторов, живописцев.

Ничего наш век не выгнали из вещей и дел, незаслуженно забытых и ошибочно отвергнутых современниками. Не было даже таких художников, кто не заслужил бы хоть и прижизненное, но позднее признание. Завидна была судьба и Пушкина, и Карамзина, и Достоевского, и Брюллова, и Глинки, и Островского. Решительно все, познав неизбежную, видимо, таланту и гению муку внутреннюю, не были отверженцами.

Не то на Западе. Стендаль умирает в безвестности. Едва-едва признают Бальзака — в последние его годы и уже физически раздавленного чудовищной работой. С какими трудами пробиваются Верди, Берлиоз и прочие. А Вагнер? А живописцы? Изгнанные нищетой, морально затравленные, умершие на больничных койках, на случайно разбросанном на следствии которых наживались и наживаются перекупщики.

...Века XVIII и XIX были способны давать описания природы в такой манере, в которой автор, сам того себе не задавая, заставлял читателя соучаствовать в некоей внутренней, медлительной и поэтической подготовке к действию жизни. Пример — описание природы во «Фрегате «Паллада» Гончарова, книге, мной очень любимой. Второй пример — уже совсем иные описания у Гюго, особенно в «Тружениках моря».

Сейчас, чувствую, дело обстоит иначе. Сейчас, кажется, описания такие допускает читатель лишь как своего рода повороты сюжета. Я вот, например, в «Повестях древних лет» и в «Руси», не то что старался, но как-то иной раз получалось, вкладывал в иные описания **мировоззрение** людей, их миропрятие. Было даже и так, что, описывая колоссальные богатства животного мира, окружавшего моего россиянина, я думал об экономической стороне их быта, о том подспорье, которое, кстати сказать, совсем недавно еще имел русский крестьянин в охоте и рыбной ловле. Но это не рецепт, не совет, это **у меня** так получается.

Но самое лучшее, что, может быть, я недавно услышал от одного писателя. Он говорил, вернее, признался в увлечении: «Когда я читал верстку, я думал — неужели это я сам написал!» Он писал вдохновенно — это большое счастье — и очень чисто передал свое ощущение: читал с интересом, будто бы не он и писал. Вот этого не купишь ни за какие тиражи!

Публикацию
подготовила
Валентина ПУТИЛИНА.



Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ПОБЕДУ

1. Начало

Аэропорт — это место, где не ощущаешь времени, оно близко. В плохую погоду, когда один город самолеты не принимает, а другой не выпускает, теряется представление и о числе, и о дне недели.

— Объявляется посадка на рейс... за двенадцатое июня.

Все-таки июнь, сознание, затуманенное тупым ожиданием, слегка проясняется. И двенадцатое уже прошло... «Одиннадцатого я собирался быть...» — И человек с особой симпатией смотрит на стандартно улыбающуюся девушку в голубом мундире Аэрофлота, которая призывает экономить время и пользоваться услугами...

Все проходит, непогода тоже. Аэропорт, словно чудом не затонувшее судно, выбрасывает на летное поле измученных людей, быстро прихорашивается, его пульс становится ровным. Посадки, взлеты, приливы и отливы. Бодрый, чуть напряженный женский голос с невидимого капитанского мостика оповещает, что произошло, происходит сейчас и должно произойти в ближайшее время в этой маленькой, разноязыкой стране — аэропорту.

Летним вечером, когда солнце опускалось за взлетную полосу и наползавшие сумерки зажгли над аэродромом электрические созвездия, в аэропорту было особенно многолюдно. Улетала на спартакиаду школьников сборная команда легкоатлетов области, и мамы, бабушки, тренеры, влюбленные торопились сказать что-то самое важное, без чего любимое существо там, далеко от дома, несомненно, пропадет.

— Плечо не поднимай... Бедро, бедро выше...
— Не стой у открытой форточки...
— Не ты там выступаешь, не ты, а мы... Все мы!
— Помни, тебе нельзя ничего острого...
— Ты фамилию, фамилию нашу не опозорь...
— Береги себя, бог с ним, с этим рекордом!

Высокорослые прыгуны, стройные спринтеры, невысокие стайеры, широкоплечие метатели, юноши и девушки, такие разные, но одинаково молодые, в ярких спортивных костюмах теряли последние капли терпения. Сейчас им уже ничего не было нужно: ни спартакиад, ни рекордов, ни званий. И, словно услышав эту мольбу молодости, репродуктор приглушенно кашлянул и произнес:

— Заканчивается регистрация билетов и оформление багажа на рейс...

Казалось, аэровокзал вздрогнул. Ребята двинулись на летное поле.

Старший оперуполномоченный МУРа майор милиции Лев Гуров стоял, притиснутый к липкой на ощупь стойке хронически не работающего буфета.

Гуров провожал следователя Прокуратуры СССР, с которым прилетел в этот город одиннадцать дней назад. Преступники, которых они здесь выявили и задержали, год назад совершили два разбойных нападения в Москве. Долго тянулись нудные месяцы бесплодного розыска. Неожиданно аналогичное нападение произошло здесь. Следователь и Гуров были откомандированы в Город. Здесь Лева, как говорится, повезло. Каждый розыскник знает: опыт опытом,

мастерство мастерством, а «госпожа Удача» — фактор немаловажный. Она может не появляться долго-долго, а может выскочить из-за угла неожиданно. Тут уж сбавляется профессионализм: не прозевать.

Гуров и следователь прокуратуры были профессионалами, и вчера преступников водворили в изолятор. Следователю надо на два дня в Киев по другому делу, а Гуров завтра первым рейсом улетал в Москву. Он не любил провожать. Ох уж эти последние разговоры не ладятся, а самые простые слова звучат фальшиво. Происходит это оттого, видимо, что люди лишь формально рядом, фактически один уже в пути, другой остался, их миры разделились. Встречать даже малознакомого человека — дело совсем иное. Люди встретились, их миры пересеклись, пусть ненадолго, но они в момент встречи едины. И самые пустые слова наполняются человеческим теплом. «Ну как? Я рад! Я тоже рад. Что дома? А у тебя?».

Провожал следователя и начальник уголовного розыска подполковник Серов. Они выжимали из себя последние слова. Гуров молчал, причем старался молчать как можно вежливее. Услышав сообщение о посадке на самолет, все заулыбались.

— Спасибо за помощь, Иван Николаевич. — Серов пожал следователю руку.

— Это к нему. — Следователь кивнул на Гурова. — А вы когда домой, Лев Иванович?

— Завтра, утренним рейсом, — ответил Гуров. — До встречи.

— На курорте, — улыбнулся следователь. — Вот я на пару дней в Киев, потом домой, в Москву, и... — Он блаженно прикрыл глаза, затем взглянул остро и совсем другим тоном сказал: — А Славину экспертизу обязательно...

На простоватом лице подполковника появилась обида и удивление, он развел округло руками.

— Иван Николаевич...

— Ну, ладно, ладно. — Следователь еще раз пожал им руки и быстро, словно скинув уже ненужный груз, зашагал к выходу на посадку.

— Рад до смерти, — сказал Серов, призывая Гурова в союзники. — Конечно, после столицы у нас тут...

Гуров вежливо кивнул, он смотрел на открытые, светящиеся лица ребят. Вот она, жизнь. Почему я не стал тренером, педагогом? Работенка тоже не вздохи при луне, однако ребята-то какие! Среди них и сам цветешь. Преступления совершают, конечно, не без этого: режим нарушил, на тренировку опоздал. Влюбился, мерзавец, ночами не спит, у тренера от его результатов аппетит портится.

Рассуждая так, старший оперуполномоченный не знал, что завтра начнет знакомиться с людьми страны Большого спорта и сегодняшние мысли его окажутся коротенькими. Шагая за подполковником к ожидавшей их машине, он уже переключился на Москву, на дом, самую дорогую и замечательную девушку на свете. Лев Иванович Гуров кое-что в жизни видел, но ему было тридцать три, и он пока предпочитал смотреть в ту сторону, откуда поднимается солнце.

В зале аэровокзала, только что заполненном плотно, стало свободнее. Ребята уходили, провожавшие медлили, а те, кто двинулся к выходу, оглядывались. Павел Астахов не улетал и не провожал, он сопровождал Нину Маевскую, у которой улетала младшая сестра.

Когда Астахов давал интервью за рубежом, то на просьбу представить себя отвечал: аспирант педаго-

гического института. Журналистам на Родине сердито, прикрывая смущение, рекомендовал заглянуть в справочник и отворачивался. А что сказать?

Заслуженный мастер спорта, неоднократный рекордсмен и чемпион Союза и мира, олимпийский чемпион, кавалер орденов... Ответить так? Дело не в том, что это нескромно. Констатация фактов не может расцениваться как нескромность. Однако титулы свои Астахов никогда не перечислял, хотя стеснительностью не страдал. Люди стеснительные, если они талантливы, способны достигнуть больших успехов. Только не в спорте.

Утверждают, что в природе все гармонично. Видимо, в целом оно так и есть. Тогда, создавая Павла Астахова, природа сильно кого-то обделила, и, компенсируя физическое совершенство Астахова, по Городу шастало несколько за его счет обделенных: низкорослых, узкоплечих и кривоногих парней. Описывать его достоинства было бы так же неприлично, как перечислять титулы. В Городе Павел Астахов являлся общественной собственностью, и за глаза все называли его Паша. Он, конечно, не был Пашей. Обзаведись он визитной карточкой, на ней было бы вполне достаточно написать: «Павел Астахов». В черте Города такая визитка открыла бы любую дверь.

Наступал вечер. Город готовился ко сну, никто не подозревал, представить не мог, что завтра, уже завтра после имени Паша громыхнет слово «убийца».

Нина Маевская, которую сопровождал Астахов, была первой красавицей Города. Подавляющее большинство мужчин, которые причисляли себя к сильному полу, реагировали на Нину Маевскую болезненно. Симптомы, естественно, проявлялись различно. Одни при встрече с ней втягивали животы, расправляли плечи. Иные начинали говорить утробными голосами чревовещателей и, прерывая очередной анекдот, начинали рассказывать о своей последней поездке в Париж. Некоторые любящие мужа беспричинно хамили женам. Рассказывают, что один молодой доктор наук, познакомившись с Ниной, от смущения снял очки, а так как очки у него были плюс пять, то он тут же вошел в стеклянную дверь.

Нина Маевская училась в институте, занималась спортом, не блистала ни умом, ни глупостью, была нормальной двадцатидвухлетней девушкой.

Город следил за романом Астахова и Маевской внимательно, их скорая свадьба ни у кого не вызвала сомнений. Сами герои ничего о решении земляков не знали.

Итак, здание аэровокзала пустело, отставившие догоняли своих товарищей. Трое молодых высокорослых парней рванулись было к выходу, на посадку, но приостановились. Кто-то шепнул:

— Астахов! Астахов!

— Где?

— Вот! — громко сказала Нина, взяла Астахова за плечи, повернула лицом к ребятам. — Любуйтесь! Павел Астахов! Лично!

Молодых спортсменов сдуло ветром.

Один из тренеров, статный, модно одетый, лет тридцати — Игорь Лозянко, — громко рассмеялся, встретившись с Ниной взглядом, подмигнул и, подхватив двух своих учениц под руки, повел к контролю. Девушки шутиво упирались.

— Игорь, летим с нами...

— Без вас мы не выиграем...

Нина провожала Игоря Лозянко долгим взглядом. Астахов улыбаясь, подбросил на ладони ключи, спросил:

— Едем?

— Объехал полмира или больше, а не можешь прилично одеться, — недовольно сказала Нина.

— А что? — Астахов оглядел себя. — Все в норме. Шмотки как шмотки.

Мимо проходили два других тренера, одноклассники и друзья, они спорили между собой лет тридцать, занимались этим делом и сейчас. Анатолий Петрович Кепко, низкорослый, лысоватый блондин, и Олег Борисович Краев, высокий брюнет. Некогда стройный, теперь он нес свое грузное тело величественно. С ними шла рекордсменка области по прыжкам в длину Вера Темина. По мнению большинства мужчин, фигура у Веры была потрясающая, но ее тренер Краев, живя на сборах, в столовой усаживал спортсменку за свой стол и старательно съедал три четверти отпущенного куска на двоих.

— Добрый вечер, — сказал Кепко, улыбаясь Маевской и Астахову.

— Любовь — штука прекрасная, — пророкотал Краев. — Но не забывайте, что утреннюю тренировку никто не отменял.

— Олег Борисович, удочерите меня, — сказала Нина Маевская. — И поконтини разом.

— Выбежишь из одиннадцати и пяти, я тебя не только удочерю, но и... — Он понизил голос до шепота. Однако Вера Темина услышала, дернула тренера за рукав.

— Олег Борисович!

— Какавы не пей, ты не в секс-шоу выступаешь, а

на стадионе.—Смягчая резкость, Краев обнял Темину за плечи, зашептал:—Да не смотри ты на него, убогого. Он на дорожке мужик, а в жизни только приложение к Нинке и шиповкам.

— Неправда!—Вера вырвалась.

— Конечно, неправда,—сказал идущий рядом Кепко.—Дядя Олег так шутит.

Почти со всеми героями нашей истории мы познакомились, да и в здании аэровокзала торчать надоело, душновато здесь. Самое время подмести, вымыть пол: усаживающиеся сейчас в самолете спортсмены и медленно разбредавшаяся многочисленная свита оставили на месте прощания изрядное количество апельсиновых корок, конфетных оберток, окурков и не опознаваемого на первый взгляд мусора.

Вечер был так себе, обычный. Ни дождя, ни ветра, ни тепло, ни холодно, солнце завалилось, звезды не вылезли. Если бы через час в Городе не был убит человек, то и говорить об этом вечере вообще не стоило бы.

На стоянке автомашин у серой с милицейским «галстуком» «Волги» стояли подполковник Серов и Гуров.

Милицейская форма на подполковнике Серове смотрелась, хотя надевал он ее редко: в День милиции да в случаях вызова «на ковер» для разгона. Если визит к генералу носил деловой и миролюбивый характер, Борис Петрович являлся в штатском. Сегодня он облачился в мундир, желая подчеркнуть, что является представителем УВД области, которое выказывает свое уважение и благодарность улетавшему гостю. Все-таки старший следователь Прокуратуры СССР по особому делам!

Внешности Борис Петрович Серов был неброской. Из-под чуть набрякшего века подполковник смотрел настолько простодушно и даже наивно, что поверить его взгляду мог только ребенок.

В России такие простаки встречаются, Гуров их повидал, с некоторыми вместе работал, иные порой сидели с другой стороны стола. Гуров проработал с Серовым полторы недели и приобрел защитный иммунитет. Ты простой, а я еще проще, ты говоришь, я все принимаю за чистую монету. И от линии этой ни шага в сторону, иначе обязательно угодишь в лужу.

— А я сначала к вам...—Серов соорудил недобрую гримасу.—Вообще не люблю варягов, тем более из Москвы. Зазнайки.

— И абсолютно правы,—быстро согласился Гуров.

— Но в цвет вышли именно вы.—В глазах Серова светилось искреннее восхищение.—Такой хватке можно позавидовать.

Гуров насторожился, но, возможно, Борис Петрович ничего конкретного не имел в виду. Почему бы и не сказать приятное хорошему человеку? Тем более что он из Москвы, мало ли каким образом жизнь повернется.

— Я тут не виноват,—тоже открыто улыбнулся Гуров.—Так распорядилась госпожа Удача.

— Но к одним она та-та-та-та, а к другим— иначе!—рассмеялся подполковник.—Куда пропал водитель Росинанта?—Он слегка смутился, так как по своей роли деревенского простака не должен был слышать о коне доблестного рыцаря.

Павел Астахов открыл дверцу собственной «Волги», Нина села на переднее сиденье, сказала:

— Что ни говори, а богатые люди—это совсем особые люди!

— Павел!—к ним подошел Игорь Лозянко, который все-таки отправил своих учениц и теперь торопился в город.—Подбрось в центр безлошадного крестьянина.

Астахов окинул взглядом «крестьянина», взял за лацкан дорогого твидового пиджака, второй рукой поправил ему галстук.

— Откуда дровишки?

— Паша, ну что мы против тебя?—Лозянко отстранился.

Астахов, стараясь унять дрожь в руках, достал бумажник, вынул пять рублей, положил Игорю в верхний карман пиджака.

— Найми извозчика.

— Благодарю, барин.—Лозянко поклонился.

К соседней машине подошли Кахи Ходжава, Арнольд Гутлин и Сергей Усольцев, который слышал последнюю фразу Астахова и потому, тронув Лозянко за плечо, сказал:

— Садись к нам, Игорек. Не ищи приключений.

Гутлин сел за руль «Жигулей», Ходжава рядом, Сергей Усольцев распахнул заднюю дверцу.

Лозянко медлил. Астахов пожал плечами, начал было обходить «Волгу», чтобы сесть за руль. Неожиданно Нина легко выскочила из машины, поцеловала Лозянко в щеку, взяла под руку и повернулась к Астахову спиной.

— Поехали, Игорь!

— Поехали.—Лозянко тоже поцеловал Нину, вынул из кармана деньги, скатал в комочек, выщелкнул в сторону Астахова.—Купи себе минералки, чемпион!

Но сесть в машину Нина с Игорем не успели, так как рядом, взвизгнув тормозами, остановились «Жигули».

— Тихо!—буквально рывкнул сидевший за рулем Краев, перегнувшись, распахнул заднюю дверь.—Нина! Вера Темина вышла из машины, уступила свое место. Нина прижималась к плечу Лозянко.

— Мы не на стадионе, Олег Борисович...

— Ну!—повысил голос Краев.

— Выпусти пар, Олег,—тихо сказал сидевший на переднем сиденье Кепко. Взглянул на Нину.—Сядьте в машину оба.

Нина с Лозянко подчинились, и Краев, говоря нехорошие слова, вырвался со стоянки на шоссе.

Уехал и Усольцев со своими друзьями, милицейская «Волга», мелькнув красным галстуком, ускользнула по шоссе за поворот. Павел Астахов стоял около своей машины, задумчиво склонив голову набок. Вера Темина заняла место на переднем сиденье и, чтобы не смущать Павла, открыла сумочку и занялась косметикой. Павел опустился на корточки и на жирном, поблескивающем мазутными пятнами асфальте нашел смятую пятерку.

С минуту они ехали молча, затем Павел сказал:

— Я в прыжках не дока, но во время разбега ты закрепощаешься, подай плечи вперед, расслабься.

Вера посмотрела на его жесткий профиль и ничего не ответила.

Гуров сидел рядом с Серовым на заднем сиденье «Волги» и, не слушая подполковника, решал вопрос, как бы, не обидев человека, побыстрее распрощаться с ним, перекусить и остаться в гостиничном номере одному.

«Волга» остановилась у гостиницы, они вышли.

— Может, вместе поужинаем?—спросил Серов.

Пока Гуров подыскивал вежливые слова для отказа, подполковник глянул из-под приплюсших век, все понял.

Серов протянул руку.

— Бывай, Лев Иванович. Земля круглая, вертится. Может, и я тебе когда пригожусь. Не сердись, что тыкаю?

— Пустяки, Борис Петрович,—Гуров пожал его мягкую ладонь.—Счастливого оставаться.

— Давай!—Серов хлопнул его по плечу.—Машина придет за тобой в шесть тридцать, не проспай.—Кивнул и сел в «Волгу».

Гуров проводил ее взглядом.

Из остановившихся «Жигулей» выскочили трое молодых мужчин, которые тоже были в аэропорту. Над чем-то подшучивая, они вместе с Гуровым вошли в вестибюль и решительно направились к дверям ресторана, игнорируя табличку «Закрывается».

Гуров мог предьявить удостоверение, и его бы не обидели, покормили. Но он решил быть проще и пристроился у двери за спинами аборигенов.

Швейцар со строгим, неподкупным лицом приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы гость смог просунуть руку и положить ему в карман купюру.

— Сережа, только для тебя.—Швейцар распахнул дверь, пропустил Усольцева, Гутлина, Ходжаву и державшегося у них в фарватере Гурова.

Гуляла молодежная свадьба. Все как у людей. Невеста в белом, сам в темном и при галстук. На свадьбе они едины, как может, не будут уж никогда в жизни. Они устали, отбывают последний номер программы, ждут не дождутся конца, чтобы занавес наконец упал. Скорее бы домой...

Столы стояли буквой «П», занимая половину зала. Другая половина была освобождена для танцев, лишь в дальнем углу притулились два столика. За одним сидела пожилая пара, видимо, хорошо известная в городе, так как многие из танцующих с ними почтительно раскланивались. Второй столик был сервирован так, на всякий случай. Видимо, швейцар знал, что Сергей Усольцев, а главное, сопровождавший его Кахи Ходжава «случай» подходящий.

Гуров все понял, сел, не стесняясь, сказал:

— Извините, сейчас уйду. Возьму с собой в номер.

— Сиди,—разрешил Усольцев.—Притулился к моей красненькой.—Он кивнул на швейцара.—Дядя Володя своего не упустит.

Сергею Усольцеву еще не исполнилось тридцати. Когда-то в спорте он подавал надежды. Чтобы надежды не сбылись, существует множество причин, перечислять их долго. Усольцев в спортивном сообществе остался, двинулся по административной части, стал начальником, но большим, но и не маленьким. В последние годы он приобрел брюшко и апломб, лицо и жесты его округлились. Но за этой внешней округлостью проглядывала натура жесткая, хотя среди спортсменов Усольцев слыл парнем своим и незлобивым.

Его одноклассник Арнольд Гутлин мечтал стать спортсменом, дальше второго разряда по шахматам не пошел, защитил кандидатскую, получил лабораторию. Умница, специалист в своей области, он обладал двумя недостатками. Самоуничижая себя, Арнольд преклонялся перед атлетами и стремился всем и каждому услужить. После работы он возил Усольцева на своей машине, катал по городу каких-то неизве-

стных людей и чужих девушек. Вернувшись за полночь домой, писал научные статьи.

Отец, деды и прадеды Кахи Ходжавы работали от зари до зари. В вине, которое создал род Ходжава, можно было утопить стадо слонов. В пролитом этими грузинами поту можно было бы выкупить взрослого мужчину.

Предки Кахи были мудры и трудолюбивы. Дед к восьмидесяти годам научился читать. В роду Ходжавы были виноградари, пекари, воины. Кахи должен был открыть двери в науку.

Кахи учился, так он писал домой. Деньги по крайней мере присылали на учебу. Деньги в семье были.

Ничего о своих соседях Гуров не знал. Но что Сергей Усольцев в компании лидер, а Кахи и Арнольд при нем, Лева определил тотчас.

Неторопливо, шаркая туфлями без задников, подошла официантка.

— Привет, мальчики.—Она открыла блокнот.

Гутлин улыбнулся, Усольцев сказал:

— Салют, Светик! Сегодня распоряжается Кахи.—И кивнул на кавказца.

— Сегодня?—Официантка дернула плечом.

— Красавица, принеси нам...—Активно жестикулируя, Кахи начал делать заказ.

Официантка записала заказ, собралась уходить, Гуров сказал:

— Простите.

Девушка взглянула удивленно.

— Вы отдельно?

— Две бутылки минеральной воды,—сказал Гуров.—Две порции ветчины... Хлеб. Я все заберу в номер.

— Зачем ветчина, зачем в номер?—Кахи развел руками.—Обижаетесь. Сиди. Кушай. Все будет.

— Кахи!—остановил его Усольцев.—Человек в командировке, устал,—он попытался улыбнуться Гурову.—Кавказ, уж извините.

Лева заметил, как болезненно дернулся и задрожал у Усольцева подбородок, и подумал: зубы болят, наверно. Тот почувствовал взгляд, неверным, соскальзывающим движением начал стряхивать с пятнистой скатерти хлебные крошки, затем нарочито медленно поднялся, так же медленно поставил на место свой стул и, ничего не сказав, пошел к выходу.

Гуров взглянул на его неестественно негнущуюся спину, так держатся сильно выпившие перед тем как превратиться в пьяных.

Странно, подумал Гуров, ведь парень абсолютно трезв.

Усольцев вернулся минуты через три, на ходу вытирая платком лицо, беспричинно рассмеялся и сказал:

— Действительно, а почему бы вам не поужинать с нами? Одиночество командировочных—штука неприятная, по себе знаю.

— Спасибо,—Гуров кивнул.—Хочется лечь пораньше.

— Ну, была бы честь предложена,—легко, без обиды согласился Усольцев и озорными глазами оглядел свадьбу.—Мужики, у всех женщины, а мы словно двоюродные. Пойду звякну.

Гуров ждал, пока принесут заказ. Счастье—в выполнении желаний, думал он, пусть и самых обыденных. Сейчас я пойду в номер, съем бутерброды, залью минералкой, позвоню Рите. Завтра Москва.

Конечно, старший оперуполномоченный МУРа—человек привычный к расчетам и составлению планов. Но он только человек.

Убийство, которое обрушится на Город через сорок минут, уже предreshено.

И Гурову завтра в Москве не быть.

2. Старший оперуполномоченный МУРа Лев Гуров

Секретарша Турилина перестала печатать, внимательно посмотрела на Гурова, на миловидном лице ее появилась улыбка. Светлана вытащила из ящика стола гребешок, протянула Лева.

— Пригладьте хохолок, майор. Неприлично.

— Все цветешь, Света.—Лева Гуров провел гребешком по макушке, взглянул на массивные, выступающие из стены, словно бабушкин шкаф, двери.

— Он один,—сказала Светлана.—На личном фронте без перемен?

Гуров взглянул на девушку, театрально вздохнул:

— Где были мои глаза, куда я смотрел?—Он нажал на бронзовую ручку и вошел в двери-шкаф.

Перешагнув порог, Гуров вытянулся, хотел уже произнести заготовленный экспромт-поздравление, но Константин Константинович, прижимая плечом телефонную трубку, указал на кресло.

Гуров работал с Константином Константиновичем Туриным около десяти лет и знал его хорошо. За эти годы Гуров возмужал, стал старшим оперуполно-

моченным и майором, вместе с начальником переехал в столицу. Полковник Турилин поднабрал седина, а вчера ему присвоили генерала.

Гуров бывал порой стеснительным, но не робким, однако в этом кабинете внутренне заковывался. Что так действовало, неизвестно. То ли длинный стол для совещаний под конвоем прямых стульев молча намекал: мол, здесь сживают люди не тебе ровня, укороти шаг, говори тише. Возможно, телефоны, настороженно молчавшие на отдельном столике, напоминали готовую к залпу артиллерийскую батарею, и человек, чувствуя их готовность, старался быть предельно кратким.

В общем, кабинет Константина Константиновича обладал загадочной способностью все уменьшать: и проблемы, и речи. Или просто в этом кабинете люди и события приобретали свой действительный объем и вес?

Сегодня Гуров себя чувствовал относительно вольготно, он ничего отстаивать не собирался. Генерал вызвал, майор явился.

Турилин, как все розыскники, редко носил форму и сегодня в темном костюме, светлой рубашке со строгим галстуком. Генеральского мундира Лева увидеть не удалось.

Константин Константинович сказал:

— Спасибо, до свидания,— и повесил трубку.

Лева поднялся и чуть напыщенно произнес:

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор.

Турилин оглядел Гурова, подумал о времени, которое неумолимо. Вот и Лева Гуров — не худенький голубоглазый юноша, краснеющий по любому поводу. Плечи распахнулись, глаза из васильковых стали темно-синими, хотя сейчас и не разберешь: спиной к окну сел, кресло не любит.

— Здравствуйте, Лев Иванович.— Турилин старался отодвинуть от себя неприятный телефонный разговор, сосредоточиться, нашел среди бумаг конверт, протянул Гурову.

Год назад в Москве были совершены два разбойных нападения. Уголовное дело вела прокуратура, розыскным занималась группа Гурова. Хвастаться успехами не приходилось. Приметы преступников, как выражаются розыскники, были нормальные, то есть возраст — от двадцати до сорока, рост — средний, телосложение — нормальное, волосы — русые. На месте преступления оставлены две гильзы от пистолета «ТТ».

Документ, который держал в руке Гуров, был заключением баллистической экспертизы: из пистолета, который разыскивал майор Гуров, убили еще трех человек. Разбойные нападения были совершены далеко от Москвы, за Уралом.

Когда два умных человека знают друг друга давно, порой это разговор не облегчает: неудачно произносить вещи очевидные. Задавать риторические вопросы тоже глупо.

Ужав свой ответ до минимума, Гуров сказал:

— Надо подумать, товарищ генерал.

Турилин поморщился.

— Считай, что я твои поздравления принял, и прекратим.— Он помахал перед лицом, будто Гуров курил и дым раздражал генерала.— Думай вслух.

Гуров покосился на притаившийся телефон, словно выясняя регламент.

Турилин знал, что Лева любит рассказывать по кабинету.

— Можешь встать и побегать, если иначе у тебя застой мысли.— Он откинулся на спинку кресла, незаметно потянулся.

Гуров легко поднялся, прошелся по ковру, чиркнул пальцем по столу заседаний, но везеля не получилось, на столе не было ни пылинки.

— Конечно, следователь прокуратуры и я кое-что накопили... Однако... У меня это дело, к сожалению, не единственное. Лететь туда или нет, я решить не могу. Будет результат, не будет? Вы многого от меня хотите, Константин Константинович. Я не гений, я только учусь.

— Что не гений, согласен. Собирайся в командировку. Отвези заключение в прокуратуру, получи задание от следователя. Возможно, он тоже вылетит.— Турилин улыбнулся и без всякого перехода спросил:— Как ты живешь, Лева?

— Живу.— Гуров соорудил гримасу, должную обозначать, что он доволен не слишком.— К Москве давно привык. Если честно, обратно не тянет. Вспоминая, конечно.

— Ты когда Крошиным по ипподрому занимался, с наездницей познакомился.— Турилин задумался.— Нина, фамилию запомнил...

— У нее сын в школу ходит. В прошлом году приезжала с мужем, виделись.

— Потом у тебя еще интересная девочка была.— Турилин сдержал улыбку.— Когда ты убийство писателя раскрывал...

— Извините, Константин Константинович.— перебил Гуров.— За время моей работы у меня шестое убийство в производстве.

— Надо же такую фразу сконструировать: убийство в производстве. Ты, Лева, когда женишься? Тебе тридцать три? Христа уже распяли, а ты жениться не можешь.

— Меня с этим вопросом дома достают, Константин Константинович.— Лева взглянул на телефоны с надеждой, вспомнил, что они переключены на секретаря, и спросил:— Разрешите идти?

— Разрешаю. Кто-то сказал, что мужчина складывается из мужа и чина. Так что ты, майор, пока что половинка.

— Половинка отправилась в прокуратуру.— буркнул Гуров.— Разрешите идти?

— Разрешаю.— Турилин кивнул.

Гуров вернулся в свой кабинет раздраженным. Дело не в командировке. Он чувствовал вину перед Турилиным. Слово ученик, которого вызвали к доске, а он не может решить простую задачу. Гуров позвонил домой.

Отец находился в командировке, мама в подмосковном санатории, в квартире хозяйничала семидесятипятилетняя Клава. Сколько Лева себя помнит, дома родители или нет, в стенах квартиры Клава — единственный властитель и диктатор.

— Клава, не ругайся, пожалуйста,— быстро сказал Лева.— Я иду домой, значит, буду минут через сорок.

— Премного благодарна, сударь.— Голос у Клавы был молодой, она и выглядела значительно моложе своих лет.— Это очень даже любезно с вашей стороны.— С возрастом Клава стала тяготеет к изысканно-высокопарным оборотам.

Но Лева был не лыком шит, за тридцать с лишним лет определил слабые места противника и мягко пошел с козырей.

— Клава, с моей стороны свинство, но я голоден как волк. Отца с мамой нет, есть, конечно, нечего, сделай яичницу из ста яиц.— Ему показалось, что на другом конце провода раздалось довольное урчание.— И вскипяти мне литр молока, необходимо выпастись, а без горячего молока не сон, ты же всегда учила...

— Давай, давай, Спиноза!— Клава бросила трубку. Почему-то старая домохозяйка высшим мерилом дипломатической хитрости считала именно Спинозу. Всякие попытки разубедить ее успеха не имели.

Обеспечив себе радушный прием, он пошел по бульварам в сторону Никитских ворот, а там по Герцена до зоопарка и, считай, дома. Машину ему бы дали без звука, но Лева хотел пройтись, горячее молоко, конечно, способствует, но после сорока часов нервотрепки можно и не заснуть. Мысли нехорошие выползают, начинают дергать за невидимые ниточки, усталость есть, а сна нет.

Он прошел под улицей Горького, зашагал по Тверскому бульвару. О командировке не думать! Интересно, как выглядел Тверской бульвар сто лет назад? Для человека сто лет — вечность. А для бульвара? Какие были тогда скамейки, фонари? Тогда в двенадцатом часу дня здесь тоже целовались?

Гуров, проходя мимо влюбленных, отвернулся.

А у Риты губы свежестью пахнут. Почему генерал вдруг заговорил о ней? Все помнит. А вот он, Лева, хорошей памятью похвастаться не мог.

Девушку, за которой Гуров сейчас ухаживал и на которой собирался жениться, как только решит вопрос с квартирой, звали Рита. Несколько лет назад, когда она была совсем девчонкой и жила с Гуровым в одном доме, Рита называла себя Марго. Тогда, сто лет назад, хорошенькая взбалмошная девчонка «бегала», как говорят мальчишки, за Гуровым. Она являлась к нему чуть ли не каждый день и претендовала на внимание, все время чего-то требовала. Рита нравилась Гурову. Но ему многие девушки нравились.

Неожиданно Рита исчезла, сначала Гуров не заметил куда, позже выяснилось, что семья их переехала в Сокольники. Гуров поскучал с неделю, ведь и к кошке привыкаешь, и забывает.

Весна — опасное время года для холостяков, а для женатых мужчин особенно. И не потому, что ручейки журчат и сирень-черемуха цветет. Поздней весной, когда становится тепло, женщины снимают с себя пальто, плащи, косынки и шляпки, сапоги и тяжелую обувь и приподнимаются на высокий каблук. Наступит лето, девочки будут разгуливать в майках, не обремененные лишними деталями белья, и в шортах. Но слишком много — тоже нехорошо: мужчины попрыгают и перестанут обращать внимание. Опасна весна, когда женщина, почувствовав свою силу, словно прикоснувшийся к земле Антей, становится непобедима. В глазах ее, широко и обманно смотрящих сквозь мужчин, тоска, веселье, счастье, грусть и тайна. Тайна — это последний гвоздь, которым прибивают мужчину к кресту.

Старший оперуполномоченный МУРа, майор милиции — говорят, что талантливый сыщик, — Лев Ивано-

вич Гуров в конце мая беспечно вышел на улицу, свернул за угол и налетел на нож, который, пронзив мгновенно, застрял под сердцем. Перехватило дыхание, ноги куда-то исчезли, воздух материализовался и заблестел, казалось, что он рвется перед глазами, словно тончайшая ткань.

— Гуров! — Рита всегда звала его по фамилии. — Ты совсем не изменился, разве что поглупел. В определенной дозе глупость тебе к лицу. Исчезают твои противные напыщенность и значимость.

Рита взяла Гурова под руку, пошла рядом, беспечно щебеча, якобы не замечая своей мгновенной победы, втайне упиваясь ею и мечтая о мести.

Тридцать мужчине или тридцать три — в принципе нет разницы. Женщина, перешагнувшая свое двадцатилетие и разменявшая третий десяток, — это... С чем бы сравнить? Представьте себе салажонка, прибывшего в морской учебный отряд. Бритая голова болтается на худенькой шее, светящиеся уши-лопухи, сутулый, с болтающимися без дела руками. Через три года с трапа корабля спускается старшина первой статьи. Упругой, мягкой походкой идет он по пирсу в жизнь. Развернуты широкие литевые плечи, гордо посажена голова, чуть прищурены немигающие глаза, на лице мягкая улыбка.

Гуров и Рита встретились минувшей весной. В жизни за все приходится платить. Рано или поздно. Жизнь призвала Льва Гурова к ответу двадцать восьмого мая в девять часов семь минут.

Почему он, неразумный, не женился? Хотя бы на секретарше Турилина? Растил бы сына, спешил вечерами домой, был бы относительно защищен.

Он вообще был максималист, в вопросе семьи особенно. Лева за завтраком смотрел на отца с матерью, следил за их взглядами, осторожными прикосновениями, ласковыми улыбками. В тысячный раз удивлялся их бесконечным звонкам друг другу в течение дня. «Ты обедал? Нет? Я просто так. Ты устала? Я задержусь на час». «Не торопись, побудь с мужиками, тебе это надо». За тридцать пять лет друг от друга ошалеть можно. Отец с матерью и шалели, они любили друг друга тридцать пять лет. Лева решил — только так. Либо все, либо ничего.

С другой стороны, Леву травмировали друзья-ровесники. Некоторые женились по второму разу, один ухитрился уже оставить двух жен, каждую с ребенком, и звал Гурова на новую свадьбу.

Ну, не то чтобы все без исключения так, исключения встречались. Редко. В мужских компаниях бесконечные, однообразные, как оттики от одной матрицы, разговоры: зарплата, заначка, казарма... Самое пристойное упоминание о жене — «моя», либо — «сама». Развернутую по данному вопросу полемику в «Литературке» Гуров просматривал без интереса.

Прав он был или не прав, Гуров прямолинейно считал, что счастье свое, любовь, человек носит в себе и помочь ему извне нельзя.

Лететь в командировку Гурову не хотелось. Неожиданной была реакция прокуратуры. Следовательно, узнав о разбойном нападении в Городе, о том, что был использован пистолет, разыскиваемый по разбою в Москве, сказал:

— Летим, Лев Иванович, летим.

Когда следователь прокуратуры и Гуров прилетели, в Городе произошло еще два разбоя, были убиты два инкассатора и один сотрудник милиции. Все сотрудники областного управления, отделений милиции работали круглосуточно с небольшими перерывами на сон. Прибытие следователя и Гурова в такой ситуации казалось не только ненужным, но даже нелепым. Что могли решить еще два человека?

В конце концов критическая ситуация разрешилась в течение суток. Банда из трех человек была выявлена и задержана. И немалую роль в этом сыграл Лев Иванович Гуров. Труд десятков, даже сотен людей принес свои плоды, удача же выпала именно Гурову. Среди несметного количества опрашиваемых людей Гурову попался человек, который, сам того не ведая, навел на след машины преступников. При нападении они использовали угнанную машину, потом пересаживались на свою. Именно эту машину видел случайный свидетель, о чем и сказал Гурову. Все дальнейшее происходило не то чтобы просто, но для милиции привычно. Через несколько часов преступники находились в изоляторе. За дело взялись следователи.

Когда сумму захваченных денег разделили на количество месяцев, которое преступники затратили на подготовку и осуществление своих замыслов, то выяснилось, что их «среднесдельная» составляет шестьдесят четыре рубля тридцать копеек в месяц.

Поистине прав классик: трагическое и смешное порой сосуществуют рядом.

Итак, все кончилось. Гуров случайно, не случайно, но со своей задачей справился. Завтра Москва. Он

сидел в гостиничном номере, расставив на столе ужин. Ветчина оказалась жирной, но Гуров все равно ее съел, запил водой, которая, прежде чем ее разлили по бутылкам, была минеральной, и начал звонить Рите.

Они решили жениться. Вернее, решил Гуров и пошел к своей цели кратчайшим путем, по прямой. Он виделся с Ритой каждый день, встречал, провожал, дарил цветы, говорил слова. Он не изобрел велосипед, не придумал порохов, шел тропой предков. А они велики в своей бесхитрости, наши предки. Рита вроде бы пыталась вырваться, освободиться. Но ее женские уловки не проходили.

Гуров был профессионалом, работа научила его: если есть шанс хотя бы один из тысячи,—ты не побежден. Он мог беседовать с человеком о получасовой поездке в течение трех-четырех часов, заставить вспоминать, вытаскивать из подсознания такое, о чем человек, казалось бы, и не знал.

В подсознании Рита мечтала выйти за Гурова замуж. Не отдавая себе отчета, она сопротивлялась яростно, почуствовав свою силу и власть, желая в первую очередь отомстить. За то, что было три года назад, за свои унижения, за его надменность, снисходительность и холодность. Она желала проучить Гурова, посмотреть, как он мучается.

Игре этой вчера исполнилось десять тысяч лет. Но в том и завораживающая прелесть любовной истории, что, сыгранная людьми миллиарды раз, она в каждом исполнении уникальна, самобытна.

Наконец, Гурова соединили, и он услышал любимый голос:

— Здравствуй, Гуров. Я рада, что ты выбрал время. Что ты хочешь мне сказать? Только, ради бога, не повторяйся.

И даже эта манерность, которой Рита пыталась его ужалить, за тысячи километров показалась милой и естественной.

— Ни за что не угадаешь, что я сейчас делаю,—гупло улыбаясь, сказал Гуров.

— Очень мне интересно, умираю от любопытства,—продекламировала Рита и тут же спросила:—Так что ты делаешь?

Будь женщина логична и последовательна, каким бы образом она сводила мужчин с ума?

— Я сижу в номере один и пью «Боржоми»!—радушно сообщил Гуров.

— Ты врешь, Гуров. А чем ты закусываешь?

— Я вру только в крайнем случае,—назидательно сказал Гуров и тронул пальцем скользкий кусок ветчины.—Закусываю свиной, которая умерла в старости от ожирения.

— Врешь, Гуров. Ты вообще не пьешь, тем более в одиночку. Она хотя бы красивая? Как ее зовут?

— Не говори глупости! Позвони моим, завтра я буду в Москве. В двенадцать на нашем месте.

— В двенадцать ты будешь на Петровке, Гуров.

— Рита, я говорил, что люблю тебя?

— Не повторяйся...

— Прилечь, запишу на магнитофон...

— За звонок я целую тебя. Не забывайся, отберу обратно.—Рита рассмеялась и чужим, механическим голосом продолжала:—Ваше время истекло, кончайте разговор... Кончайте разговор. Целую.

Гуров включил телевизор, бросил на кровать чемодан, стал собирать вещи. Завтра Москва...

Раздался стук в дверь.

Лев Иванович Гуров слыл в МУРе человеком, способным предвидеть опасность. Однако самоуверенность, рожденная ощущением счастья и удачи, подводила и более опытных, и он весело сказал:

— Попробуйте войти!

Дверь открылась, на пороге застыл сержант милиции.

— Здравия желаю, товарищ майор. Товарищ подполковник просит вас... заглянуть, буквально на несколько минут. Здесь рядом, машина у подъезда.

3. Убийство

Оперативная группа вошла в квартиру в двадцать два пятьдесят. Гурова привезли из гостиницы одновременно с экспертами.

Человек лежал навзничь, даже беглого взгляда было достаточно, чтобы уяснить—покойник. Однако первым к нему подошел врач, опустился на колени.

Человек на полу был Игорь Лозяно, которого Гуров видел в аэровокзале.

Гуров болезненно поморщился, обошел нетерпеливо повизгивающую овчарку, вернулся к лифту, который тут же открылся. Из него вышел следователь прокуратуры, взглянул вопросительно. Гуров кивнул и посторонился; следователь коснулся его плеча участливо, словно перед ним был не профессионал, которого ждала работа, а близкий родственник погибшего. Со следователем Гуров работал два дня назад. Николай Олегович был опытным юристом, человеком

спокойным, вдумчивым. Они симпатизировали друг другу.

Гуров проводил следователя взглядом, остался на площадке, в квартире ему делать нечего. В ближайший час все будет происходить с четкостью отлаженного механизма.

Врач установит факт смерти, овчарка возьмет след, потыкается у лифта, начнет метаться у подъезда и, виновато поджав хвост, уедет в сопровождении обиженного проводника.

Эксперт НТО, сверкая вспышкой, сделает достаточное количество снимков, затем распакует свой универсальный чемодан и постарается выжать из неодушевленных предметов информацию. Начнет со стола, чтобы следователь мог сесть писать протокол осмотра.

Следователь опишет, как лежит тело, и многое другое. Он будет писать долго и подробно.

Из соседней квартиры вышел оперуполномоченный Боря Ткаченко, привел понятых. Видимо, муж и жена, наверное, они уже легли спать. Мужчина, шлепая тапочками, подтягивал на округлом животе тренировочные брюки, женщина одной рукой застегивала халат, другой пыталась причешаться.

Гуров с удовлетворением отметил, что Ткаченко, поддерживая женщину, в чем она несколько не нуждалась, тихо и спокойно ей что-то говорил, и голос лейтенанта был ровный, уверенный.

Еще в машине Гуров узнал, что тридцать минут назад дежурному по городу позвонил неизвестный и сообщил, что по данному адресу лежит труп.

А тогда, в гостинице, у Гурова с языка чуть не сорвалась циничная фраза: «Ну и что? Работайте, вы за это зарплату получаете». Однако удержался. Сержанту приказали, он выполняет. Встретимся с подполковником, поговорим, решил Гуров и задремал. Уже приехали. Гуров протер лицо ладонью, с раздражением подумал, что согласился напрасно.

Можно сколько угодно ругать себя и убеждать в чем угодно, а профессиональные, выработанные годами навыки подталкивают на привычную тропу.

В большинстве случаев тело обнаруживают родственники погибшего либо соседи, и он ожидал, что на лестничной площадке будут шуськаться, толкаться люди. Однако здесь никого не было. Дверь квартиры не заперта, лишь прикрыта, ключ торчал изнутри. Значит, кто-то вошел, увидел, вышел, позвонил, скорее всего из автомата. Ни ждать приезда, ни называть себя человек не пожелал, видимо, не хочет «попадать в историю».

Гуров гнал от себя эти мысли. Защищать людей от самих себя и друг от друга Гуров обязан, но данный случай его не касается.

Хотя он провел в квартире всего несколько минут, обстановка наводила на мысль, что человек жил один. Не факт, но скорее всего так и окажется. Лева прислонился к подоконнику, оглядел лестницу, площадку, двери соседних квартир. Не ухожено, небогато, но и не загажено, так, серединка на половинку. Он припомнил обстановку в квартире; мебель безликая, вот только магнитофон, стереоколонки, проигрыватель запомнились.

Если машина сломалась, не заводится и к ней подходит человек опытный, то первые свои действия он продельвает чисто механически, не думая, идет от простого к сложному. К примеру, проверяет, есть ли в баке бензин.

При выезде на место преступления тоже есть строгая очередность действий, начало проходит автоматически. Закончится осмотр, все будет зафиксировано, первые шаги розыскников тоже predeterminedены многолетним опытом. И Гуров знал, с чего подполковник завтра начнет. Выяснение личности погибшего, его родственников и иных связей и опрос жильцов дома, жителей близлежащих домов. Никакой тут новейшей техники, никакой хитрости. Ноги и терпение, терпение и ноги. Однако разговаривать с людьми, быть дотошным, но не надоедливым, умение располагать к себе человека, сделать его соучастником поиска—большое искусство.

На лестничную площадку вышел врач. Они знали друг друга, уже вместе работали. Лева ничего не спросил, несколько демонстративно отвернулся. Врач быстро закурил и после нескольких затяжек сказал:

— Факты. Удар был нанесен сзади, твердым предметом, не имеющим острых краев. Смерть наступила мгновенно примерно около часа назад. Предположительно: убийца выше среднего роста, крепкого сложения. Возможно, ударили бутылкой.

— Спасибо, доктор.—Гуров сдерживал раздражение.—Вы не знаете, где подполковник Серов?

Врач взглянул удивленно.—Вопрос был явно не по адресу. Из квартиры вышел лейтенант Ткаченко и почему-то шепотом доложил:

— При поверхностном осмотре квартиры орудие убийства не найдено.

Серова нет, но ты его коллега, и ты на месте, значит, должен. Гуров сосредоточился.

— Пройдите по квартирам, извиняйтесь через каждое слово, выясните, кто приходил либо уходил из дома в период от девяти тридцати до десяти. Всех перепишите, возьмите рабочие и домашние телефоны, утром будете их опрашивать подробно. Боря, сейчас ночь. Завтра у людей рабочий день. Боря, вы меня поняли?

Гуров взял его за лацкан пиджака, взглянул в лицо, подождал, пока не встретится взглядом, лишь потом добавил:

— Боря, это ваша работа.

Ткаченко кивнул, начал спускаться по лестнице, остановился, хотел что-то сказать, лишь махнул рукой.

Врач, который молча курил у окна, взглянул на Гурова, усмехнулся:

— В строгости держите.

— В сознании,—ответил Лева и заставил себя вернуться в квартиру.

Тело прикрыли пледом, понятия сидели рядышком на диване, по-ученически положив руки на колени. Следователь быстро писал, эксперт укладывал свой чемодан.

Следователь поднял голову, указал взглядом на дорожку стереомагнитофон. Гуров понял и кивнул. Стоявшую на виду дорогую вещь не взяли, значит, мотив убийства не ограбление. Хотя и не факт. Возможно, взяты деньги либо валюта, если она здесь могла оказаться.

Лева с экспертом вышли на кухню.

— Множественные отпечатки пальцев, в основном убитого,—сказал эксперт.—Есть несколько женских пальчиков. В столах ни одна дверца не взломана, да ни одна и не запирается.

— Почему входная дверь не захлопывается?—спросил Гуров.

— Заметили? А вы дока, майор,—усмехнулся эксперт.—Людам часто надоедает, что дверь захлопывается, когда у них ключей в кармане нет. К соседям идти за топором приходится. В общем, это не по вашей части.

Эксперт был прав, но Гуров упрямо спросил:

— Защелкнут на предохранитель?

— Угадали.—Эксперт злился, что москвич лезет не в свое дело.

— Вы можете определить, когда примерно поставили замок на предохранитель? Скажем, сегодня или год назад?

— Мы многое можем.

— Тогда возьмите верхний замок в лабораторию и допуск сократите до минимума.—Гуров подмигнул эксперту.—Что еще?

— Следов интересных, годных для идентификации, на полу не обнаружил. Розыску работы хватит. А вы домой? Да, чуть было не забыл сказать,—эксперт подождал, пока Гуров поднимет голову, посмотрит на него.—Телефонный аппарат, дверные ручки, выключатели аккуратно протерты.

— Интересно,—сказал Гуров.

— Было бы интересней обнаружить годный для идентификации пальцевый отпечаток,—возразил эксперт.

Гуров согласно кивал, осматривал кухню, хотя отлично знал, что после эксперта вряд ли найдет что-либо интересное.

— Хозяин курил болгарские «Опал», но на столе валялась пачка американских «Уинстон»,—продолжал эксперт.—В пепельнице один окурочок «Уинстона» оставлен хозяином, второй оставлен человеком другим. Я все по пакетикам разложил, следователь закончит, я окурочки в лабораторию заберу. Но вы, майор, на многое не рассчитывайте...

— Бросьте, коллега, оправдываться.—перебил Гуров и присел у раковины, где в углу стояло несколько пустых бутылок, взглянул на них внимательно.

— Обижаете,—сказал эксперт.

— Кто вас обидит, трех дней не проживет.—Гуров взял бутылку из-под портвейна, протянул эксперту.—Взгляните.

Эксперт ухмыльнулся.

— Что на нее смотреть, она чисто вымыта.

— А к чему бы это?—Гуров указал на другие бутылки.—Одна мытая, все остальные пыльные, грязные.

— Слушайте, майор,—эксперт вновь начал раздражаться,—меня интересуют факты, которые могут стать доказательствами. Мытая бутылка—это бутылка чистая! Что вы на пустом месте хотите построить?

— Вы сердитесь, коллега, значит, вы не правы.—Гуров поставил бутылку на место.—Построить нельзя, предположить можно.

— Как вы ее, мытую, отыскивали-то?

— Врач сказал: удар был нанесен, возможно, бутылкой.—Гуров подмигнул эксперту.— Не переживайте, я имел дополнительную информацию, а вы—нет.

Продолжение следует.

28-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Начинаем очередную шахматную олимпиаду. Приглашаем всех читателей «Смены» — любителей древней игры принять в ней участие. Участникам нашего заочного соревнования предстоит решить задачи и этюды советских и зарубежных авторов (в том числе и оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся). Как и в прошлые годы, конкурсные задания будут составлены только из задач-миниматор (с числом фигур не более семи), которые понятны и шахматистам, совсем не искушенным в вопросах композиции.

Олимпиада проводится в 14 туров, каждый тур состоит из нескольких заданий. За выполнение каждого задания в зависимости от степени его трудности участник получает от 1 до 6 баллов. Максимальная сумма баллов за решение всех заданий олимпиады — 100. Наше соревнование, кроме познавательного, имеет и квалификаци-

онный характер. Для выполнения шахматных разрядов устанавливаются следующие квалификационные нормы: 32 балла для получения четвертого, 52 балла — третьего, 92 — второго разряда.

Каждый участник олимпиады должен прислать ответы на задания первого тура только на открытках (без конверта), где, кроме решений, необходимо указать фамилию, имя и отчество, возраст, домашний адрес, профессию и спортивный разряд по шахматам (указать также, если разряда нет). Слева вверху на открытке сделайте пометку «28-я шахматная олимпиада. I тур».

Пять участников, добившихся лучших результатов, объявляются победителями олимпиады и награждаются дипломами журнала «Смена» и призами. Участники, занявшие последующие двадцать мест, а также активные пропагандисты шахмат, которые организуют очные соревнования по решению задач и этюдов по месту работы или учебы, будут награждены книгами по шахматам.

Задачи нынешнего тура составлены В. Чепижным специально для нашей олимпиады.

I тур

1. Публикуется впервые

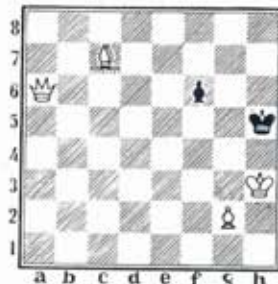
Белые: Kph4, Fa2, Cb3, Cb6, Ke2 (5)
Черные: Kpe4, п. h7 (2)



Мат в 2 хода (1 балл)

2. Публикуется впервые

Белые: Kph3, Fa6, Cc7, п. g2 (4)
Черные: Kph5, п. f6 (2)



Мат в 3 хода (3 балла)

Напоминаем, что в задачах и этюдах, как и в шахматной партии, начинают белые.

Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 1 марта.



4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
заслуженного
тренера БССР
Виктора КРАМАРЕНКО

Олимпиада пройдет в 14 туров: в нечетных номерах — по русским шашкам, в четных — по международным. Принцип ее проведения точно такой, как и в 3-й шашечной олимпиаде. Как по русским шашкам, так и по международным максимальная сумма баллов — 50. Квалификационные нормы соответственно: 26 баллов — третий разряд, 46 — второй.

У всех участников 4-й шашечной олимпиады регистрационные номера остаются прежними постоянно. Тем участникам, которые принимают старт впервые, будет присвоен свой регистрационный номер. Для этого ответ на задание первого тура пришлите в письме с указанием фамилии, имени и отчества, возраста и профессии, укажите также о спортивном разряде. Вложите в конверт открытку со своим адресом.

В олимпиаде могут принять участие и команды коллективов физкультуры, секции, кружки, бригады, звенья, отделения. Они должны избрать капитана и прислать заявку.

На последующие туры ответы присылайте только на открытках: каждое задание с указанием его порядкового номера на отдельной открытке.

Победители награждаются дипломами журнала «Смена» и шашечной литературой.

По просьбе большинства читателей перед каждым туром будут публиковаться учебные материалы.

I тур

КОНТРУДАР

Если в процессе игры ваш соперник совершил нападение на какую-либо из шашек, то вы смело можете планировать тактические операции, так как заранее знаете его ответ — взятие.



В позиции на диаграмме, которую в редакцию прислали школьницы из Ялты Лариса и Виктория Черные, при нападении на шашку b4 белые не уводят и не прикрывают атакованную шашку, а используют свободный темп («роздых») для внезапной жертвы 1. de5!! — контрудара, который является важным звеном в подготовке будущего комбинационного взрыва: 1. ... a:a1 (или 1. ... f:d4) 2.

hg3! f:d4 3. cb2 a:c3 4. ed2 c:e1 5. gh4 e:g3 6. h4:h4 — «круговой удар». Теперь белые выигрывают, используя распространённый прием при борьбе дамки против двух простых — «вилка»: 6. ... bc7 7. hg3 cb6 8. gf2 ba5 9. fe1 gf6 10. ec3 fg5 11. cd2 gh4 12. de1, и белые побеждают, пригвоздив обе простые к бортам.

A. Чернопищук, Москва.



Ф. Бахтиозин, Баку.

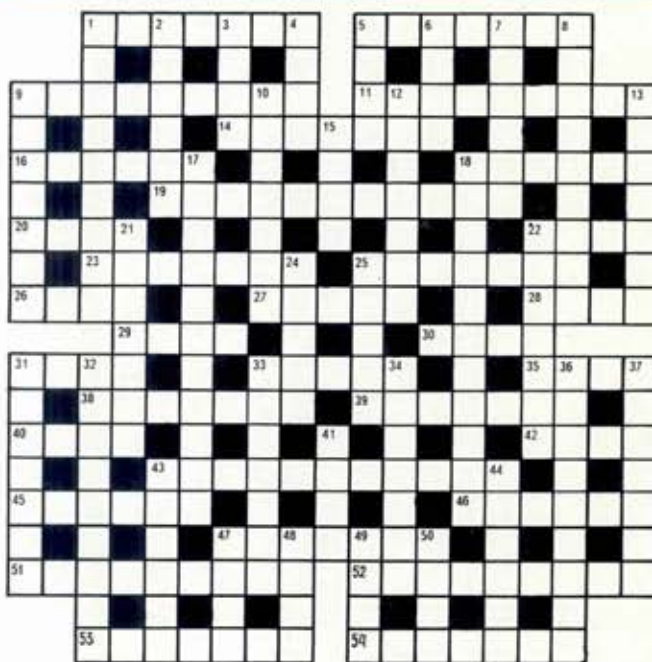


В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла).

Последний срок отправления ответов на задания первого тура — 1 марта (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил Ю. СЛЕСАРЕВ, Свердловск



По горизонтали:

1. Академическая степень, присужденная в 1668 году И. Ньютону.
5. Всадник, участвующий в бое быков.
9. Ткань с рисунком в крупную клетку.
11. Разность между истинным и средним солнечным временем.
14. Герой картины А. Ватто.
16. Шрифт, в котором очертание букв близко к рукописному.
18. Английский писатель XX века.
19. Высшая точка — пик Коммунизма (республика).
20. Героиня романов А. Франса и И. Ефремова.
22. Русский генерал-фельдмаршал, дважды разбивший турок на Арабатской косе.
23. Река в Югославии.
25. Английский физик и химик, создатель химического атомизма.
26. Застывший столб лавы в жерле вулкана.
27. Термическая обработка материалов.
28. Река, впадающая в озеро Ильмень.
29. Главное содержание, основа.
30. Болгарский танец, сопровождаемый пением.
31. «Но если по дороге...» — встает, особенно — рябина...» (М. Цветаева «Тоска по родине!»).
33. Злак, растущий в сырых местах.
35. Аренда.
38. «... — это звучит гордо!» (М. Горький).
39. Овощ.
40. Инженер, составивший первую геологическую карту Англии.
42. Ученые... а неучные — тьма (пословица).
43. Процесс в приготовлении многих лекарств.
45. Феодално зависимые люди в средневековой России.
46. Земноводное животное, похожее на ящерицу.
47. Роман Г. Сувенда.
51. Верхняя часть воздушной оболочки Земли.
52. Основная реакция, обеспечивающая организм энергией.
53. Капитан в повести В. Катаева «Сын полка».
54. Степень родства.

По вертикали:

1. Автор пьес «Монна Ванна», «Синяя птица».
2. Замедлитель нейтронов в ядерной технике.
3. Пищевой продукт.
4. Испанская монета, которую начали чеканить в XIV веке по образцу французских грошей.
5. Самый искусный ткач природы.
6. Запорное устройство на трубопроводах.
7. Танцовщица, покорившая своим искусством С. Есенина.
8. Леонардо да Винчи, Дюрер, Тициан (эпоха).
9. Самый большой остров в Малой Курильской гряде.
10. Декоративное издание, которым славится Вологда.
12. В Дании — фолькетинг, в Швеции —...
13. Ампер, вершок, рубль (совокупное название).
15. Приток Нижней Тунгуски.
17. Способность атома к образованию химических связей.
18. Золотисто-желтый медный минерал.
21. Музыкальный ансамбль.
22. Очень красивая европейская лиана.
24. Стенка над карнизом здания.
25. Одна из двух собак, которых взяли в полет герои романа Ж. Верна «Вокруг Луны».
31. Электромотажный инструмент.
32. Непрерывный учет параметров движения судна.
33. Сто килограммов.
34. Восточная скаковая лошадь.
36. Вид гравюры.
37. Вид спорта, входивший в древнегреческое олимпийское пятиборье.
41. Мясо или рыба без костей.
43. Город на Черном море, строить который начали под руководством А. В. Суворова.
44. Путаница, сумятица.
47. Пьеса М. Е. Салтыкова-Щедрина.
48. «И сегодня я речью говорю перед школом... так глупо!» (чеховский персонаж).
49. Геометрическая фигура, упоминаемая в названии романа А. Ананьева.
50. Сияющий круг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 24

По горизонтали:

1. Эстакада. 6. ...прототип... 11. Онтарио. 13. Секстант. 14. Ксилит. 15. Гиена. 16. Ретушь. 17. Космос. 18. Реформа. 19. Кора. 24. Саго. 26. Травертин. 28. Стефенсон. 29. «Собор». 30. Иволга. 31. Флейта. 32. Лимон. 34. Филумения. 36. Латимерия. 39. Анис. 41. Райт. 43. Генерал. 45. Ацетат. 46. «Низины». 47. Баталер. 49. Интернет. 50. Надеждин. 51. Нортроп. 52. Манометр. 53. Канатник.

По вертикали:

1. Экстракт. 2. Текстура. 3. «Катюша». 4. Донг. 5. Антитезис. 6. Пикнометр. 7. Роса. 8. Толчок. 9. Тулумбас. 10. Латиссон. 12. Азимов. 20. Орнитин. 21. Автобус. 22. Бригген. 23. Афилия. 24. Снайпер. 25. Гораций. 27. Норья. 28. Сокол. 32. Литератор. 33. «Нахаленок». 34. Фанатизм. 35. Либертин. 37. Ратиндан. 38. Ятрышник. 40. Десант. 42. Запром. 44. Химера. 47. Бант. 48. Папа.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.11.85. Подписано к печати 03.12.85. А 04676. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1165000 экз. Изд. № 75. Заказ № 1942. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Клуб «Музыка с тобой» — каким он будет в новом году? Планируя материалы клуба, мы учитывали мнения читателей. Корреспонденты журнала встретятся с молодыми руководителями и участниками вокально-инструментальных ансамблей, рок-групп. Расскажут о «звездах» зарубежной эстрады. Будет продолжен разговор о месте музыки в нашей жизни, в котором примут участие композиторы, поэты, исполнители. Надеемся, что читатели поделятся своими впечатлениями, размышлениями о проблемах современной и классической музыки.

МЫ ЖЕЛАЕМ СЧАСТЬЯ ВАМ!

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»



Рассказ о «Группе Стаса Намина» хочется начать с поздравления. Осенью этого года ансамблю исполнилось пятнадцать лет, более десяти из них он — на профессиональной сцене.

«Юрмала», «После дождя», «Мы желаем счастья» — по этим и многим другим песням безошибочно узнаешь музыкальную группу, а таким «узнаванием» может похвастаться далеко не каждый эстрадный исполнитель.

— А началось все с «Цветов» — студенческого ансамбля МГУ, — рассказывает солист группы Александр Лосев, — вернее, несколько раньше, когда мы еще в школе увлеклись рок-музыкой. Но официальной датой рождения нашего коллектива считаем 1970 год, когда Стас Намин организовал «Цветы»...

В этом небольшом ансамбле Намин был композитором и соло-гитаристом, а Александр Лосев пел и играл на гитаре. В первых же работах, таких, как «Звездочка моя», «Спи, ночь в июле...», «Есть глаза у цветов», отчетливо проявилось то, что позднее определит творческий почерк музыкального коллектива: ярко выраженные мелодичность, мягкость и проникновенность исполнения, сочетающиеся с жесткой ритмической основой современной аранжировки. Уже в тот период начались поиски новых средств музыкальной выразительности: ансамбль пополнил свой со-

став тромбон, трубой и двумя саксофонами, на одном из которых играл Алексей Козлов, ныне — руководитель популярного «Арсенала».

Увлечение джаз-роком оказалось недолгим. В 1974 году «Цветы» записывают два миньона. Приходит успех и вместе с ним необходимость... переосмысления репертуара, отношения к жанру. Как сказал Александр Лосев, «Цветы» «повзрослели». Трехлетний перерыв в выступлениях стал временем проб, сомнений, поисков, серьезных занятий композицией, классической гитарой, вокалом. Когда через четыре года вышла новая пластинка ансамбля «Группа Стаса Намина», стало очевидным, что музыканты не только изменили прежнее романтическое название, они осмыслили заново себя и свое творчество.

Музыка их стала самобытным, четким языком, на котором они повели диалог со своими слушателями, диалог о самых острых проблемах сегодняшнего дня.

«Песня борется за мир» — так, пожалуй, можно охарактеризовать идейную направленность творческой группы Стаса Намина в прошедшие годы. Ансамбль выступает на антивоенных митингах и тематических вечерах, часто передавая сборы от концертов в Фонд мира. В 1984 году коллектив стал лауреатом фестиваля «Рок за мир», который проходил в Берлине. В прошлом году музыканты получили специальный приз за участие

во внеконкурсной программе международного фестиваля «Золотой Орфей». Они награждены медалями и почетными грамотами Советского и Болгарского комитетов защиты мира.

— Современной молодежной музыке необходима четкая политическая позиция, и, как нам кажется, ее основной настрой должен быть антивоенным, — считает Стас Намин. — Наш жанр имеет неограниченные возможности для пропаганды идей мира. Конечно, это не исключает и исполнение лирических песен, ведь их жизнеутверждающее начало не противоречит нашей главной теме.

К 40-летию Победы ансамбль подготовил концертный цикл «Песня против войны», в который вошло более двадцати баллад и песен на стихи А. Вознесенского, Е. Долматовского, Е. Евтушенко, Ю. Кузнецова.

Голос, актерская выразительность, высокий профессиональный уровень, оригинальная режиссура, точно смонтированный киноматериал — вот причины успеха музыкального коллектива.

— Ансамбль — творчество коллективное, — говорит бас-гитарист Юрий Горьков, — но вклад каждого музыканта не всегда равноценен. Намин и Лосев, создавшие нашу группу и наметившие ее творческий почерк, — безусловные лидеры ансамбля. Однако это не значит, что участники коллектива «на одно лицо». Каждый из нас имеет сольные песни, которые пользуются популярно-

ТРИО В СОСТАВЕ: АЛЕКСАНДР ЛОСЕВ, ГАРРИ БЕЛАФОНТЕ И СТАС НАМИН.

стью именно с учетом индивидуальности музыкантов.

«Группа Стаса Намина» сегодня — это баллады и элегии, парафразы и джазовые импровизации, симфоджазовые и рок-джазовые композиции, одностольные и даже многоголосные русские народные песни. Ансамбль активно сотрудничает с кинематографом (музыка к фильмам «Фантазия на тему любви» и «Песочные часы»), выпустил несколько дисков-гигантов. Вскоре выйдет двойной альбом «Мы желаем счастья вам», записанный «Группой Стаса Намина» совместно с ведущими музыкантами из разных стран мира. Альбом посвящен Международному году мира.

А совсем недавно закончилось большое турне коллектива по городам Федеративной Республики Германии, где музыканты исполнили свою новую программу.

Татьяна ПИЛЮГИНА